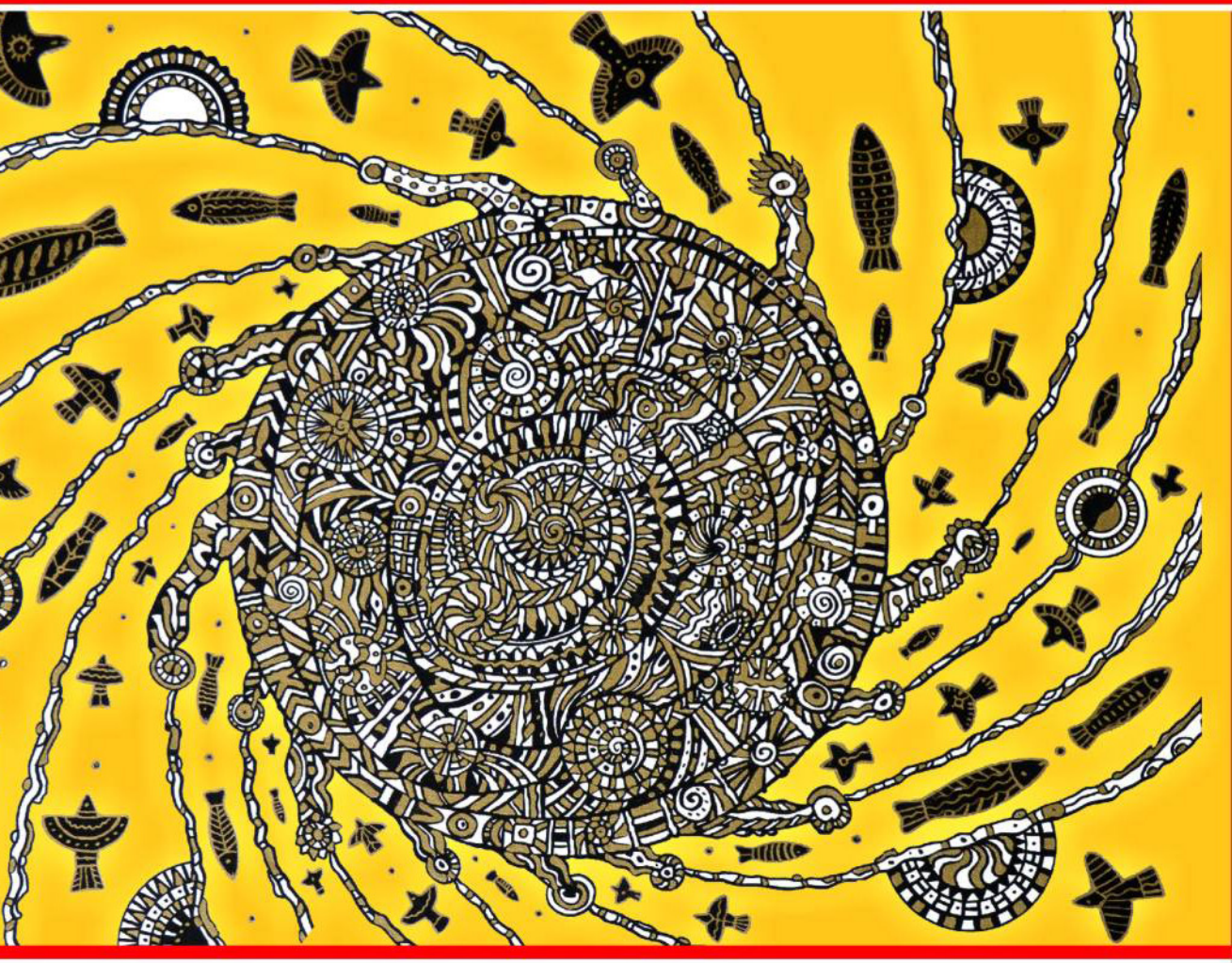
АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ

АРТ ЛАД

12+

4
2018

Журнал «Арт-лад»



АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ

АРТ ЛАД

12+

Содержание

Акценты 3

Проза. Поэзия. Литературная критика

Е. Афанасьева. Лэбач. *Ичӧт поэма* 6
Ф. Конев. Ивия. *Повесть* 11
С. Носов. Поэт надеется. *Стихи* 45
С. Носов. Поэзия и магия. *Эссе* 53
С. Журавлёв. «Три истины, три камня, три кита...» *Стихи* 60
С. Журавлёв. Канкан «Сысольский кот». *Комедия* 67

“Ы” – том гижысьяслӧн литературнӧй журнал

И. Неклюдова. Син югдӧм. *Висьт. (Вуджӧдӧма рочысь А. Шомысова)* 99
«Орӧдӧм сьыланкыв»:
Е. Козловакӧд да Е. Афанасьевакӧд ёрта сёрни 104

Жил на Вишере Тюве

Тюве знает всё. *Коми-вишерские предания* 111
А. Попов. Туналӧм ордым. *Пьеса* 116
Л. Лобанова, А. Рассыхаев. Тювэ – герой вишерских сказаний 149

Арт-факт

П. Лимеров. «Архаика и современность»:
художники о своём творчестве 162

Сыктывкар, 2018

АРТ ЛАД

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республикаса литература, публицистика, история, культурология да художественнӧй журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке Администрации Главы Республики Коми.

Учредители (соучредители):
Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.
Главный редактор – Павел Лимеров.
Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.
Редактор – Татьяна Логинова.
Художественный редактор – Юрий Лисовский.
Литературный редактор, корректор – Алёна Шомысова.
Редактор отдела производства – Анастасия Габова.

100 ЛЕТ ЖУРНАЛИСТИКЕ Республики Коми

ГОД КУЛЬТУРЫ *в Республике Коми* 2018

Журнал «Арт»
Зарегистрировано Управлением Роскомнадзора по Республике Коми. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (85) 2018 г.
Дата выхода в свет: 29.11.2018.
Руководитель редакции: Новикова Н.М.
Главный редактор: Лимеров П.Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки и заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:
167982, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с электронных носителей заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Подписано к печати по графику – 15.11.18. Фактически – 15.11.18. Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Акценты

Акценты

Четвёртый, завершающий наш творческий год номер журнала насыщен литературными находками. Елена Афанасьева поделилась с журналом своими новыми стихами, точнее – маленькой поэмой «Лэбач» (Птица) о больших смыслах художественного слова, Поэзии.

Фёдор Конев, наш постоянный автор из Минска, прислал новую повесть «Ивия» – о маленьком полумифическом народе молгонзеев, жившем с незапамятных времён неподалёку от устья Оби, рядом со «златокипящей Мангазеей», форпостом русских казаков в Сибири, и исчезнувшем вместе с таинственным городом в XVII веке. Древняя кровь будит в современном человеке родовую память, и он понимает, отчего ему так неуютно в нынешнем мире.

Гость номера, автор из Санкт-Петербурга Сергей Носов, вынес на суд нашего читателя подборку своих непростых стихов «Поэт надеется» и такое же непростое эссе «Поэзия и магия» – о поэзии как о таинстве, как теургии, о том, что делает поэзия настоящей и как отличить её от рифмотворчества.

В ноябре исполняется 60 лет Сергею Журавлёву. К этой дате – подборка стихов «Три истины, три камня, три кита...», как всегда, очень светлых по-журавлёвски, и весёлая комедия «Канкан «Сысольский кот» – о пленных французах, живших в усть-сысольском местечке «Париж».

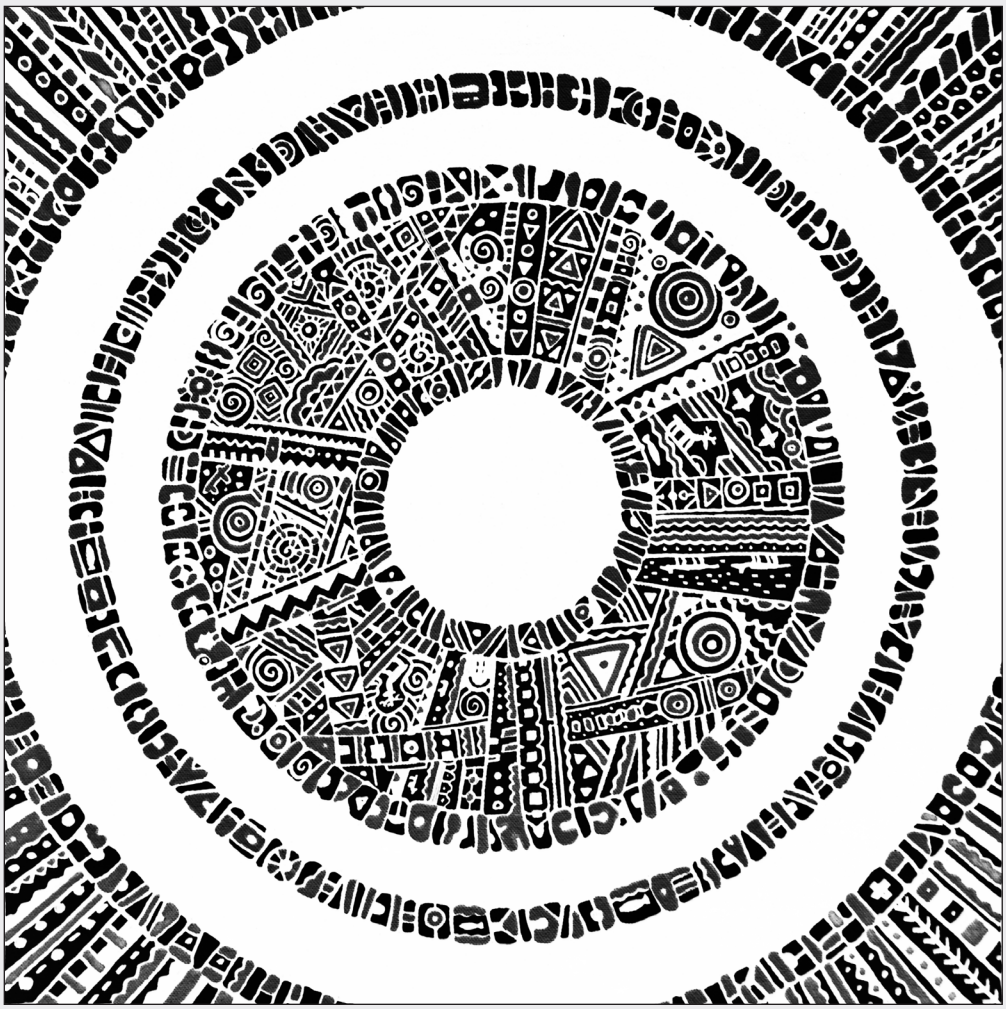
Журнал «Арт» продолжает тему интерпретаций коми преданий, на этот раз представляя предания о вишерском колдуне Тюве в разделе «Жил на Вишере Тюве...». Раздел открывается подборкой наиболее ярких текстов о Тюве. Земляк Тюве, коми писатель Алексей Попов, написал экзистенциальную пьесу-притчу «Туналöм ордым» (Заколдованная тропа) по мотивам этих преданий. Но впервые с данным персонажем познакомил российского читателя К.Ф. Жаков в начале XX века – об этом, а также об эволюции преданий можно узнать из статьи Людмилы Лобановой и Алексея Рассыхаева «Тювэ – герой вишерских сказаний».

В августе 2018 года в Сыктывкаре, точнее, в этнопарке с. Ыб, проходил Международный симпозиум этнофутуристов. О пленэре, о художниках – участниках этого мероприятия – в материале, подготовленном Павлом Лимеровым «Архаика и современность»: художники о своём творчестве».

Журнал в журнале «Ы» в этом номере представлен рассказом автора из Томска Ирины Неклюдовой в переводе на коми Алёны Шомысовой. Своими впечатлениями о поездке в Сибирь, к месту захоронения коми поэта Виктора Савина делятся писатели Елена Козлова и Елена Афанасьева.

Павел ЛИМЕРОВ,
главный редактор
журнала «Арт»

Проза. Поэзия. Литературная критика



ЕЛЕНА АФАНАСЬЕВА

Елена Евгеньевна Афанасьева чужис Удораын, Важгорт сиктын. Гижö кывбуръяс, висьтъяс. «Енкölаö ыбöс», «Ву» – сылöн кывбура асшöр книгаяс. Челядьлы лоины козинöн «Дуда Платтьöа» да «Дуда кимöститчö» висьтъяса небögъяс.

Мöвпыс гижны «Лэбачсö» воис самолётын. Питерысь лэбигöн. Сэні ме ньöби Райнер Мария Рилькелысь «Книга часов» небög. Самолётын лыдди мыйтакö кывбур. А сэсся арнас, кор муні Важгортö, пödруга меным вайис Кывтыва манастырысь серпастор, кöні вöлі кузь кок йылын лэбач. И ме сійöс чайті аслыспöлöс пасöн».

Лэбач

(Ичöт поэма)

1.

– Кывлін,
воліс öшинь дорö лэбач?
Борд шыыс и колис. Ачыс лэбис,
Быттьö эз и вöвлы...
Сетчис тöвлы.

Кывлін –
Талун бара воліс
Матысь либö ылысь...
Вайис зарни тусьсö ловъя кывлысь.

Кöнкö, вöр шöр вöрын олö сійö.
Кыйсьысьлы оз шедöдчывлы киö.
Висьтав, мыйла öшинь дорö волö,
Вöр-ва гыдйын ассьыс нэм кö олö?

Кытысь сылöн мыгöрыс мен тöдса?
Ичöтдырö ыбöсыс нин пödса,
Кор да кытысь аддзылі ме – ог тöд.
Сöмын кыськö югыд вöт моз локтö.

Босьтö ставнас вежöрöс и лолöс,
Вынйöра, но авъя, быттьö лола,
Мунас ме пыр – нуас весиг сьöлöм.
Войт оз коль. И кольö сöмын йöла.

Муысь, ваысь, турунысь да корйысь
Ставсö выльысь меным ковмас корсьны –
Ачымöс, и муслунöс, и ёртöс,
Сійö здуксö, кодыр овла бордъя!..

2.

Аски садьма – гögöр еджыд лым.
Тэрмасьöмöн öшинь дорö локта,
Абу-ö сэн лэбач ёртлöн кок туй,
Морöс пытшкöй виччысьöмсьыс пым.

Абу, абу волöма на, аддза,
Кöть и кадыс выль пöв мöдны дась,
Сьöлöм көсйö чепöсйыны тась...
Ог төд, мыйла кута сійöс тадзи.

Кывлі, эм пö көнкö сэтшöм туй,
Кодöс вуджысь мöдас вордкыв төдны,
Кыдзи тайö олöмас не пöдны.
Важ йöз шуöм серти тайö – ву,

Кодöс төла бордъя лэбач видзö.
Вуыс – помтöм кад пыр мунысь пос.
Весиг кодыр сійö дзикödз кос,
Писькöс выныс морт вежörö сидзö.

Лэбачыс кö некор оз нин лок,
Сытöг овны велöдча ме кыдзкö.
Корся быдмöг чуднэйджыкöс кыськö.
Кодлöн пыста кодь жö вöсни кок.

Пукта ваö, шонді водзö лэдза,
Дзиръя öшинь коля сылы жорк.
Войнас кыла: стеклö кузя – торк.
Крутö содйöд тэрмасьöмöн лэчча.

Волöма öд! Кок туйыс со эм!
Сідзкö, сійö чуткис öшинь таскö,
Медым понді виччысьны нин аски,
Аскомысь, и вояс чöж, и нэм.

3.

Лэбачöй локтіс төлыся войö,
А ме эг узь –
Лолöй тыröма дойöн.
Видзödлі пыдöстöм синмас, и сэки
Кутшömкö лача сійö мен сетіс.

– Мыйла тэ волывлан? – юалі сылысь.
– Тӧда, тэ корсян юкмӧссӧ кывлысь.
– Корся, но кӧн сійӧ: матын-ӧ-ылын?
– Енэж да му костын, тӧдтӧм ю йылын.
– Кыдз нӧ мен босьтны лов пӧткӧдысь васӧ?
– Сьӧлӧмсьыд сӧдзӧд, – и шывкнитіс раскӧ.

4.

Еджыд лэбачыс эз на мун,
Воис сьӧд рӧма лэбач кыськӧ.
Кылі, кутшӧма менӧ кыскис,
Кыскис сы дорӧ тӧдтӧм вын.

Корси енэжсьыс тэнсьыд син,
Кӧсйи юавны сӧмын тайӧс:
Кыдз мен сьӧлӧмӧ тӧрӧдны найӧс,
Доя радлуныс мед эз чин.

Тадзи збыльысь мен көсйыссис сэк:
Ог мӧд водзсасьны бордъя кык ловлы.
Мед жӧ еджыдыс мыш сайын лоӧ.
Сьӧдыс син водзын лоӧ мед век.

5.

Вына лэбачӧй-кадӧй,
Менӧ нуан тэ кытчӧ?
Олӧм бергӧдысь кытшӧ
Либӧ пыдӧстӧм вадйӧ?

Вына лэбачӧй-кадӧй,
Кӧні сэки тэ лоан,
Кор ме дыр мысти воа
Увланьюрасьӧм садйӧ?

Кӧть нин здук сӧмын лолӧн
Тэкӧд окота лоны,
Вына лэбачӧй-кадӧй,
Вына лэбачӧй-кадӧй.

6.

Тані вӧр-пуыс лэбачлӧн мыгӧра,
Сылӧн кокподйыс вӧсни да сьӧд.
Том пу чукӧрыс – ичӧтик рӧд,
Кияс лэптӧны шонді ыргӧнлань.

Сӧмын найӧ оз бордъясьны лэбач моз,
Енэж йирӧ кӧть ловнысӧ кыскӧ.
...Ӧта-мӧднысӧ асланыс лыскӧн
Найӧ дорйӧны чоюкъяс моз.

Лоӧ мый, пуяс лэбны кӧ тась
Другысь көсъясны, кыдз найӧс кутан?
Мӧвпнад мыйта кӧть быдтін да тутін,
Шыркйӧм гӧрӧдсӧ некыдз он разь.

Коді сӧнъясысь вирсӧ нӧ юис –
Асъя енэжыс баситчис – гӧрд?
Эм-ӧ кӧсйысьыс сэтӧні мӧд,
Мед тадз тэрмасис енэж сай юыс?..

Лоӧ мый, пуяс лэбны кӧ тась
Збыльысь сяммасны? Чайтанныд – нинӧм?
Кодкӧ чукӧстас найӧс кӧ нимӧн,
Здукӧн жугалас сьӧлӧмлӧн часть.

7.

Эн ви тэ менӧ помӧдз –
Кольышт ордым,
Мед верми коркӧ волыны тэ ордӧ
Да вайны ки тыр дзоридз сьӧлӧм шӧрад,
Дерт, менсьым лолӧс ас пытшкад он тӧрӧд...

И кольӧ меным тайӧ ичӧт ордым,
Код весьтын сьыланкывйӧс лэбач вордӧ.
И тэныд вайӧм купальнича кольӧ...
И нӧшта на ме сьӧлӧмын кыв дзольӧб.

8.

Кутшӧм лӧнь лои му вылас тэтӧг,
Эськӧ чукӧсті... косӧдны сёр нин...
Асъя лысва моз быри и сёрни,
Сӧмын тӧв ныръс пуяссӧ летӧ...

Корсям сыкӧд, и ог аддзӧй, кытӧн
Зарни тусь тэӧн дзебӧма кывлысь.
Ставлысь юася, некод оз кывлысь.
Шӧйтам лунтыр ми тӧв ныркӧд кыкӧн.

Ивия

(Повесть)

С моим ровесником Борисом Ивановичем я дружил, как поселились в одном доме, и десять лет без малого прошло с тех пор. Квартиры оказались в одном подъезде, моя ниже этажом, отчего и залил однажды меня он, а не я его. Если бы случилось наоборот, не знаю, как бы сложились наши отношения, должно быть, обошлось бы, как с остальными соседями, шапочным знакомством. А тут возникла и укрепилась дружба. Когда я в гневе поднялся и позвонил в дверь, то она тут же распахнулась, а за порогом стоял на коленях крепкий в плечах мужик и смотрел на меня виновато.

– Повинную голову меч не сечёт, – печально произнёс он. – Так народ говорит. Или ошибается?

Конечно, я не ожидал такой встречи, и злость моя быстро улетучилась. Мы, два согласных мужика, за короткое время в квартире моей навели порядок и по этому случаю посидели на кухне. Под водочку разговорились, и теперь, конечно, не упомню, о чём судили-рядили, но жёны с трудом развели нас, буквально насильно растащили, заодно и сами меж собой поладив.

Борис Иванович в ту пору был кряжистым мужиком, чуть ниже меня ростом, но не в пример сбитый, плотный, с мощным загривком, отчего походил на грузчика, привыкшего таскать тяжести. Вообще у него была приметная внешность, но главное – с первого взгляда возникало чувство, что в этом человеке, в его теле, в его руках притаилась медвежья сила. Такие мужики обычно подковы гнут, а при желании за угол избушку приподнимут и подержат для куража. Я говорил Борису Ивановичу:

– Твой пращур – медведь. Даже не спорь. Неоспоримый факт.

– Не все от обезьян пошли, – согласно покивал Борис Иванович, но при этом о чём-то своем думал, я заметил по рассеянному взгляду.

У него и лицо-то было круглое, щекастое, но под густыми нависшими бровями светились голу-

ФЁДОР КОНЕВ

Фёдор Егорович Конев родился 28 февраля 1935 года в селе Мужи Тюменской области. Зырянин. После службы в армии работал в местной газете. После окончания сценарного факультета ВГИК приехал в Сыктывкар, где только-только рождалось телевидение. В 1978 году был приглашён на «Беларусьфильм». Работал членом сценарно-редакторской коллегии, заместителем главного редактора киностудии. В качестве автора участвовал в создании более двадцати полнометражных фильмов. Пишет прозу, в основном на северные темы. Член Союза писателей Беларуси и совместного союза России и Беларуси.

бые глаза, нисколько не повзрослевшие, ребячьи. И такое возникало ощущение, что в этих глазах никогда не затухало любопытство: кажется, разбуди в полночь, оно тут же и вспыхнет. Всякий, бывало, пустяк занимал Бориса Ивановича: если можно, то уж обязательно пощупает, потрогает, проверит, даже и на зуб. Но была у него ещё и другая страсть – любил удивлять. И уж тут равных ему я не встречал в жизни.

Вот он полгода назад и огорошил меня, можно сказать. За десять лет знакомства времени хватило на то, чтобы друг другу вывернуть всю подноготную о себе. Сколько всего повспоминали, и не по разу! А тут такое откровение.

Сидели по нашему обычаю за кухонным столом, на этот раз у него. Ублажив себя рюмочкой светлой водки, Борис Иванович развернулся на табуретке боком к столу, чтобы спиной привалиться к стене, и в этом удобстве завёл разговор на серьёзную тему. Погода, политика, соседские сплетни – то мелочь, сорочья трескотня, а есть вещи куда важней, и только они стоят уважения. Привычке этак усаживаться он следовал все прежние годы, так что я тут же и догадался: мой друг собрался философствовать. Была у него страсть такая – возвыситься над бытом.

– Видел ли ты Млечный путь? – спросил меня Борис Иванович и с таким значительным видом, будто речь шла о невесть какой невидали.

– Помилуй, да как не видеть?! – удивился я.

– И что это, по-твоему? Скопление звёзд?

– Если не скопление, то не знаю – что.

Оказалось, что людские души, избавляясь от тленных тел, взлетают в небеса и пристраиваются к бесконечному потоку, который движется непонятно откуда и неизвестно куда. Вот что есть Млечный путь. И выходит, что светят не звезды какие-то, а души ушедших предков. А что это означает? А означает это то, что предки не бросают нас, а даже в самые кромешные ночи помогают находить дорогу в бескрайней тундре.

Причём тут бескрайняя тундра, если мы с ним жили в столичном городе Сыктывкаре и под окнами нашего пятиэтажного дома бегали машины по асфальту, не ориентируясь по звёздам, я как-то не шибко уразумел, но и уточнить не успел, потому что Борис Иванович поднял указательный палец и твёрдо сказал:

– Так думали молгонзеи.

– Кто, Иваныч? – спросил я тихо, будто с опаской.

– Люди, сосед, люди, – важно пояснил он и добавил: – Великого рода-племени.

Народов на земле много, а племён в Африке или, к примеру, в Австралии тоже хватает, так что все в голове не уместятся. Да и какая мне нужда их помнить? Вот я и спросил:

– Где проживают, Иваныч?

Он молча показал пальцем на потолок, имея в виду, конечно же, небо. А сидели мы вечером и, должно быть, в это время всеми звездами мерцал Млечный путь.

– Не совсем понял, – осторожно признался я.

– Нет того племени, – сказал Борис Иванович. – Исчезло непонятным образом.

И на том мой друг разговор закончил в тот вечер. Зачем было затевать его,

если до конца не довёл? Потом только задним числом я догадался, что Борис Иванович примеривался, стоит ли мне доверять свою тайну, и по первому разу не решился. Я уже и забыл об этом племени, посчитав, что приятель случайно вычитал где-то да поделился знанием, которое лично к нему не имело никакого отношения. Но прошло какое-то время, и Борис Иванович снова уселся удобно, уставился на меня и явно чуть свысока спросил:

– А знаешь ли ты, сосед, кто перед тобой сидит?

Что было ответить? Мы с ним до пенсии ездили на работу одним автобусом и выходили на одной остановке, только я служил редактором местного телевидения, а он инженером при телецентре. Уж не собрался ли хвастаться, что заслуги имеет, отмечен государством грамотами и даже какой-то медалью, а потому неровня всем прочим вроде меня. Нет, не мог я допустить и мысли о том, что мой друг способен на глупое бахвальство, и правильно смолчал. А он ответа и не ждал, продолжил сам:

– Ведь ты даже не знаешь, что сидит перед тобой последний молгонзей.

Думаю, шутит. Но с таким серьёзным лицом вроде не валяют дурака. И в глазах такая важность, что усомниться опасно. Последний из могикан уже был, думаю, теперь последний молгонзей появился. Сидит, привалившись к стене, и смотрит на меня с таким видом, будто готов признаться: золото племени персонально ему досталось.

– А ну, покажи паспорт! – потребовал я, уверенный в том, что тут же он засмеётся и скажет, что пошутил, разыграть хотел.

Но Борис Иванович за документом не побежал, а с такой жалостью ухмыльнулся, словно я и впрямь полный простофиля: верю документу, а не его честному слову.

– Хорошо, – смирился я, – хорошо. Мне как-то без разницы, если честно...

Никогда я не придавал значения национальности, не та это мерка, которой измеряется человек. Тем более – друг. Так что не понял я тогда, с чего Борис Иванович затеял этот разговор. Да ведь ещё и надулся на моё признание, что не вижу, чему удивляться. Даже продолжать не стал тему, сменил пластинку, заговорил о погоде. Расстроилось наше тихое застолье. С чего?

Вернувшись домой, говорю жене, что сосед наш, оказывается, молгонзей. Недовольно сказал, с досадой на соседа. Жена спросила:

– А это ещё кто – монгозя?

– Народ был. Их нет в природе. Они исчезли.

– Как это – исчезли?

– Да так вот – были и не стало.

– А он?

– Он последний.

– Все исчезли, а он остался? Подозрительно что-то...

– Что тут подозрительного?

– Пить надо меньше, – подумав, заключила жена. – Взяли привычку, как встретятся, так по рюмке. А встречаются каждый день.

– Не искажай реальность, позволяем только по пятницам.

– И ты монгозом будешь, – предрекла моя благоверная, да ещё и припугнула: – Вот увидишь!

– Чему быть, того не миновать, – вздохнул я покорно.

– Вот-вот, – закивала жена и занялась своими делами, тут же забыв о разговоре.

А я задумался и понял, что не отмахнусь от услышанного признания Бориса Ивановича. И не в том дело, кто он. Хоть папуас, хоть швед, для меня всё равно останется Борисом Ивановичем. Вот только почему все годы молчал, а тут без всякой причины раскрылся вдруг.

– Немного осталось, – как-то сказал он.

– Да ты о чём, Иваныч? – подивился я в тот солнечный час, что шли мы с ним в магазин.

Видать, невесёлые мысли поселились в голове и зажились, как непрошеные гости. Я-то гоню всякую хмарь из головы. Толку же от неё никакого!

А вот он заговорил о молгонзеях. И, похоже, не просто так, не по застольной прихоти, а с каким-то только ему понятным умыслом. Даже мысль у меня появилась, что этот умысел для него очень важен, что с продуманным прицелом делится он тем, что один знает и более никто на всём свете, вроде как передаёт эстафетную палочку. Только с чего решил, что я его переживу?

Назавтра я сам спросил о молгонзеях. Он пригласил меня чаю попить. Деньто был не пятничный, потому графинчик не выставил. Да и я не намекнул. А ведь зачем-то позвал. В тот раз он довольно сухо дал справку о северном племени, которое вполне можно было назвать народом, поскольку был многочисленным и занимал большие пространства в низовьях Оби. Его представители занимались теми же промыслами, что и другие коренные северяне, но отличались от них обликом. Скажем, ненцы смуглые, похожие на индейцев, ханты узкоглазые, скуластые и сплошь черноволосые, а молгонзеи вполне сошли бы за европейцев. Борис Иванович при этих словах ладонью провёл перед своим лицом, мол, «вроде меня». Образец, конечно, показался мне сомнительным, но ведь по эту сторону Урала тоже водятся медведи.

Он умолк, подозрительно глядя на меня, должно быть, прикидывая, стоит ли продолжать. А я ему – вопросик. Он ответил, а я ещё интерес – где? когда? почему? Борис Иванович видит – не притворяюсь, слушаю уважительно, оживился. И с того чаепития завязались у нас вечерние беседы.

Как он весь преображался – честное слово! – как лицом молодел, когда начинал говорить о своих молгонзеях. Особенно же это заметно становилось, когда речь заходила о женщинах того народа. Я вскоре убедился, что Борис Иванович придерживался твёрдого мнения: после них, молгонзеек, женщины вообще вывелись на свете, одно название осталось. Тыкал за окно и негодовал:

– Глянь, стоят. В портках мужских, курят, крашеные, матом базлают... А ведь молодые, ещё соплячки. Что с них будет? Тьфу!

В сравнении с нынешними явно выпившими девицами за окном, конечно, молгонзейки выигрывали по всем статьям. Были они крайне пригожи, ростом невелички, дробненькие, но такие стройные, такие гибкие, такие аккуратные, что на-

глядеться невозможно. Смотри день, смотри два, всю жизнь смотри, а всё дивно.

Ясное дело – красота имела значение, и не последнее. Но отличала этих женщин одна черта, которую в наше время днём с фонарём не обнаружить, хоть всю землю обойди. Они уважали, прямо-таки почитали своих мужчин. Нет, себя ниже не ставили, гордости хватало, и не в подчинении пребывали, не в зависимости, тоже трудились для семьи в полную силу, но были так воспитаны и так настроены, что мужчинами дорожили, потому что без них не было бы кого любить и не было бы детей.

– У них понимание было, – подчёркивал Борис Иванович. – Что главное в женщине? Особенно в тех краях, где девять месяцев морозы да метели, где мужики уходили в тундру, как рыбаки в море, вернутся, нет, один бог знает, где биться за жизнь приходилось каждый день. Да что тебе говорить? Поживи на льдине, поймёшь, почём фунт лиха.

– Главное-то что?

– А главное в женщине, мой дорогой друг, нежность. Умели молгонзейки одним прикосновением ладошки согреть сердце мужика. Где это теперь ты встретишь? Деньги есть – погладят, денег нет – отвернутся.

Понятное дело – перебирал, но спорить с ним не хотелось. По рассказам Бориса Ивановича выходило, что молгонзейки были удивительные существа, от рождения до смертного часа вызывающие только светлые чувства. В детстве радовали родителей послушным поведением, в пору девичества отличались скромностью, а в супружестве хорошо знали своё предназначение – природа создала их рожать. С детства проникались пониманием того, что без них народ иссякнет, а потому за свои короткие сорока-сорокапятилетние жизни рожали, как истинные матери-героини, по десять, пятнадцать детей и, естественно, только от мужа, никакие глупости себе не позволяли, потому что не было у них к этому привычки.

Благоверная супруга моего друга, Валентина, была женщиной строгих правил. Полная телом, на голову выше его ростом, она одним своим видом внушала уважение и бесспорно главенствовала в доме, относясь к мужу, как к малому дитя, которого без присмотра не оставишь. Стержнем её характера была железная уверенность в том, что она знает, как надо и как не надо. В кой-то час за рюмочкой Борис Иванович пожаловался – единственный раз! – на дражайшую половину:

– Всегда спала со мной в ночной рубашке.

Значит, стеснялась, считала неприличным голой лежать даже под одеялом. Я ж говорю – знала, как надо. К тому же была столь дородной, что на руках не поносишь. Да и не позволила бы мужу такой шалости, пуританка этакая. Но печальнее всего, что детей не хотела. Чтобы рожать жене, мужу надо много зарабатывать. Оттого, видать, Борис Иванович, безусловно уважающий супругу, тайком умилялся молгонзейками, особенно одной из них по имени Ивия, в которую явно был влюблён, и этому чувству теперь ничто не мешало, потому что Валентина два года назад умерла от сердечной болезни.

По причине возникшего на пенсии свободного времени появились у меня интересы, не схожие с тем, что были прежде. Раньше я этим не занимался, а теперь долгие часы провожу за компьютером, блуждаю по интернету, как зевака в музее.

А тут появилась уже и деловая потребность.

Борис Иванович о своих молгонзеях говорить-то говорил, но мог всё придумать. Фантазий у него хватало. Вот я и стал искать сведения в интернете, да первым делом и выяснил, что был такой народ, что это не вымысел.

Во времена царя Бориса Годунова был построен торговый город, который стоял на реке Таз, что впадает в Обскую губу. Первый русский заполярный город, между прочим. И назвали его в честь племени, которое обитало в этих краях. Это были молканзеи или молгонзеи. Никто же толком уже и не помнит, как звались. Борис Иванович считает – молгонзеи. А город получил название – Мангазея, что на древнем зырянском языке означает – «край земли».

По мостовым этого града и ходила Ивия в первой четверти семнадцатого столетия.

У моего приятеля Бориса Ивановича было глубокое убеждение, что в характере человека проявляются черты предков, только в причудливом замесе. Скажем, ты упрям. Так чего далеко ходить? Дед настырным был. А что сметлив, так деда по материнской линии прозывали Голованом. Мать добра была, и ты зря не обидишь человека. А коль ленив, так это от троюродной тётки. Та пол не подметёт, всё ей некогда, собой любуется в зеркале. А ещё же есть другие тётки, дядья, бабки, прабабки. И от всех чего-то в тебе отразилось. Чем род шире, тем человек богаче натурой. Река притоками полнится. Так рассуждал Борис Иванович.

А в кого пошёл единственный сын Андрей, не мог понять. Внешне был невероятно похож на отца, тоже плечист и крепок, но весь какой-то расхлябанный, идёт, головой мотает, полусогнутыми руками гребёт, что ленивый пловец, и ступает широко, но с таким видом, будто нет у него ни цели, ни желания идти. Только бы отшагать, да сесть и замереть.

Отношения между ними были довольно странные, в течение многих лет я был свидетелем их семейной жизни и только удивлялся. Больше всего, думаю, Бориса Ивановича угнетало, что сын, единственный наследник, всё ещё холост, хотя ему уже за тридцать.

Как-то я спросил Андрея, чего он не женится.

– Дядь Федь, тебе это надо? – отбился Андрей и тему закрыл.

Домой девушек не приводил, но иногда пропадал на день-два, сообщив отцу, чтобы не ждал ночевать. С кем и где бывал, Андрей не исповедовался нам, полагая, что никаким боком это нас не касается. При мне, и уверен, не только при мне, Андрей никогда не обижал отца. Иные ж дети чуть оперились, и уже считают себя умней родителей, уже свысока смотрят, сопляки. Андрей к отцу относился честно, почитал, как родителя, но совершенно не признавал его мысли. Не спорил, не отвергал, не сердился, а был совершенно равнодушен к тому, о чём рассуждал Борис Иванович, словно с первых слов родителя глох на оба уха и ничего не слышал.

Но я сам видел, как парень заметался, когда отца увезла скорая, был сердечный приступ. Андрей каждый день ходил в больницу, а как выписали Бориса Ивановича, так мы вместе привезли его домой на такси, а подняться надо было на

четвёртый этаж. Выдержит ли сердце? Откуда мы знали!

Тут Андрей подхватил отца на руки. От неожиданности тот растерялся и запротестовал:

– Что ты, сын? Увидят соседи, засмеют.

– Пусть попробуют, – спокойно пригрозил сын.

Он поднимался с ношей, а я поспешал за ним, спотыкаясь. Борис Иванович через плечо сына жалобно смотрел на меня и бессильно стонал:

– Да что ж такое? До чего дожил?

Подняв родителя на пятый этаж, Андрей опустил на ноги, смахнул наигранным движением невидимую пылинку с его плеча и сказал:

– Какие проблемы, батя!

Я так думаю, что сын любил отца, но только душой, а умом даже и не пытался понять, считая, что родитель из другого, прошедшего времени и представления не имеет о сегодняшнем дне. В семнадцать лет Андрей пустился во все тяжкие, уверившись, что можно и без высшего образования лихо «рубить капусту», то бишь зарабатывать деньги. Занимался фарцовкой, ездил в Польшу на приработки, батрачил там, «челноком» мотался, торговал на рынке, пробовал своё дело завести, но всё кончилось тем, что глухо и свирепо возненавидел всё это пустое усердие ради баксов. Деньги давались трудно, а радости Андрею не приносили. Он не был гулёной, чтобы по ресторанам девок водить, а к бизнесу не зародилась страсть. И он занялся ремонтом машин, благо валом хлынули через распахнутый для этого кордон подержанные иномарки. Вскоре прослыл отличным мастером, рихтовал и красил помятый металл так, что от нового не отличить.

Но едва ли работа приносила ему удовольствие. Я пытался выяснить, так ли, но Андрей отмахивался от меня с такой досадой, что совестно становилось приставать. Борис Иванович тоже догадывался, что сыну его занятие нужно только, чтоб сытым да обутым быть.

– Что у него на уме? – спрашивал меня мой друг.

Но что я мог ответить? Нет, он с нами в молчанку не играл, бывало, с охотой поболтает о пустяках, пошутит, даже и водочку выставит, угостит старичков, но за столом не засиживался, уходил в свою комнату и никогда не позволял расспросы.

– Как поживаешь, Андрюха? – интересуюсь будто походя.

– Как все, – ответит, а глаза гаснут, будто в окнах свет выключили.

И ясно же, неохота ему о жизни говорить. Мы с Борисом Ивановичем приходили к мысли, что Андрюхе скучно жить, словно несёт его течением, а ему всё равно – куда и зачем. Особенно занимало нас, старых пней, отчего не женится, годы ж бегут. Даже предположение возникло, что пережил он какую-то драму, некая женщина насолила так, что по сей день оскомина не проходит.

– Они ж какие нынче? – спрашивал меня Борис Иванович, остро глядя на меня.

– Какие? – живо откликался я.

– Сам не знаешь?

– Бабы они всегда были бабами и бабами остались, полагаю.

– Раньше совесть была. А теперь?

– Что теперь?

– Одни деньги в голове.

Недолюбливал Борис Иванович распрекрасную половину человечества. Думаю, от того, что всех молодых женщин огульно винил в неладной судьбе сына. Если ни одна путная не встретилась, то как ещё можно думать?

– Бабы есть бабы, – повторяю уныло, потому что тема эта необъятная и, похоже, непостижимая.

В свои последние дни Борис Иванович часто по забывчивости жаловался мне, постоянному в эти дни гостю, что у сына так и не проснулся интерес к роду, а значит, ко всем тем знаниям, что накопил отец. И это тем особенно печально, что на нём, на Андрюшке, кончается жизненный ручеёк рода, иссякает навечно, и не по какой-то трагической причине, а сам чёрт не поймёт почему. Столько красивых девушек живёт в городе, а сын будто не видит. В одном только подъезде три невесты, одна другой краше, улыбаются ему белозубо, здороваются приветливо, а у него на лице такая скука, что отчётливо проступает мысль: глаза б мои вас не видели! Ну, вот как это разуметь?

Как мне думается, Борис Иванович какую-то надежду на меня питал.

– Ты вот что, – сказал как-то. – Андрюху не оставляй. Зуди и зуди... Сам знаешь, о чём. Ты вот как говори. Отец, мол, внука ждал. Чуть пропусти время, да опять – отец, мол... Ведь он молгонзей... Пусть помнит о том...

– Будет он кого-то слушать! – бурчал я в ответ.

И ещё одна забота была у моего друга в последние дни. Один угол комнаты ещё прежде, ещё при жизни жены, приспособил он под мастерскую, небольшой токарный станок поставил, инструментами обзавёлся и на досуге рукодельничал. Что в голову придёт, то и выточит, то и смастерит. Мой почтовый ящик снабдил таким замком, что никакой умелец не вскроет.

А пришло ему в голову паровозик смастерить.

– Зачем? – спрашиваю.

– Чтоб пыхтел, – смеётся.

Точил деталь за деталью, не спеша подгонял, бывало, откладывал работы, да снова принимался, а тут почувствовал, видимо, время поджимает, того гляди прервётся. Вот и спешил, чуть сердце позволит, он – к станку.

Слышу, телефон звонит. Взял трубку.

– Чем занят? – спрашивает нетерпеливо.

– Уборкой.

– Брось ерунду. Поднимайся.

Выключил я пылесос, оставил посреди ковра, поднялся в его квартиру. Не буду же мешкать, коли больной человек зовёт. На пороге слышу, приглашает из своей мастерской:

– Проходи!

Я вхожу, сразу на него смотрю, а он сидит на диване, и глаза его светятся мальчишеской радостью. Слышу непонятный шум, но не обращаю внимания, с него не свожу взгляда. Он же кивает головой на токарный стол, а там паровоз стоит на такой подставке, что колёсами не касается столешницы. Размера он игрушечного,

конечно, но по-настоящему пыхтит, паром отдувается, поршень бегает туда-сюда, колёса крутятся, и машинист маячит за стеклом кабины. Это ж надо! Я молча сел на диван рядом с другом, и вот сидим мы, два сморчка, смотрим на то, как пыхтит паровоз, да как колёса крутятся, и молчим.

Теперь-то я знаю, что в те минуты и случилось наше прощание. Может быть, никогда прежде не понимали мы друг друга так, как в том молчании, когда сидели рядом и смотрели на паровоз.

– Пыхтит, – наконец радостно произносит Борис Иванович и смотрит на меня с таким видом, будто осуществилась главная мечта в его жизни.

Я уважаю людей с тараканами в голове, без них пресным было бы наше существование. Сам чудаком не слыл, потому что вёл себя, как все, но частенько подмывало выкинуть какое-нибудь этакое коленце, да в самый неподходящий момент. К примеру, на людной улице кувыркнуться и пройти на руках несколько метров, а потом вернуться на ноги и шагать дальше с чинным, невозмутимым лицом. В молодости, конечно, хотелось, не теперь.

А то, бывало, на скучных заседаниях возникало желание запеть в полный голос озорную частушку. Да многие причуды зарождались в голове, не перечесть, но я себе не позволял ничего лишнего, будучи солидным человеком при галстуке. Кстати, выйдя на пенсию, все свои галстуки выбросил в мусорное ведро, как вызволенный раб ошейники, и рад был превелико. Единственно, что всего-то и учудил.

А Борис Иванович был природным чудаком. Хоть шляпу и носил прямо, да мозги были набекрень. Я так бы сказал о своём друге, которого глубоко уважал.

– Пыхтит, – соглашаюсь я, и отчего-то мне радостно, будто из далёкого детства пахнуло теплом.

А паровозику, видимо, чудилось, что летит он по земным просторам в синюю даль. Даже и не знаю, сколько времени прошло, но не меньше получаса, настолько хватило пару, видимо, и наш паровозик стал униматься, колёса крутились всё медленней, поршни ходили спокойней.

– Ладно, иди, пылесось, – сказал Борис Иванович, и голос его прозвучал очень устало.

Вечером я ещё раз забегал. Борис Иванович лежал на диване под одеялом. Увидев меня, беззлобно заворчал:

– Что ты всё шастаешь и шастаешь? Покою от тебя нет.

Видать, было ему очень уж плохо. Паровозик стоял, отливая холодным блеском металла, на верстаке, колёсами не доставая столешницы. Когда я уже отступил к двери, Борис Иванович позвал:

– Слышь? Обещай...

– Ладно, утром поговорим, – успокоил я его.

Легче всего было сказать, что буду зудеть, так ведь совру, выходит. Не хватит у меня смелости приставать к Андрею, да и не хочу я глупым занудством портить отношения с парнем. Решил до утра подумать, как ответить другу, чтобы не огорчить, но разговора не получилось. Той ночью умер Борис Иванович. Андрей говорил, что под утро услышал в соседней комнате отцов голос, будто позвал.

Соскочил с кровати, не мешкая, но было уже поздно. Отец лежал с покоем на лице, мысли не мешали ему, душа не отвлекала, и тело отдыхало от боли.

Таким я его увидел. Сидел я в изголовье на шаткой табуретке, – хозяин всё собирался, да так и не починил, – и у меня было такое состояние, будто заблудился в густом непроглядном тумане и не было никакого желания выбираться, так бы и замер навеки. В эти минуты подступила к сердцу какая-то животная сосущая тоска. Как же всё просто – был и нет!

Вспомнилось почему-то, как сидели мы живые и здоровые за одним праздничным столом, встречая Новый год, рассказывали забавные истории, много смеялись, и Валентина, царственно сидевшая на стуле, что на троне, сказала:

– А мой-то благоверный...

После этих слов умолкла, выдержала паузу, скосив глаза на мужа, который как раз подносил ложку с винегретом ко рту, да так и застыл, насторожившись.

– На «Москвиче» нашем по грибы поехали, – буднично продолжила Валентина, пальцами коснувшись уголков губ. – Остановились в сосняке, думаю, боровичков наберём. Я пошла в лес, а он что-то замешкался у машины. Да вот нет его и нет. Кричу «ау!», не отзывается. Уже полчаса прошло. Что, думаю, с мужиком? Лес-то знакомый, сколько раз бывали, не мог заблудиться. Чего-то, думаю, не то происходит. Вот я и вернулась к машине. Гляжу – матушки мои! – а мужик-то мой руками машет. Подхожу, а он меня не видит. То вознесёт этак руки, то уронит, то в стороны раскинет, то мельтешит ими, будто комаров разгоняет... А лицо-то, лицо! Я ж его таким не видела. Глаза – во! А по щекам – слёзы. Ну, думаю, умом тронулся. «Боренька!» – кричу. А он дико глядь на меня, да как рявкнет – «прочь!» – я так и села на пень. Сижу и начинаю тихонько соображать. Слышу, из машины, из приёмника, музыка доносится, да громко же. Приглядываюсь, а мой-то в лад ей, этой музыке, руками машет. Я уж и дыхнуть боюсь, сижу. Вот приёмник-то умолк, мой вытирает платком мокрый лоб и смотрит на меня такой довольный, как из парилки вышел.

– Какая парилка? – возмутился Борис Иванович. – Это же Седьмая симфония! Шестакович!

Милый ты мой дирижёр! Чудак-человек... Как же ясно тебя вижу среди стройных, устремлённых к небу сосен. Как же вольно было тебе в те минуты, как была крылата твоя душа, как сердце билось могуче, как ясен был ум! Ты был великим, постигшим... Не знаю – чего. И откуда мне знать, если ни разу в жизни не случилось такого просветления, когда становится всё ясно – кто мы такие, и зачем мы.

А ещё, помню, подумалось и о том, что, возможно, передо мной и впрямь лежал мёртвым последний молгонзей, потомок великого племени. Угасла последняя искра. Хоть сын и весь в него, да только внешне, а ум его и душа ничего общего не имеют с предками, и очень это Бориса Ивановича огорчало.

Все народности Нижнего Приобья – ханты, манси, селькупы и другие – являются пришлыми, их праотцы проживали на Алтае, в Прибайкалье, в Саянах. Во времена великого переселения народов, вытесненные более сильными соперниками, они обосновались на севере, много воевали между собой, осваивая лучшие

угодья, веками притирались друг к другу, а теперь живут мирно, и дай им всем Бог здоровья.

Но пришли они не на безлюдные места, до них жили тут местные люди, молгонзеи. Никто никогда и не узнает, когда они тут появились и откуда. Может быть, родились и освоились, как ягель-мох, как ягода-морошка, и стали такими же детьми суровой природы, как белые медведи, песцы, олени.

Мужчины невысокого роста, примерно метра шестидесяти пяти, коренастые и все, как один, плечистые. По этому признаку со спины можно было сразу же признать молгонзея, не ошибёшься. С малых лет, чуть не с пелёнок, учили их охотничьим и рыбацким навыкам, чтобы каждый был удачлив. Ножом владели так, будто фокусники какие. Извлекали моментально, словно молнию выхватывали, удары могли наносить самые неожиданные и с любого положения – в прыжке, в падении, с разворотом. С десяти метров попадали стрелой в воробья. Не ведая страха, накидывались на белого медведя с ножом и разили прямо в сердце лютого зверя.

Но не приходилось им убивать людей, потому что не было врагов до прихода чужестранцев. Вся земля принадлежала им, все звери, птицы, и рыбы служили им добычей, а водилось этой живности в таком обилии, что нынче представить невозможно. И если была у этих людей забота, так только одна – помогать друг другу, потому что в одиночку не выжить на земле трескучих морозов и лютых вьюг.

Если с кем-то из них случалась беда, будто ветром, столь вольным в тундре, разносило этот слух по стойбищам, и тут же десятки доброхотов бросались на помощь. Неслись нарты по снежным стругам, взвизгивая полозьями, гнали каюры и без того быстрых оленей, и не было в это время ничего важней в их жизни, как успеть на подмогу.

Всю жизнь, как я теперь думаю, Борис Иванович мечтал оказаться среди них, среди своих предков, забытых людьми молгонзеев, отважных мужчин и нежных женщин, которые считали, что с ночного неба, мерцая, светят души предков. Если бы мог я поверить, что душа моего друга уже среди соплеменников! Но нет у меня такой веры. И, быть не может, не те времена. Млечный путь – это скопище звёзд и не более.

При жизни Бориса Ивановича я чуть ли не каждый день забегал к соседу, после стал реже беспокоить, однако не забывал Андрея. А тот на эти случаи и не запирал дверь. Разве только на ночь.

– Это я! – каждый раз извещал я с порога.

– Ку-ку! – отзывался обычно Андрей, находясь в одной из двух комнат или в кухне.

Я чего-нибудь приносил, приготовленное женой, бесспорным гением кулинарии, или просолённую мною рыбу. В этом деле, в засолке, я тоже нарёк бы себя гением, но мешает скромность, и совестливей всё же будет назваться мастером. Я подкармливал парня деликатесами, потому что питался он в основном пельменями, и не потому, что на еду денег не хватало, а готовить не любил до невероятности. А того пуще – мыть посуду. Использовал одну кастрюлю – в ней сварит, из нее ест – и одну ложку. Мыть-то всего ничего! А вот кофе доставал самый хороший,

каждый раз угощал меня, да ещё и рюмочку ставил, чтоб помянул я незабвенного друга своего. В общем, мы общались, даже беседы у нас возникали, но больше о политике.

Я, человек старого воспитания, продутый ветрами двадцатого века, относился к международным событиям ревностно, во всём защищая свою страну, и тем вызывал жалостливую улыбку Андрея. Начну возмущаться, а он успокаивает:

– Ну, дядь Федь! Разве важно, кто прав, кто виноват? Все летим в одну задницу. Чёрная дыра – называется.

За его скептической усмешкой пряталась, думаю, твёрдая уверенность, что будущего нет у человечества, потому и не надо дёргаться. Самое разумное – жить, как живётся. Вот и ходил Андрей расхлябанной походкой, на всё вокруг смотрел без интереса и обходил любые трудности, что камни на дороге.

– Не моя проблема, – это его любимые словечки и на всё ответ.

В этот свой приход я застал его посреди прихожей. Он стоял уже в уличной куртке и смотрел на раскрытый паспорт, держа его двумя руками перед собой.

– Куда собрался? – спрашиваю.

– За квартиру платить.

И молчит, не отрываясь от паспорта. Я начинаю гадать – что же такое? Чего это он смотрит на паспорт, будто чей-то чужой оказался в руках, будто подменили? И не знаю, как спросить. Но он сам перевёл взгляд на меня, пожал плечами и удивился:

– Почему Мангазеев? Ну, Петров, Иванов, Сидоров – понятно. А Мангазеев – что это значит?

Вот тогда я объяснил Андрею, что был такой город, но теперь его нет. Мне-то же об этом граде Борис Иванович не просто говорил, а живописал его, будто сам проживал по тому адресу сотни лет назад, хаживал по бревенчатым мостовым и знал по имени всех местных, да и приезжих тоже, но не всех. Тем числа не было, где ж запомнить! Торговый город, он как проезжий двор.

– А с чего так назывался? – спросил Андрей, пряча паспорт в карман.

– Народ там жил, – отвечаю, – молгонзеи.

Андрей уставился в пол, постоял так, кивнул головой и с обычной ленцой проговорил:

– Ладно. Пойду я.

Ещё бы зевнул. Мне даже как-то обидно стало, что он к молгонзеям интереса не проявил. В одно ухо залетело, из другого вылетело, как всегда. Но, с другой стороны, и Андрея понять можно. Я уже говорил, что вошёл он в юношество в девяностые годы минувшего века, когда прежние понятия рухнули, рассыпались, как глиняные горшки, часто раритетные, и стало парню с его ровесниками предельно ясно, «что такое хорошо, что такое плохо». Деньги есть – хорошо, денег нет – худо. А потому хочешь жить, умей вертеться. Вот и вся наука, вся философия, доставшаяся его поколению.

И какая нужда, скажем, помнить о городе, который был основан в 1601 году, а через семьдесят лет сгорел до основания и опустел, так что заросло то место мхом и следа не осталось от «златокипящей вотчины государевой» ни на земле,

ни в памяти человеческой? Уже в советское время археологи затеяли раскопки, да не о том пока речь.

А дело в том, что через какое-то время при удобном случае Андрей снова спросил:

– Почему Мангазеев?

Мог бы и чуть раньше озаботиться, пока отец был жив, тот-то уж дал бы ответ. Вообще-то, я думаю, Борис Иванович не мог не рассказывать сыну о своих корнях, да что в уши влетело в детстве, Андрюха забыл, а подростком стало не до отцовых историй. Фамилия же Андрея была ясна, понятна и проста, как Москвичев, к примеру. Но Москву все знают, а про Мангазею редко кто слышал, думаю.

Был приказ от московского царя Бориса Годунова основать город, нужный для продвижения русских на восток, в неведомую страну Сибирь. Отряд во сто казаков спустился из Тобольска по реке до Обской губы, а там встретили его враждебные племена – ханты, ненцы, юраки, побили ненужных им пришельцев, захватив немалые съестные припасы со светлой невидалью – «огненной водой». Но в следующее лето прибыл новый отряд, более сильный и опытный, отогнал пищалями в тундру сопротивленцев и всё-таки основал город, а молгонзеи много помогли в строительстве. Они одни повели себя дружески. Казаки узнали, что молгонзеи вообще не убивают людей, и прониклись сочувственным уважением. Сами-то не представляли, как это не рубить головы острой саблей. Зачем тогда сабля?

Фамилия Андрея была адресная, не могла возникнуть сама по себе, попросту. Значит, какой-то предок всё-таки из того края, где когда-то кипела жизнью Мангазея.

– Почему? – повторяет вопрос Андрей и смотрит на меня.

Сидели на сороковинах одни, людное застолье Андрей не стал устраивать, этим расстроив соседей, которым охота была поговорить о том, каким хорошим человеком был Борис Иванович. Кухонный стол Андрей уставил готовой едой – ветчина, колбаса, вяленая сёмга, бутылку шотландского виски выставил, но я запротестовал тут же, не успев присесть, мол, убери, мы с покойным такое зелье не пивали, почитали светлую водочку, так что не в жилу пойдёт. Андрей послушно убрал дорогой, в треть моей пенсии, напиток, а принёс из бара початую бутылку водки, которую мы с Борисом Ивановичем не успели допить. Нам с нашими мензурками бутылки хватало на четыре посиделки, так что на три разговора ещё оставалось. Да что уж теперь!

Выпили с его сыном по рюмке молча, пожевали колбасу. И друг ушам не верю, Андрюха просит:

– Дядь Федь, расскажите о Мангазее?

Не успел я слова сказать, как настроение его переменилось.

– А может, и не надо, – проговорил. – Может, только хуже будет.

– Хуже чего?

– Ну, буду знать, кто мои предки. И что? Толку-то? На мне род кончается, дядь Федь. Разве не понимаю?

– Так за чем дело стало? – говорю бодренько. – Женись, да народи богатырей.

– Никогда – слышите? – прямо в ярости какой-то прокричал он: – Никогда не

давайте мне идиотских советов. – И добавил жёстко: – Если не хотите испортить отношения.

После этого непьющий Андрюха налил себе чуть не стакан водки и хлобыстнул разом.

– Прости, Андрюха, – поспешил я заверить. – Слово даю...

Хорошо, что легко поладили. Я же к нему отношусь приязненно, уважительно, парень-то совестливый, безобидный. И жалко мне, что мало у него радостей, вкалывает с утра до вечера, с досугом не считаясь, и не потому, что на деньги зарится, а будто в работе находит отдушину, отвлечение от неотвязчивой печали, которую в иные минуты я ловлю в глазах. Что-то его гнетёт всё ж...

– Стерва какая-то обидела, – говорил Борис Иванович.

Что уж такое могло случиться в его жизни, что забыть не может? Ну, предали, в душу наплевали... И что? Редкий случай? Время ж такое – жалости мало.

– Надо, Андрюха, – говорю тихо, – надо знать свои корни. От этого вреда не будет.

– Не знаю, – сказал он, глядя в окно. – Не знаю.

Он шумно вздохнул и добавил:

– Однако засиделись. Мне завтра – в рань.

Через три дня, помнится, столкнулся с ним случайно. Возвращался из магазина с продуктами, гляжу – выходит из подъезда Андрей, держит на весу два больших из прозрачной плёнки мешка, расставив руки коромыслом. А в тех мешках вижу стоптанные тапочки, зимнее поношенное пальто, пиджак, домашние шаровары, то есть до боли знакомые вещи покойного Бориса Ивановича.

Поначалу я даже расстроился, – что уж так спешит? – а потом думаю, что и сам хотел бы, чтобы в квартире не осталось после меня никаких вещей, что служили только мне и другим не нужны. Была бы такая возможность, Борис Иванович сам вынес бы всё и полы подмёл. Я его знал...

– Дядь Федь, – сказал Андрей, стоя на верхней ступени, – паровоз заберёте. Я вам оставил.

– Конечно, Андрюха, – поспешно ответил я. – Заберу. Зайду вечером и заберу.

Он чуть приподнял мешки, будто пробуя на вес, и безадресно проговорил:

– Вот всё.

И стал спускаться по ступенькам, направляясь к мусорному баку. «Как так «всё»? – потерянно думал я. – Не должно быть, чтобы «всё». Это же одёжка и всего-то. Мало мы за свою жизнь выкидываем изношенного! Так что не в этом «всё», а совсем в другом».

И мне вспомнилось, как я сижу, а Борис Иванович разворачивается на табурете и прислоняется спиной к стене. Хорош он собой, вальяжный, что говорится – и ясен взор, и светел лик, – в ударе мой друг, в настроении, то есть полнокровно жив в эти минуты.

– А слыхал ли ты, дорогой мой сосед?..

И мне уже не важно, о чём или о ком спросит он на этот раз. Да и мой ответ ему нисколько не нужен. Это он знак подал, а я принял и растопырил уши. Это у

него зачин такой. А дальше начнётся повествование, в правдивости которого нельзя усомниться, настолько убедительным бывал рассказчик. Вот в них, именно в этих исповеданиях, и было «всё».

– За долгие годы нагляделся я на них, на баб наших, – так начал Борис Иванович главную свою повесть о девушке по имени Ивия.

В нашей с ним молодости были специальные лекторы, которые рассказывали нам, плохо одетым и не всегда сытым, как хорошо заживётся советским людям при коммунизме, то есть в ту пору, до которой нам, скорее всего, не дожить. Но зато наши будущие дети будут жить припеваючи. Так те кормили обещаниями, а в отличие от них Борис Иванович говорил о том, что навсегда ушло, что размылось в тумане времени и уже никогда не вернётся. Не восстанет из пепла царева вотчина Мангазея, не вернутся в свои стойбища молгонзеи, не воскреснет Солнышко-во-мне.

У молгонзеев же как было? Они, природные люди, называли своих детей по названиям деревьев, птиц, рыб и даже времён года, находя общие черты. Много плачет – Дождь. Много смеётся – Солнце. Хитёр – Лис. Рот большой – Налим. Уши большие – Заяц...

– А Ивия? – естественно поинтересовался я.

– Что Ивия? – недовольно посмотрел на меня Борис Иванович.

Страсть не любил, когда его перебивали. Да кто ж этого любит? Что птицу на лету подстрелить, что мысль перебить. Это я понимал, но любопытство иногда подводило меня, сильнее приличия оказывалось.

– Что означает – Ивия? – уже робко спросил я. – Дерево какое или рыба?

– При чём тут дерево? Тем более – рыба.

– Да ведь сам только что...

– Что я сам? Ты же не дал договорить.

– Ну, прости, Иваныч. Молчу, как пень.

– Вот и слушай. Ивия родилась такой хорошенькой, что ни среди зверей, ни среди птиц, ни среди твоих рыб родичи не нашли ничего похожего. И когда они мучились с именем, девочка так ясно улыбнулась, что все опешили, будто личико её озарилось внутренним светом, будто хотела сказать кроха: «Мне от того хорошо, что солнышко во мне». Так вот и назвали – «Солнышко-во-Мне», на языке молгонзеев получается – Ивия.

Конечно, возникал вопрос: а откуда было знать ему язык забытого всеми народа? Но не буду же я обижать друга недоверием. Меня другое прямо-таки удивило. Борис Иванович с особым удовольствием говорил о внешности девушки, и не раз уверял, что краше и не видел существа.

– Иванович, – на этот раз осторожно подал я голос, чтобы не нарваться на досаду,– а когда она жила?

– Давненько. Сотни лет назад.

– И ты её видел?

– Вот как тебя.

К тому часу я уже знал, что имею дело с чудаком, и расспрашивать не стал, как это могло быть. В досужий час и сказки послушать можно.

– Не беги впереди поезда, – догадавшись о моём настрое, попросил Борис Иванович. – Сиди да слушай. Ладно?

К тому времени, как родилась Ивия, астраханские поморы освоили торговые пути до Оби, а с юга, из молодого ещё Тобольска, по великой реке спускались купцы за «мягкой рухлядью». Но между Обью и Енисеем лежала неизведанная земля, которая по слухам буквально кишела пушным зверьём, хоть всю Москву одень в соболиные шубы.

И чтобы освоить эти завидные края, нужно было поставить форпостом город, которым и стала Мангазея. Как и положено в старинном граде, самое высокое место занимал кремль-детинец, за стенами которого находились воеводский двор, съезжая изба, соборная церковь и обязательная тюрьма, а посад в низине делился на две части, на торговую – гостиный двор, таможня, купеческие дома, три церкви и часовня, и на ремесленную – литейные мастерские, кузницы и другие постройки. Всего в городе было четыре улицы, и мостили их просмолёнными досками, из которых прежде сшиты были огромные баржи. Не было же нынешних буксиров, чтоб поднять их против течения до самого Тобольска, откуда каждую весну сплавлялись они с товаром на обмен. Всё, что выменивали у тундровых народцев, купцы увозили санным путем.

Вокруг до самого горизонта – карликовые берёзы да высокие живучие лиственницы, а на высоком берегу реки стоит чудо-град, просыпается под колокольные звоны, и целыми днями в нём жизнь кипит, как вода в котле. По весне ещё и гостей наезжает до двух тысяч и более, да всё торговый люд, товары привозят невиданные, глаза разбегаются. И есть на что покупать. Молгонзеи быстро приноровились к торгам, вместе с ненцами и селькупами возникали на упряжках из глубин тундры, бойко спорили с купцами, быстро освоив чужой язык.

– Твоя даёт, моя берёт, моя даёт, твоя берёт.

И трясли перед жадными глазами гостей соболиными да песцовыми шкурками. Поначалу молгонзеи своих женщин не привозили в город. Мало ли чего! Пришлый народ озорной. Но разве женщин удержишь, если они прослышали, что на ярмарках торгуют дивными, невиданными украшениями? И не могли они, понятное дело, жить дальше в покое, своими глазами не увидев ожерелья да бусы, колечки да подвески, всю ту золотую, серебряную да стеклянную мишуру, от которой захватывало дух. А бисер!

Эти бабы, молгонзейки, и прежде были жадными до красоты, находили тысячи уловок украсить свою одежду, обувь и головные уборы, полы и подолы распашных своих ягушек, северных манто, обшивали прямо-таки меховой мозаикой из кожи разного зверья, но больше оленя, вырезая полоски, ромбики, треугольники, кружочки и другие фигурки. Каждая ягушка – произведение искусства. Честное слово! А тут купцы предлагают бисер. Скорее всего, торгаши и сами не знали, что этот пёстрый товар так взбудоражит фантазию местных женщин. А они, швеи-мастерицы, мигом смекнули, что наткнулись-таки на свою мечту. Теперь меховые орнаменты можно прошивать бисером. Швы же прямо оживут! Бисером стали оторачивать обшлага рукавов, воротники, пимы и даже оленью упряжь. Где только можно, там и применяли бисер.

Обо всём этом Борис Иванович рассказывал с такой уверенностью, будто всё своими глазами видел. В исторические дебри не забирался, у него была своя песня. Вот он принял рюмашку, поднесённую мной, закусил рыбкой, а затем продолжил свой рассказ.

Да какой там рассказ! Песнь песней... Проникновенно звучал его голос, будто включились все струны души, если они есть. А почему их нет? Ведь говорят – фибры души. А что это, если не струны? У кого-то мало их, а у кого-то – целый оркестр. По крайней мере, мне в голову приходила такая мысль, когда я слушал Бориса Ивановича о молгонзеях. А мысли, как известно, беспричинно не приходят.

И как он менялся, как разглаживались морщины и молодели глаза, когда он в очередной раз вспоминал северянку по имени Солнышко-во-Мне! Я не люблю сентиментальности, меня коробит всякое сюсюканье, а слезливость выводит из себя, потому что мужчина должен быть что кремень, только искры высекать. Но чувствительность Бориса Ивановича меня не раздражала, и потому, должно быть, что много было в этой его размягчённости устоявшейся, глубинной печали. Оно и понятно – какая ж радость любить девушку, с которой разделяет тебя не река, не море, а четыре столетия.

Он ведь действительно любил её, эту Ивию. И нисколько я ничего не преувеличиваю, когда об этом свидетельствую. Ну, чего мне привирать, отсебятину нести? Если бы это касалось любого другого из моих когда-то многочисленных знакомых, то не поверил бы, засмеялся бы в лицо – бред, абсурд, пить надо меньше! А Борис Иванович был всё-таки чудаком – редкий дар! – и нет у меня повода сомневаться, что любил.

Вот я слушаю Бориса Ивановича и представляю вживе глаза Ивии, когда она после размеренной, неизменчивой жизни в чуме оказалась впервые на ярмарке, где народу было столько, что она даже не предполагала, что так много может быть людей, а от обилия невиданного прежде товара на сбитых из плах длинных столах сердце билось испуганно и радостно. Дивно было ей оказаться среди бревенчатых домов, идти по гладким доскам, устланным по всей ширине улицы, слышать перезвон церковных колоколов, голоса со всех сторон, громкий смех женщин, которые своими нарядами больше всего привлекли внимание Ивии.

Кофты плисовые, сарафаны шёлковые да сатиновые, платки крепдешиновые, цветастые, сапожки кожаные с каблучками, да ещё ведь броские украшения, и всё, всё, что на них, для Ивии – невидаль, да не какая-нибудь всякая, а завидная. Сама она вся в меху, ни куска материи, даже нательное из мягкой замши, и хоть ягушка вся в орнаментах, так ведь из цветов только белый и чёрный, а на бойких приезжих женщинах все цвета радуги. И купцы-торгаши весь этот дивный товар предлагают за шкурки соболей, куниц, лисиц, белок, чего пятеро братьев да отец могут добыть сколь угодно. Зверья по ту пору было богато....

И представляю я по словам Бориса Ивановича, как первое восхищение Ивии, когда она с детской непосредственностью смотрела на всё вокруг себя, сменилось настороженностью, потому что девушка заметила пристальные взгляды мужчин, особенно молодых. Вокруг столько женщин, а они пялят глаза только на неё. Чего это? Слова какие-то говорят на своём языке, улыбаются. Нехорошо так смот-

реть на девушек. Ивии шестнадцать лет, и она всё понимает, созрела для замужества, в двадцать лет уже будет перестаркой. Свои молодые соплеменники тоже в последний год стали на неё заглядываться, смотрит какой-нибудь, всё на свете забыл, а лицо при этом становится глупым-глупым. Свои парни ей обычно говорят:

– Выходи за меня.

Она каждому отвечает:

– Дурак!

И всё понятно. А глаза чужаков жадные, разглядывают Ивию так, будто к товару приценяются. Ивию злят эти прилипчивые взгляды, и она держится ближе к братьям. Она не знает, что говорят эти люди. А уже по всему городу слух идёт, что в тундре живёт невиданной красоты девушка. Торговые люди, воротившись домой, рассказывают своим землякам о многих чудесах, что видели за Урал-горой, и непременно упомянут о молгонзейке:

– Краше-то и быть не можно.

С приходом весны Ивия ходила простоволосой, закинув за плечи две тяжёлые косы. Голову держала высоко, но не по прихоти, не из гордыни, а по природе своей, как лебедь. Поначалу Ивия на людей смотрела приветливо, и глаза излучали неизъяснимый внутренний свет, будто и впрямь носила в груди не сердце, а солнышко. Однако назойливое внимание мужчин надоело ей, и она стала прикрывать лицо платком, купленным братьями. Так поступали, к примеру, ханты, а молгонзейки лица не прятали.

Но что было делать? Не бежать же в тундру, если так интересно в городе. Отец и братья баловали Ивию, дарили, что просила она, да ещё Мэйко любой её каприз готов был исполнить. Мэйко было двадцать лет, он был сильным, крепким парнем, удачливым охотником и очень добрым к Ивии.

Она была согласна стать его женой и рожать ему детей. Так что всё ладно складывалось в жизни Ивии, всё получалось так, как она желала, а она-то всего и хотела, чтобы сегодняшний день был хорошим, а завтрашний ещё лучше. Но не мы правим судьбой, и неотвратимая беда уже поджидала её, притаившись на обочине дороги, по которой шла красавица.

После той встречи, когда Андрей вынес вещи отца, мы довольно долго не виделись, с неделю, пожалуй. Я всё ждал, а он всё не звал. Значит, не было у Андрея вопросов ко мне. Значит, и думать не думал он о своей фамилии. Что Гузеев, что Мангазеев – какая разница для него! И хоть я помнил наставление друга – «зуди», но приставать к мужику неловко было.

А тут часа в четыре пошёл я в магазин, чтобы успеть отовариться до окончания рабочего дня, а то хлынет народ с работы и толкайся, да стой в очереди. В пяти минутах ходьбы от дома находится у нас бывший универсам, который обновили пластиком изнутри и снаружи, сняли старую вывеску и укрепили над входом новую – «Супермаркет». Просторная площадка перед этим супером обычно забита иномарками, которых в городе становится всё больше и больше, того гляди запрудят все улицы, получится всеобщая «пробка».

С полным пакетом в руках Андрей выходил, а я только подошёл к магазину.

Подивились неожиданной встрече, перекинулись какими-то словами и уже разошлись было, он направился домой, а я стал подниматься по ступеням, да вдруг услышал громкий женский визг. Испуганно оглянулся и увидел, как из массивного внедорожника – в марках я не разбираюсь – выбралась женщина очень броской внешности, туго обтянутая коротким платьицем, намного выше колен, и с огромным декольте, из которого того гляди вывалится её пышное богатство, и визжит во весь голос. Должен признать, что была она красоты редкой, такие в автобусах не ездят, таких возят только в дорогих машинах богатые господа.

С первой же минуты, как возникла эта красотка, возникло у меня чувство, что где-то и когда-то я уже видел её, но вспомнить не смог – где и когда.

За ней из внедорожника выскочил средних лет с иголочки одетый мужчина и стал успокаивать, но она брезгливо оттолкнула его и двинулась к Андрею.

– Это же мой жених! – кричала она в голос. – Андрюшенька! Родненький!

Народу вокруг было достаточно много, и все, конечно, забыли о своих делах, разинули рты и замерли на месте. Лощёный мужчина снова попытался остановить подругу, схватил её за руку, но она и на этот раз грубо отбилась. Она была сильно пьяна, шла, пошатываясь, виляя бёдрами и развязно размахивая руками. Андрей стоял спокойно, и можно было принять его за одного из зевак, если бы женщина не к нему обращалась.

– Это что же ты, миленький? – ломалась она. – Обманул меня, сироту? Обещал жениться, а сам убежал. Сколько ж я тебя искала! Слёз пролила сколько!

Лицо Андрея было непроницаемым, что там за этой застывшей маской бушевало, только предположить мог, только догадывался я, а сторонние и впрямь поверили, что перед ними обманщик и смотрит-то на брошенную невесту, негодник, с таким видом, будто знать не знает.

Холёный ухажёр снова схватил женщину, теперь за плечи, но она опять же грубо вывернулась. Она подбежала к Андрею в таком порыве, что казалось, бросится на шею, но остановилась в трёх шагах и вдруг захохотала пьяно, пошло, как-то утробно, сказал бы я, и тут же забыла роль покинутой невесты, а вызывающе подбоченилась, выставила полуголую грудь, вскинула пышноволосую голову и спросила издевательски:

– Ну, что, голубчик, завитки берут? По глазам вижу. Хороша Даша, да не наша. Так? А?

Хоть и повторяюсь, но ещё раз отмечу, что и впрямь женщина была яркая, соблазнительная до неприличия и, что главное, знала об этом. Потому выпендривалась победно, мол, смотри, что потерял, олух ты и тюха-матюха, но чувствовал я некий надрыв в её голосе, будто нервы на пределе, ещё миг, и лопнет скрипичной струной.

– А ты ещё главного не знаешь, как я любить умею! – измывалась над моим Андреем женщина и кивала на своего кавалера. – И вот с этим пойду, а не с тобой!

С пьяной женщины какой спрос? Понесёт её, как лошадь, и нет ей удержу. Да и стыда нет.

Подбежал молодой, крепко сбитый водитель, помог ухажёру, подхватили женщину под локти и понесли к машине, приподняв так, что она не касалась ногами

асфальта. Женщина мотала головой и вопила, как раненая волчица – честное слово! – что-то истошно-звериное было в её пьяном вопле. И как-то так мне стало жалко её, такой она мне увиделась несчастной, что весь её кураж показался одним криком боли.

И где ж я мог её видеть? Ведь ясно, что нет у нас общих дорожек и быть не могут. Но видел...

Недалеко от меня стоял пугающе спокойный Андрей. Хоть бы одна жилка дрогнула на лице, будто и не живое оно стало. Зеваки поусмехались, головами покачали, да и стали расходиться. Андрей посмотрел на меня смиренными глазами, словно не разыгрались тут только что страсти-мордасти, и сказал обычным голосом:

– Пойду-ка до дому.

– Ну, давай.

Поспешно нырнул я в магазин и долго ходил среди пёстрых полок, толком не соображая, что мне тут надо. Перед глазами стояло искажённое лицо женщины, а в ушах звучал её надрывный голос. Не надо быть психологом, чтобы догадаться, кто она Андрею. Это и была беда его, теперь я не сомневался.

В тот день не стал звонить Андрею, рассудив, что ему не до меня. А назавтра с утра пораньше, чтобы застать до ухода на работу, поднялся на этаж, неся в кастрюле духовитый борщ, предел поварского искусства, одним словом – объедение. Да и вернулся назад со своим угощением, оставив на всю лестничную клеть аппетитный запах. Запропастился куда-то мужик. Не запил бы... За ним такого греха не водилось, но мало ли чего не бывает. Уж больно спокойным было лицо.

Однако на третий день Андрей сам позвонил.

– Дядь Федь, зашли бы, – попросил он по телефону.

Я, конечно, сразу – куда пропал? Он даже удивился моей тревоге и объяснил, что ездил по делам, а мобильник дома забыл. Не думаю, что память у него такая дырявая, скорее, намеренно оставил, чтобы не тревожили, а поездки у него случались по вызову, в основном в деревни, где автосервиса нет.

Устроились мы по привычке за кухонным столом. Закуска обычная, водочка. Андрей уселся на место отца, тоже боком к столу и так же откинулся спиной к стене. Вылитый родитель, только что молодой. Эту наследственную схожесть людей одним только и объяснить можно: люди умирают, а род живёт подобно тому, как листья опадают, а дерево стоит себе и стоит. Борис Иванович не раз говорил, что кровь пращура течёт по его жилам, и я ему верил.

– Ну, будем! – предложил Андрей.

Молча выпили. Глянул на Андрея, а он тычет кончиком ножа в кусок ветчины. Ну, что ты будешь делать? Ну, точно, как отец! Тот ведь тоже, рядом вилка лежит, бывало, а он ножом цепляет мясо. Да ещё при этом говорит, что молгонзеи сырое мясо прикусывали зубами и отрезали кусок ножом снизу у самых губ, и при этом какой-то растяпа отхватил кончик носа. Но это был единственный случай в истории народа, и люди помнили о том не одну сотню лет.

«А кто передо мной сидит? – подумал я, глядя на Андрея. – Всё от родителя взял, от матери одно лишь дыхание». Валентина сама говорила, что она только родила, а сын ничего от неё не перенял. И весело смеялась – бывает же такое! И

выходит, сидел передо мной за столом настоящий молгонзей, последняя искорка потухшего костра.

Смотрел я на него и замечал, что за эти последние дни переменился он сильно. Видимо, не могла бесследно пройти встреча с той женщиной возле супермаркета. И к добру ли перемены? Вот что меня тревожило. И тут Андрей говорит, глядя в сторону:

– Уеду я, дядь Федь.

– Куда?

– Не знаю. Но надо ехать.

Ещё какое-то время жевали закуску в молчании, а потом он как-то вроде осторожно обратился ко мне:

– Дядь Федь, вы же много разговаривали с отцом.

– Было такое, Андрюша, – живо отозвался я. – Вот за этим самым столом...

– Он рассказывал о них?

– О ком?

– Да вот... про людей... как их? ... на Севере...

– Молгонзеи. Так звались они, Андрюха.

– По детству помню... Плохо, правда... Про девушку какую-то, помню...

– Ивией звали. Ту девушку.

– Ивия? Да, вроде... Но я с детства сказок не любил. В жизни по щучьему велению ничего не происходит. Я и мультики не любил. Рассказы отца не слушал. Что мне до предков? Крикнул как-то: «Хватит! Надоело!». Только теперь понимаю, как отца обидел. Он после того ни разу не заговаривал со мной о молгонзеях. Отец...

– Что отец? – спросил я умолкшего собеседника.

– Для него эти молгонзеи роднее живых были, – заявил он. – Будь такая возможность, ушёл бы к ним, даже не оглянувшись на нас, нынешних.

– Ну, не знаю, ушёл бы или нет. Он вас с мамой любил.

– И всё равно ушёл бы.

Это верно, Бориса Ивановича занимали предки, память о них не остывала в нём. Но это была тихая ностальгия по тому минулому и невозвратному, что всегда вызывает светлую грусть. То была утешительная мечта о несбыточном, а жил он заботами сегодняшнего дня. Там же, в прошлом, душа отдыхала. Только душа... Так я понимал.

Но Андрей, похоже, решился на практический шаг. И с чего? Был он неприхотлив, житейские блага не больно-то обольщали. А это значит, не миражи, не мечты о кисельных берегах и молочных реках поманили, а бежит он от чего-то. И не мог я никакой другой причины найти, кроме той женщины, что выступала у магазина. Это из-за неё он захотел бежать хоть к чёрту на кулички, только б подальше.

– Это, Андрюха, ты зря, – начал я его поучать. – С пьяной бабы какой спрос? Плюнь и забудь.

– Какой бабы? – весело уставился на меня Андрей.

– Да той, у магазина. Ты знаешь...

– Что я знаю, дядь Федь? – перебил меня Андрей, а на лице возникла сдержанная усмешка, я бы сказал – нехорошая.

– Надо было ответить, как положено. В другой раз не посмела бы. Я бы... Я бы...

– И что б вы, дядь Федь? – всё с той же нехорошей усмешкой спросил Андрей.

– Нашёлся бы, отшил.

И понесло меня, дурного, накинулся на продажных вертихвосток. Как только не поносил их! Андрей слушал меня, не перебивая, а с губ не сходила усмешка. И слова мои явно пролетали мимо, да так и унеслись бы в пустоту, если бы ограничился бранью, но я ж надоумить решил, стал поучать:

– Плюнь, забудь, выкинь из головы. Ничего не было. И всё, всё! Не трави душу. Кто она такая тебе? Ну, кто?

И тут я прикусил язык. По лицу Андрея будто чёрная тень пробежала, а с губ нехорошая усмешка не успела сойти и теперь застыла судорогой, как от внезапной зубной боли. Длилось это коротко, и уже Андрей открыто улыбался, добродушно глядя на меня. Но миг-то остался в памяти!

– Крутой вы мужик, дядь Федь, – сказал он, поднялся и ушёл в ванную.

Минут десять я ждал, не выходит. Подошёл к двери и слышу стон. Во дела! Чтоб Андрюха, которому всё до фени... Чтобы этот медведь... Чтобы стонал... Поверить не мог. Отошёл на цыпочках к выходу и воровато проскользнул в дверь. Хоть додумался, что ему одному проще будет, ума хватило.

Увидев меня, расстроенного, жена решила, что лишку выпил, и сказала с укором:

– Хоть Андрюшку не спаивай.

А я стою перед ней и не отвечаю на её глупую фантазию, потому что именно в этот миг догадался – любит он ту женщину. Беда-то какая! Угораздило мужика потерять голову из-за гулящей бабы!

Много я дивлюсь проделкам судьбы и думаю, что её фантазиям нет предела.

У молгонзеев как было принято? Если не помог товарищу, а того более – оставил в беде, лучше не появляйся на люди, все от грудных младенцев до немощных стариков будут тебя презирать. Ну, кто захочет такой доли? Сто раз легче погибнуть за товарища, чем обречь себя на презрение всего народа. И мужчины это понимали с малых лет. Тогда люди были ещё такими, какими их Бог создал.

Слушая Бориса Ивановича, я никогда не придавал значения тому, привирает он или нет. Борис Иванович рассказывал о мире, в котором хотел бы оказаться, и о людях, с которыми ему хотелось бы жить. Это была утешительная мечта, только повёрнутая в прошлое, то есть печаль.

Я-то сам куда рассудительнее смотрю на действительность. Олень волка не съест, а волк ягелем сыт не будет, воробей выше орла не взлетит, а рыба на суше не поселится... У каждого зверя, у каждой птицы свои повадки и свои границы, и только человек на всё способен. А это потому, что Творец под конец трудов своих все фантазии, потраченные на животных, взял да и смахнул, как веником в урну, в слеплённое из тины двуногое существо.

Что это вполне возможно, я по себе догадываюсь, научных доказательств не требуется. Сколько во мне намешано всего и всякого, какие шальные мысли возникают в голове, какие жуткие чувства пугают иной раз! Всего-то хамски нагрубил прохожий в дверях магазина, а я уже мысленно разорвал его на куски. Значит, сидят во мне инстинкты хищника, тигра или шакала.

А в другой раз голубок воркует. Прямо одно умиление! И хитрая лиса облизывается, и оса метит жало, и ленивый бегемот пыхтит. Соседи видят тихого, степенного старика, а того даже и не подозревают, что этот мягкий, уступчивый тип только что всмятку разделал кувалдой «Мерседес», припаркованный прямо на тротуаре. Пусть мысленно, а злость-то настоящая. Так что человек, особенно сегодняшний, похож на мешок Пандоры. Честное слово!

Против Мэйко родители Ивии, да и братья не имели ничего против. Жених завидный, ничего не скажешь. Крепко сбитый парень, рыбак и охотник удачливый, своих оленей достаточно, весёлого нрава и добрый. Да ведь и невеста была не абы какая, первая красавица как-никак. Но и этого мало. С малых лет крутилась возле бабушки, большой мастерицы шить и кухарить, потому росла ловкой и умелой. К тому времени, как стала невестой Мэйко, уже могла сама готовить для всей многочисленной семьи. И жаркое из оленины, к примеру, получалось у неё таким вкусным, что гости разнесли по всей тундре слух о молодой поварихе. А вся хитрость была в том, что летом она собирала цветы и травы, сушила их, а зимой добавляла в котёл к мясному вареву.

Дел у девушки в чуме и вокруг было много – шитьё, мытьё, готовка, всего не перечесть. Так что в городе Мангазее она пока и побывала-то всего раза три. А наступала весна. Важенки, оленьи самки, готовились к отёлу. И стаду надо было каслать в сторону Карского моря на извечные места отёла, то есть удалиться от города на сотни вёрст.

Мэйко чувствовал тоску невесты по шумной ярмарке, по диковинным товарам, по весёлой городской толчее. И он попросил позволения родителей свозить Ивию в Мангазею, чтобы купить подарки. Те без всякой опаски согласились. И на тройке лучших ездовых оленей поехали жених с невестой по снежной целине в город, который был за горизонтом.

Нынешние молодые люди, оставшись одни, тут же и обниматься бы стали, а Мэйко даже обернуться не смел на сидевшую за его спиной Ивию. И она смущённо молчала, впервые оказавшись одна с парнем, но оба наверняка думали о том, что уже скоро поженятся и уж тогда всё будет можно. А пока терпеть надо.

Вокруг было белым-бело, и только верхушки карликовых берёз торчали местами из-под снега, семейками прижившись на вечной мерзлоте. Ивия первая заметила вдалеке чёрную точку, которая двигалась. Она догадалась, что это оленья упряжка, но не стала ничего говорить Мэйко, чтобы не обидеть. Что он за мужчина, если не заметит?

По тому, как жених стал придерживать оленей, бежавших рысью по снежному насту, Ивия поняла, что Мэйко тоже увидел упряжку и явно чего-то насторожился. Теперь уже видно стало, что чужак гнал олешек во всю прыть, стоя на вёртких нартах с хореем в руке.

Мэйко остановил свою упряжку и соскочил с нарты. Потом Ивия поняла, что он её собой прикрыл от бешено несущейся упряжки. Он, видимо, хотел своим хореем и криками отпугнуть оленей чужака, чтобы пронеслись мимо. Но олени оказались послушны хозяину.

И тот, яростно воинственный, поднял на всю длину руки погонный хорей, точно похожий на длинную пику, развернул в воздухе так, что впереди оказался конец с медным острым наконечником, и с диким криком пронёсся рядом с Мэйко, пронзив его в грудь и вырвав страшное оружие. Он уносился в тундру, всё так же стоя на нарте, и зверино, дико, торжествующе вопил.

Это было первое убийство человека в племени, даже страшно было подумать, что на такое мог пойти молгонзей. Поскольку таких случаев прежде не было, то соплеменники не знали, что и делать.

Конечно, существовали неписаные законы, которым молгонзеи неукоснительно следовали, но в них в основном говорилось, как следует вести себя, и вовсе не было карательных мер. Весь народ узнал об этом невероятном для него событии очень быстро и замолчал в растерянности, ожидая, кто же первый измыслит, что надо делать. Пока же додумались только до того, что надо задержать преступника и спросить, почему он так поступил, как никто прежде.

Правда, не трудно было догадаться, что послужило причиной убийства. Ивия сама свидетельствовала, что при ней многие парни говорили её жениху, показывая рукой на неё:

– Она никогда не будет твоей женой.

И выпячивали груди, как токующие глухари. Они думали, что Мэйко испугается угроз и откажется от невесты. Разве мало других девушек? Пусть выбирает, а Ивию оставит в покое. Но Мэйко ни на какой другой не хотел жениться, и тут уж ничего не поделаешь. Вот и убил кто-то.

Долго молгонзеи находились в растерянности, но как-то все потихоньку успокоились, жить-то надо было дальше. А нового жениха Ивии не пришлось долго ждать. Из тех молодых молгонзеев, кто видел хоть раз Ивию, все до единого только и думали на ней жениться. И это понятно – краше её не было и быть не могло, природа на большее не способна.

Если Ивия признавала Мэйко своим женихом, то теперь ей было совершенно всё равно, за кого выходить. Она только одно знала, что оставаться в девицах позорно, никакого уважения к ней не будет. Зачем природе женщина без детей?

Осенью стада вернулись с берегов Карского моря на зимние пастбища и паслись неподалёку от Мангазеи. Родичи стали говорить, что пора Ивию выдать замуж, а то засидится в девках. И она согласилась на жениха, даже ни разу его не повидав, он был из далёкого рода. Но и встретиться не привелось, жениха нашли мёртвым недалеко от чума невесты.

Старшины родов собрались и стали думать. К тому времени молгонзеи уже испробовали привозную воду, которую назвали «огненной». Выпьешь стакан, и совсем весело становится. Вот они от думного труда по вечерам и расслаблялись, поэтому обсуждение вопроса сильно затянулось. Но так ведь ничего и не решили.

Были горячие головы, которые настаивали на том, чтобы убийц лишать жизни, око за око. Но большинству эта мысль была настолько чуждой, непривычной и пугающей, что претила душе. Да и прежде надо найти виновника, а он же себя не выдал. Когда кончилась «огненная вода», старшины, умные головы, решили разойтись с тем, чтобы каждому в одиночку подумать и собраться в другой раз уже с

конкретными предложениями. Но все до единого втайне надеялись, что третьего случая не будет, и жизнь племени наладится.

Однако за одну весну были убиты ещё четыре жениха Ивии. Это было похоже на затмение разума. Я говорю о страсти, которая вспыхивала в сердцах молодых людей. Красота Ивии ослепляла ум, и ни о чём парням уже не думалось, кроме как об этой девушке. Ведь после убийств каждый знал, что добром не кончится его сватовство, никто не уступит ему красавицу, а всё равно шёл навстречу беде. На что надеялся? Выходило, что для этих несчастных при одной мысли о том, что не он, а кто-то другой будет ласкать Ивию, смерть становилась предпочтительней жизни.

Молодой купец Ивашка с Великого Устюга, услышав россказни от побывавших в Мангазее сотоварищей, тоже захотел увидеть девицу, «краше которой быть неможно». А как увидел, то предложил родителям Ивии тюк сукна, дюжину капканов, три ведра «огненной воды» и отдельно старшему брату нож с посеребрённой рукоятью, только бы девушка ему досталась.

А был он рус, кучеряв, строен и красив лицом. Ивия только пугалась его бороды. У молгонзеев волосы не росли на лице, а он носил опрятную весёлую бороду, что единственно смущало Ивию. Но она понимала, как и все остальные вокруг, что если увезёт её купец в далёкую неведомую страну, то и кончатся убийства. Так думали и старейшины – забери, купец, Ивию, и забот не будет. Но так не случилось, как все думали, Ивашку под утро нашли мёртвым на крыльце гостиного двора.

Молгонзеи убивают людей? Это в головах старшин не укладывалось, об остальном народе и говорить нечего, люди только разводили руками, да спрашивали невесть кого – что ж такое происходит?

А славу о красоте Ивии будто по весне перелётные птицы разнесли по всей тундре. Братьям приходилось отбиваться от женихов, одолевших тысячи вёрст по бездорожью. Некоторые пригоняли своё стадо оленей, чтобы остаться с молгонзеями. Борис Иванович говорил, что случались и такие, что готовы были стать батраками, видеть бы только Ивию. Но зачем отцу девушки батраки, если он народил сыновей? Да и невеста уже боялась кому-либо давать согласие. Тут же ведь и убьют молодого парня, уж непременно убьют.

Вскоре всё-таки выяснилось, кто убирал со своего пути соперников, и люди облегчённо вздохнули, потому что им оказался не молгонзей. Конечно, было жалко убитых, но хоть нет на племени греха. И всегда легче становится, когда виновник опознан. Правда, этот человек был очень опасен, и, как дальше обернутся события, никто не мог предположить.

Молодой князь соседнего племени, горячий и необузданно властный, уже имел трёх жен, а на торгах в Мангазее увидел Ивию, и будто нашла на него порча, одолела смертная тоска по той девушке. Поначалу предложил оленей в обмен на Ивию, но та узнала, что будет четвёртой женой, и упала перед родителями на колени, чтобы не отдавали. У молгонзеев не было принято многожёнство. Один муж – одна жена. А как иначе? Иначе выходит не по-людски – один муж и стадо жён. Позора такого Ивия не могла бы вынести. А князь не привык к отказам, и несговорчивость Ивии прямо-таки взбесила его. Это он одного за другим убивал женихов

Ивии, утоляя мстительное чувство. Ему нравилась эта охота, тем более, что была совершенно безопасна.

Когда же его обличили и донесли до его ушей слова Ивии о том, что никогда она не будет женой подлого человека, то он объявил молгонзеям войну, обещал всех мужчин племени уничтожить, а женщин забрать в плен. Молгонзеи жили в достатке, потому что любили работать. И немалая добыча ожидала победителей. Более всего устраивало воинов то, что молгонзеи не окажут им никакого сопротивления, потому что такая у них глупая вера – не убивать.

Что было делать? Страшная опасность нависла над племенем. В совете старшин возникла оппозиция, говоря нынешним языком, которая стала роптать на родителей Ивии, на её братьев и на неё тоже. Мол, небесный бог Нум проклял это семейство, и надо его изгнать из племени.

Остальные старшины не на шутку встревожились, и было им уже не до «огненной воды», которую выпьешь, и становится весело. Они понимали, что пришло время принимать какое-то решение, а то будет поздно. Но такого тоже не бывало у молгонзеев, чтобы изгонять из племени целое семейство ни за что, ни про что. Разве их вина, что родилась красивая дочь?

Все эти суды-пересуды доходили до Ивии. Да и замечать она стала, что люди при встрече отводят глаза, будто боятся, что она прочтёт их потаённые мысли. Да и сама она разве не понимала, что это из-за неё навалились все беды на племя?

Потом говорили, что в тот вечер Ивия была особенно весела, по-детски игрива, смешила братьев и родителей милыми проказами, говорила им ласковые слова, была добра и ласкова. А ночью, когда все спали, выбралась из чума и ушла в тундру. Одета была легко, а стужа была лютая. Она шла, видимо, пока не обессилела, пока сознание не окутал сон. Братья утром спохватились, пошли по следам и нашли её стылое, как ледышка, тело.

После того случая у магазина, заметил я, Андрей стал чуть другим. А может, и не чуть, в чужую душу не заглянешь. Да и смерть отца не рикошетом задела. Все мы задним умом сильны, потеряем, потом оценим. Но слушал он меня внимательно, не кривил усмешливо губы. И в глазах я видел уважительный интерес.

А то ведь как-то спросил я прежде:

– Зачем-то ведь живёшь?

– Родился и живу, – ответил он и добавил для полной ясности: – Живу, пока не умер.

Теперь бы так не ответил, я это чувствовал.

А рассказывал я ему те истории, которые не по разу толковал мне Борис Иванович. Уж запомнить-то привелось бы и при худой памяти, а она у меня пока не подводит. Я те картины, что рисовал мой друг, будто воочию видел, так они ясно уложились в голове. И в своём повествовании к тому моменту подошёл, как Борис Иванович увидел её, Ивию, девушку по имени Солнышко-во-мне.

Думаю, что интерес к предкам проявляют те люди, которые считают себя не случайными на земле, им важно знать о своих корнях, чтобы продолжать свой род с уверенностью, близкому к чувству бессмертия. Мол, был, есть и буду.

Остальные – гости и только. Пришёл, наследил, ушёл. И неважно, что после тебя останется: леса и реки или один песок. Хоть несколько и назидательно звучит, но ведь правда. Это же очевидно, что о лесах и реках позаботится тот, кто детей народил, у кого внуки будут и правнуки.

А в том, что у него они будут, Борис Иванович всё больше сомневался, помню. Да если и родятся после него, то разве же хорошо, что не сидели на коленях у деда? Он бы им не сказки сказывал, а правду о далёких предках. Но судьба не захотела порадовать Бориса Ивановича.

– И кто она мне? – спросил как-то Андрей при очередной кухонной встрече. – Ивия?

– Тёткой приходится, – ответил я. – Ну, конечно, пра, пра, пра...

– Но зря она, зря, – сделал он свой вывод. – Всё равно же их не стало.

– Кого? – не понял я.

– Молгонзеев.

– Это ещё как сказать, – возразил я, имея своё мнение по этому поводу.

Узнав о смерти Ивии, князь потерял интерес к войне, взял себе ещё двух жён и оставил в покое молгонзеев. А те связали свою судьбу с молодым городом, их привлекала оседлая жизнь. И они поначалу пристроились ближе к Мангазее, подружились с казаками, поставили чумы рядом с посадским жильём, а со временем сами стали рубить избы и осваивать ремёсла.

На торги наезжало много народу с Архангельска, Холмогор, Тобольска... Им надо было устраивать жительство. Да и привезённые товары не держали на улице. Нужны были плотники, чтобы строить дома и амбары. Кому-то ж надо было и стараться на рыбных промыслах, заготавливать дичь и мясо, заниматься косторезным, портняжным, кузнечным делом, да и требовалось содержать город между торгами, а это долгие месяцы. Так связали молгонзеи свою судьбу с городом. Борис Иванович говорил:

– Научных сведений о том нет, но я исхожу из здравого смысла.

Мангазея пережила два страшных, опустошительных пожара, и после первого заново застроилась, а после второго уже не выправилась. К тому же за неполный век пушные промыслы иссякли, зверя мало осталось. А царевы люди продвинулись далеко на восток, освоили новые земли на Таймыре и в низовьях Енисея. Из Мангазеи выходили отряды казаков и достигли Якутии, оказались на берегах Лены. И получилось так, что содержать город на берегу Таза стало невыгодно. К тому же неспокойно стали вести себя самодийские племена, то и дело подступали к стенам города, отбиваться от них гарнизону становилось всё сложнее.

И тогда население стало покидать Мангазею: одни возвращались в Россию, другие расселились по Оби, а служивый люд в основном был переведён в Туруханское зимовье, где начали строить новую Мангазею. И допускаю я мысль, что молгонзеи, к тому времени уже не оленеводы-кочевники, а горожане-ремесленники, не могли остаться среди воинственных племён на пепелище города, к тому же растеряв прежние кочевые навыки, и разделили участь остальных жителей, разбрелись по земле.

В последующие века о Мангазее полностью забыли, а опрятная природа стерла все следы, устлала то место мхом, и никакого признака не осталось от древнего поселения. А племя молгонзеев, как я полагаю, растворилось в других народах, по-научному говоря – ассимилировалось. Но должен признаться, что в последнем я не уверен, потому что знал своего друга Бориса Ивановича. Легче булыжник в воде растворить, чем этого молгонзея уподобить кому-либо. Так что не исчезли молгонзеи, не растворились. Это моё мнение.

– Народ исчез, – сказал я Андрею, – молгонзеи остались.

И не догадывался в тот миг, что эти слова он ухватил умом и запомнил. Он после них, тех слов, даже как-то интерес потерял к нашему разговору, ушёл в свои мысли, и я не стал мешать. Собрался домой, он не стал удерживать, и я ушёл.

Назавтра вечером Андрей позвонил и спросил, не приболел ли я, не нужна ли какая помощь.

– Да нет, здоров, – говорю.

– Так чего ж не заходите? – упрекнул.

Ну, я тут же собрался и к дверям. А на пути жена:

– Ты куда? Как на пожар...

Я её вежливо попросил:

– Женщина, не приставай к мужчине.

– А не совестно с пустыми руками? – резонно упрекнула она, догадавшись, куда я заспешил.

И пришёл я к Андрею с варениками на тарелке. Но у него другое угощение готово было. Вижу, на кухонном столе привычная картина – ветчина, салат из магазина, нарезанная колбаса, хлебушек. И недопитая в прошлые разы водка в бутылке.

– По какому случаю? – спросил я.

– Мысль пришла в голову...

– Поделись.

– Думаю, не угостить ли дядю Федю.

– Хорошая мысль.

– Ну, и вопросик есть.

Андрей смотрел на меня с улыбкой. Глаза у него добрые. Озлобленный на жизнь человек так смотреть не сумеет даже при желании.

После первой рюмки Андрей расположился боком к столу и привалился к стене. Я каждый раз удивлялся тому, как он при этом походил на отца, да и сама манера устраиваться этак перед разговором не случайна. Есть у меня привычка поглаживать кончиками пальцев правую бровь. А ведь точно так, не сомневаюсь, делал мой предок тысячу лет назад.

– Ну, давай свой вопросик? – говорю.

– Только честно. Отец придумал свои истории?

– Ну, была же Мангазея? Покопайся в интернете. Несложно.

– Копался. Была. А Ивия была?

– Раз он видел, значит, была.

– Кто видел?

– Твой отец. Двадцать два года ему было. Про такие вещи не врут.

– Ну, не может же этого быть, дядь Федь. Разыгрываете меня. Только не пойму – зачем?

– Так слушай. Может, поймёшь.

Во второй половине девятнадцатого века по реке Таз поднимался на лодке российский путешественник. Не один, конечно, а с какой-то командой. И вот он пишет, как после долгого и нудного пути увидел торчащий из высокого прибрежного обрыва огромный гроб. Того гляди – сорвётся вниз. Путешественник гробу этому обрадовался, как только можно. Дело в том, что этот путешественник из литературных источников прознал о Мангазее и не первый год искал «златокипящий град», но всё неудачно. Объездил реку Таз от истока до устья, а следов никаких не обнаружил, природа надёжно затаила тайну.

Да сама же себя и выдала. Река почему-то решила подправить русло, стала усиленно подмывать обрывистый берег и добралась до старинного кладбища. Вот и обнажился гроб, сколоченный из лиственничных досок, которые не сгнили за века в мёрзлой земле. С той поры начались раскопки и проводились не раз, постепенно оголив фундаменты древних построек. Учёные находили предметы быта, женские украшения, кузнечные заготовки и много других примет давно угасшей человеческой жизни.

О раскопках Борис узнал из какой-то центральной газеты. Тут же пошёл к начальству и выпросил отпуск. До Салехарда долетел самолётом, а оттуда водным путем, благо было лето, добрался до места. Пошёл прямиком к начальнику экспедиции и попросил зачислить его рабочим. Ну, как откажешь Мангазееву в раскопках Мангазеи? Никак. К тому же, я думаю, рабочих не хватало. Кому охота комаров кормить собственной кровью? А там их – тьма тьмущая.

Борис попал под начало молодого археолога, недавнего выпускника института, которого звали Антоном. Тот торжественно доверил Борису лопату и обозначил участок возможной улицы. Как только Борис с такими же старателями натыкались на мостовую, их сменяли археологи, специалисты и уже работали с нужной осторожностью. К тому времени, как приехал Борис, раскопки проводились второе лето, очертания города по фундаментам построек уже чётко обозначились, уже стало ясно, где стоял детинец, где теснились посадские избы, где находились церкви.

– О молгонзеях что-нибудь знаете? – спросил Борис своего начальника Антона.

– Так город же назывался – Мангазея! Было такое племя.

И тут его глаза округлились, он ткнул пальцем в грудь Бориса.

– Ты ж Мангазеев! Не ошибся?

Молодой учёный сильно заинтересовался Борисом, выпытывать стал, что он знает о своих предках. Но Борису нечего было рассказывать. Был у него дед Игнат, умер, когда Борису ещё семи лет не исполнилось. Так тот очень много рассказывал внуку о северном крае, о городе, о каком-то народе... Но мальчишеская память не сохранила дедовы повести, потому что не нашла в них нужды. Был бы хоть подростком, так что-то и запомнил бы. А то ж мальчишка! Что ему было до глубокой старины! Каждый день приносил столько интересного, столько нового, завлекательного, что дух захватывало.

Отец был партийным работником и не мог признаться, что вовсе не русский, как в паспорте, а молгонзей. Могли и с работы снять, биография работника райкома партии могла быть только безупречной. Борис никогда не слышал от родителя о прошлом своего рода. Отец строил коммунизм, светлое будущее.

Не помнил Борис дедовы сказы. Только и осталось ощущение глубокой древности от слов, которые чуть напевно произносил он перед сном. А спали они на печи, на оленьих шкурах. В избушке было темно, кто-то шебаршил на чердаке, за стеной недовольно ворочалась вьюга, по-кошачьи скреблась в окошко.

Конечно, забытые рассказы деда Игната тоже послужили причиной того, что Борис поехал на раскопки. Хотелось побывать в том краю, где когда-то шумел город, название которого породило фамилию – Мангазеев. Да и молод был, лёгок на подъем.

Вечерами Борис выходил на крутой берег реки, садился на траву, подобрав под себя ноги, и часами сидел этаким идолом, да смотрел на заречные дали. Северные ночи, по свидетельству Бориса Ивановича, ни на что не похожи. Они особенные, поэтому для них нет сравнения. Я не раз интересовался, чем так уж необычны белые ночи? И он говорил о чарах.

Я понимал, что белая ночь сама по себе должна быть удивительной, потому что вовсю светит незакатное солнце, а всё под небом спит, будто вернулись первоначальные времена, когда не было ни людей, ни птиц, или наоборот – животная жизнь на земле закончилась, осталась одна природа, одни травы да деревья. Но Борис Иванович толковал о чарах.

– В воздухе что-то происходило, – водил он перед собой растопыренными пальцами.

И начинал объяснять, что давно угасшая людная жизнь Мангазеи не могла исчезнуть бесследно, вот и просыпается в белые ночи.

– Глазами ничего не видишь, а чувствуешь – есть они.

– Духи что ли?

– Да какие духи! Чары.

А поскольку Борис Иванович догадывался по моим глазам, что я ничего не понимаю, то объяснил, как школьнику:

– Людей не стало, а чувства остались.

И получалось, что в ночном воздухе сохранились радости и огорчения, обиды и веселья, страдания и отрады давно умерших людей.

Должен отметить, что Борис Иванович не склонен был к мистическим настроениям, больше доверял горбушке чёрствого хлеба, чем небесной манне, но чуть заходил разговор о пережитых им в молодости белых ночах, как менялся человек, будто уходил в полусон, будто и впрямь окутывали его разум некие чары, только ему внятные.

Дивное умиротворение царило в природе в ту ночь. Борис вышел из палатки, чтобы пойти на прибрежную кручу, на облюбованное место и посидеть наедине. Где-то около часа пробыл он на крутом берегу реки. Солнце висело в раздумье у самого горизонта, где перевёрнутой пилой чернела полоса зубчатого леса, и казалось, вот-вот начнётся закат, но светило передумало и стало восходить.

Сколько-то Борис наблюдал за тем, как поднимается сонное, ещё не слепящее солнце, потом решил пойти и довершить вчерашнюю работу. Сна ж не было ни в одном глазу! Молодой археолог Антон «доверил» Борису разрыть заросший ползучим кустом черники бугор. Может быть, с обиды, что Борис не захотел с ним откровенничать о своих предках.

Это был обычный холмик, не выше колен Борису и не единственный в округе, но археолог Антон почему-то выбрал именно его. Возможно, по тому резону, что находился в стороне от основных раскопок. Мол, копайся тут один, раз такой несговорчивый. Ещё и поиздевался:

– Найдёшь клад, поделимся.

За вчерашний день без особой натуги Борис этот бугор разбросал и наткнулся на твердь вечной мерзлоты. Теперь Борису хотелось проверить, насколько оттаяла земля. За время его отсутствия песок и впрямь потерял прежнюю цементную крепость, и Борис ребром ладони отгрёб слой в три-четыре сантиметра, под которым оказался лёд, гладкий и чистый, как хрусталь. И уже лихорадочно, отчего-то сильно волнуясь, Борис расширил круг ледяной поверхности, будто куржу соскрёб с оконного стекла.

В синей глубине льда он увидел лицо девушки. В первый миг оно, обрамлённое длинными черными волосами, показалось живым, но это было только короткое мгновение. Потом уже Борис разглядел мертвенную бледность и стылый покой облика. Чудной красоты было лицо девушки, а с годами в памяти Бориса Ивановича оно становилось всё краше, и уже сравнить стало не с кем.

Мне приходилось читать, что северяне буквально закутывали в ягель тела умерших, ограждая тем от тлена. Белый мох обладает бальзамирующими свойствами, как утверждают учёные. К примеру, под Салехардом раскопали мумию девочки, которая пролежала больше тысячи лет и хорошо сохранилась.

Но чтобы хоронили в ледяной глыбе, я как-то не слышал и не читал. Люди явно из великого почтения выдолбили в вечной мерзлоте яму, залили водой дно и после того, как она оледенела, уложили труп. Затем заполнили водой всю яму, которая в сорокаградусный мороз быстро застыла. И оказалась девушка внутри ледяной глыбы, в хрустальном гробу, как спящая царевна из сказок. Я так полагаю. Но не это удивительно.

А вот что произошло с ним дальше по его словам. Борис ладонью чуть больше почистил от песка лёд и увидел расшитое бисером платье, плотно облегающее высокую грудь и тонкую талию девушки, сложенные на поясе руки, тонкие и белые, будто выточенные из кости, и невольно, без всякой предварительной догадки вскрикнул:

– Ивия!

Сам не понял, откуда выскочило у него из памяти это имя, совершенно незнакомое до этой минуты. В один миг в мозгу, как уверял Борис Иванович, такая наступила ясность, будто не десятки лет назад, а только вчера дед Игнат в тёмной избушке притушенным голосом вещал ему о своих предках. Всё рассказанное мною Андрею – о древнем городе Мангазее, о племени людей, которые не убивали себе подобных, о девушке по имени Солнышко-во-мне – всё-всё молодому тог-

да Борису вспомнилось разом, как только он увидел Ивию. Как только её увидел... А вокруг царила колдовская белая ночь с её чарами.

Солнце уже изрядно поднялось, и Борис почувствовал спиной тепло его лучей. На поверхности льда выступила вода, как испарина. Это испугало Бориса, он вскочил, схватил лопату и стал забрасывать захоронение землёй. Холмик он накрыл дёрном, так что всё восстановил, как было, тем самым упрятав от учёных научную сенсацию. Зато осталась в покое Ивия, и хорошо бы – на веки вечные.

Между прочим, археолог Антон, встретившись утром, даже не спросил, как дела. Наверно, забыл о своём мстительном поступке, как о маленькой глупости.

После того, как я рассказал о той белой ночи, когда в природе царило дивное умиротворение, Андрей озабоченно почесал затылок и сказал не мне, а себе:

– Ладно.

Чуть посидев в задумчивости, он ещё раз повторил это своё непонятное «ладно» и поднялся. Вижу, и мне рассиживаться ни к чему, тоже встал, что-то сказал о погоде да и убрался домой, несколько огорчённый тем, что Андрей так равнодушно отнёсся к моему рассказу.

С того момента он будто напрочь забыл наши прежние разговоры и ни разу не возвращался к ним. Я решил, что Андрей получил от меня сведения да и отложил всю ненужную ему информацию в дальние закрома памяти, чтобы не мешала заниматься повседневными делами. По крайней мере, такое впечатление вкралось в моё сознание и, понятное дело, огорчало. Посиделки уже не случались, недопитая бутылка томилась в баре, должно быть, не понимая, как это без неё обходятся.

Чем-то Андрюха был сильно занят, не удавалось застать его дома. Похоже, уехал или задержался у какой-то женщины. И так полмесяца прошло. А насчёт женщины я не ошибся. В один из вечеров позвонил и сказал в трубку по обыкновению коротко:

– Зашли бы, дядь Федь.

Прохожу в кухню, вижу: початая бутылка с водкой приветливо устроилась среди закуски, ветчина, сёмга – всё, как бывало.

– По рюмочке? – предложил Андрей.

– Не за тем же позвал, думаю.

– Не за тем.

– Где пропадал?

– Семейную жизнь налаживал, – ответил он безучастно, как бывает, когда страсти улеглись, всё окончательно как-то уладилось, ничего уже не изменить, только можно вспомнить. – Не вышло ничего у нас с Таней.

Ну, конечно! Таня Семёнова. Отличница. Красавица. Милая девочка. Она с Андреем дружила, росли в соседях. Прибегала к нему. Такая всегда весёлая, приветливая, нас с Борисом Ивановичем называла – «дядечки», улыбка чистая, светлая, добрая, от неё хорошо становилось на душе...

Вспомнил я ту женщину, что у магазина буянила. А то думал – где видел? Таня она, Таня Семёнова...

В тот вечер Андрей рассказал, что проводила она его в армию – всего-то на

два года или того меньше! – а не встретила по возвращении. Красота Тани Семёновой её же и погубила. Нашёлся ухажёр с деньгами, вскружил голову, по Европам повёз, по курортам, деньгами стелил дорожку, вот она и пошла по ней. Тому, первому, надоела, второй нашёлся. И как по накатанной, да с горки. Тошно об этом говорить.

А что Андрей? Оба же с подростковых лет верили, что всю свою человеческую жизнь рядышком пройдут. Вот и не мог простить. Долго не мог. Да решился всё-таки наладить семейную жизнь. Любил потому что. Переехал на её квартиру. Но и недели не выдержала Таня Семёнова. «Не меня, – говорит, – любишь, а ту, из памяти». И вернулась в свой привычный мир, где водка, травка, где ни за что не стыдно. Не оставаться же было Андрею в чужой квартире?

– Вот так, ушла, следа не оставила, – сказал Андрей. – Видать, судьба...

И мы с ним выпили по малой, закусили, после чего он и сказал:

– Уезжаю, дядь Федь.

– Надолго?

– Я, дядь Федь, своих отыскал.

– А кто тебе «свои»? Что-то я не в курсе.

Улыбчиво глядя на меня, Андрей сказал:

– Своих соплеменников.

– Кого, кого? – опешил я, признаться.

– Таких же, как я, молгонзеев.

– Как это отыскал? Где?

Оказалось, что через поисковые системы искал людей, которые что-либо знали о Мангазее. Отыскалось много народу, но все свои знания они почерпнули из того же самого интернета. Он уже было отчаялся найти нужного человека, как получил электронное письмо о том, что племя такое было, но не оставило о себе никаких следов. Такие сведения Андрей уже получал не раз, но удивил его логин – ivija@mail.ru. А в письме назвалась женщина Катериной.

Вот Андрей и спросил, что означает слово «ивия». «Это означает – солнышко», – ответила Катерина. Дальше – больше. Оказалось, что так зовёт её мама. Андрей пишет: «А не Солнышко-во-мне?». Катерина удивляется: «Откуда вы знаете?» Андрей признаётся, что он молгонзей. «Так ведь и я! – отзывается Катерина. – И мама. И папа. Мы все молгонзеи». И завязалась между ними переписка. Выяснилось, что живёт она в Карелии, что поддерживает связь ещё с тремя молгонзейками, одна проживает на Байкале, вторая в Венгрии, а третья в тех краях, где когда-то стояла «златокипящая царева вотчина», в Тазовске.

– А сколько лет той Катерине? – спросил я. – Замужняя?

– Не многовато вопросов, дядь Федь? – засмеялся Андрей.

А мне понравилось, как он засмеялся.

– Куда едешь-то? – не успокаивался я. – В Карелию?

– В Мангазею. Решили встретиться все. Они с мужьями.

– И Катерина?

– Нет, она не мужняя.

Всё-таки я выведал, что мне нужно было, Андрей и не заметил.

– Посидим у костра, поговорим. А что, дядь Федь? Всё нормально. По рюмочке?

Уже который месяц я слежу за его квартирой, протираю пыль с мебели, влажной шваброй полы освежаю, всю обстановку содержу в том состоянии, в которой он оставил, даже ни одного стула не сдвинул с места.

Вот уже зима наступила, а он всё не возвращается. Адреса у меня нет ни обычного, ни электронного, и где он сейчас, даже предположить не могу. Может, всё ещё на родине праотцов, а то в Карелии или Венгрии. Я не удивлюсь, если получу весть из Сингапура. А что?

И вот что меня занимает. Не могло племя разойтись по всему свету без всякого уговора. Был потаённый обет, непременно был. Ведь хранит народная память веками сказки, мифы, легенды. Так же точно и осталось в природе знание молгонзеев – как жить.

Откуда, кстати, моя глубокая вера, мечта, что люди не окончательно глупы, что освоят умом, – в конце концов! – что в согласии надо жить, в добре, по-соседски? Так ведь среди жителей Мангазеи было много зырян. А я ж кто? Зырянин. К тому же обской. Ведь те же края. Мог мой пращур жениться на молгонзейке? Как нечего делать. И выходит, в моих жилах...

Нет, нет! Я не делаю никаких заключений, не строю догадки, нет для этого весомых оснований, да и смысла. Но есть у меня вера, мечта...

Игрушечного размера локомотив я поставил на кухонный столик. Конечно, на подставку, чтобы колёсами не касался он скатерти. Сел напротив и долго разглядывал поделку, на которую Борис Иванович потратил много времени. И не успокоился мастер, пока паровоз не запыхтел.

Вот он стоит перед моими глазами, обласканный ладонями покойного друга, отливающий холодным металлическим блеском, и даже в покое чувствуется в нём потаённый порыв.

Отвинтив пробку, я налил воды в котёл и снова плотно закрыл. Горящей спичкой запалил горелку и стал ждать. Не сразу и поначалу чуть заметная возникла в механизме жизнь, показался в трубе парок, он нарастал, усиливался, дрогнули колёса, медленно закрутились, и через какую-то минуту, будто резвый конь, взбодрился паровоз и набрал полную силу.

Заметив в кабине проводок, я просунул палец в окошко и дотронулся до него. Неожиданно громко прозвучал гудок. Ещё нажал несколько раз, дивясь тому, с каким азартом требовал паровозик сойти с дороги всем и разбегаться в стороны, освобождая путь ему, летящему на всех парах. Он же не чувствовал в порыве, что колёса крутятся вхолостую и нет под ними рельсов.

Пыхтит паровозик, бойко мельтешат поршни, крутятся колёса, и маленькие фары устремлены вдаль...

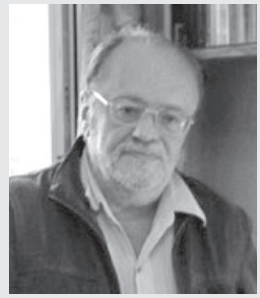
Отчего так много грусти в наших надеждах?

2015 г.

Поэт надеется

* * *

Поэт надеется
что вот его читают
когда его
на свете больше нет
но ведь
какая разница тогда
читают тебя
любят в этом мире
если тебя в нём
больше просто нет
как нет травинки
в поле одиноком
которая росла
вчерашним летом
и кажется
любила и себя
не только небо
очень голубое
не только солнце
вечно золотое
не только дождь
который приходил
как врач приходит
иногда к больному
но и действительно
саму себя.



СЕРГЕЙ НОСОВ

Сергей Николаевич Носов – историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли, в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры. Стихи выходили в различных российских и зарубежных изданиях, переводились на несколько европейских языков. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Только птицы
одни понимают
как в воздухе
славно лететь
и не падать
на голую землю
где разбившись
как капля
о воду пруда
можно просто исчезнуть
со всей своей
маленькой жизнью.

* * *

Ну что ты
всё смотришь
опять на меня
голубыми глазами
я вовсе
не тот мотылёк
пролетающий здесь
над прудом
а ты не лягушка
на тонком зелёном листе
и не жадная
жёлтая птица
которые с радостью
могут меня проглотить
давай мы подружимся
будем с тобой кувыркаться
в стеклянной воде
под названием жизнь
а потом
на плывущем куда-нибудь облаке
просто исчезнем
за дымчатый
вечно пустой горизонт.

* * *

Находи для себя
ту игру
где ты мальчик
на крыше
забытого дома
и сейчас с высоты
впрыгнешь в старый
заброшенный сад
где пьёт синее небо
таинственный пруд
и вокруг него
робко склонились
покорные ивы
словно он
обожаемый ими
единственный царь
на земле.

* * *

Меня нельзя коснуться
да я есть на свете
но я невидим
просто никому
никто не слышит
как иду по миру
никто не знает
где же я сейчас
не понимает
где я буду завтра
когда приду
когда уйду
и сколько
здесь под окном
безмолвно простою
чудесной
полной звёзд
июньской ночью.

* * *

Нагая ночь
в сиянии луны
в цветении
волшебных звёзд
на небе
и томных вздохах
ветра
я до тебя дотронусь
языком
и обниму
горячими руками
и буду целовать
как в забытьи
и пусть вокруг поют
так сладко птицы
которые
обычно прилетают
в чудесный сад
разбуженной любви.

* * *

Не знаю я
откуда и зачем
но счастья было море
этой ночью
оно плескалось
звёздами на небе
и застывало серебром росы
светящейся в траве
волшебным светом
сказочной луны
что всё качается
как будто на качелях
на чёрном небе
чудном до утра.

* * *

Зелёные деревья
и дома
такие серые
как скопище мышей
всё это пригород
обычный неприметный
как родинка
на теле великана
большого города
на берегах реки
текущей
сверху вниз
по нашей карте
как будто
точно знающей
где море
и как к нему
когда-нибудь попасть
и стать волнами
синими
большими
среди которых
тонут корабли
и над которыми
устало светит солнце
видавшее
все праздники земли
и все её печали
панихиды
и смерти
так похожие на сон.

* * *

И когда снятся
золотые сны
сияет в небе
полная луна
и облака
такие молодые
к ней подплывают близко
и целуют
её большие ясные глаза
и звёзды кажутся
волшебными живыми
и как их много
в синей тишине
которая
спускается к нам
с неба
и плещется так близко
как волна
у берега пустынного
чужого
где утро лижет ноги
сизой мгле.

* * *

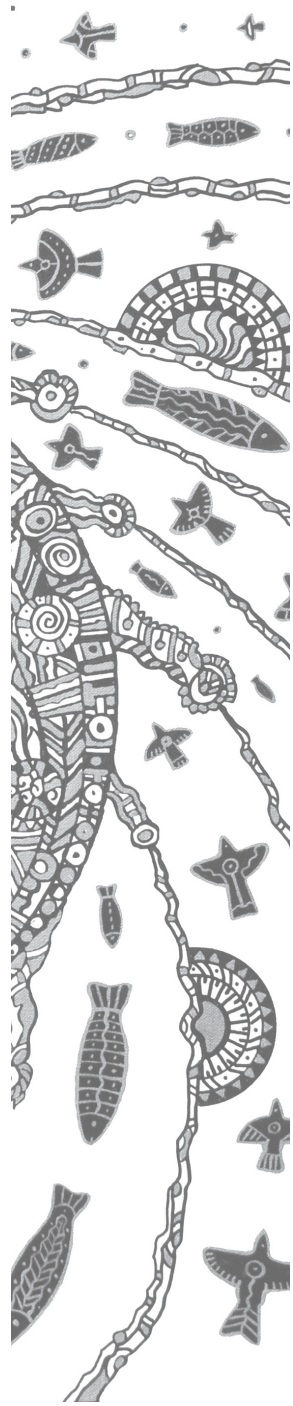
Не останется мир
без земли
и без воздуха
и морю ведь
хватит воды
чтоб на берег выплёскивать
буйные волны
и нам
хватит жизни
которая
в небе летит
белой птицей
и широкими крыльями
машет вдали.

* * *

Как то
что птицы певчие
поют
как то
что небо утром
голубое
как то
что облако
красивое плывёт
так я тебя целую
очень нежно
и это ведь
и весело и славно
и больше мне
не нужно ничего
нигде и никогда
на белом свете.

* * *

Ты можешь жить
вне мира
словно призрак
и просыпаться
только по ночам
любить луну
такую молодую
как будто бы она
родилась этой ночью
и знать не может
что было вчера
вы с ней одни по крови
в этой жизни
и верите лишь в то
чего здесь нет
в закаты голубые
и рассветы
из серебра
упавшего на землю
бесчисленными
каплями росы.



* * *

Всё будет просто
для тебя когда-то
ты превратишься
в капельку росы
или в зёленый лист
что радостно трепещет
целый день
или в травинку в поле
ранним утром
которая
склонилась на ветру
как будто зная
что ведь он хозяин
и спорить с ним
не надо никогда
как мы не спорим
с богом
или с небом
сияющим над нами
весь наш век
волшебным синим светом
словно лампа
которую зажгли для нас
однажды
и просто
не умеют погасить.

Поэзия и магия

Эссе

Мы фатально недооцениваем проницающую и преображающую силу поэтического мировидения и поэтического слова, недооцениваем в том числе и сопричастность поэтической интуиции «мгновенному» мистическому постижению сути вещей и незримых «сущностей» окружающего мира.

Поэзия и мистика, поэзия и магия мысли находятся в неразрывном единстве между собой, если они – подлинные.

Это давно уже достаточно очевидно, хотя и до сих пор распространено обывательское представление, что художественное творчество, включая, естественно, и поэзию – только некая словесная игра, разновидность увлекательного фокусничества, которое развлекает, услаждает душу и, может быть, порой приобщает к прекрасному, но – не более того.

В лучшем (среди обывательских воззрений) случае видят в поэзии эдакое эстетически притягательное проповедничество и завуалированное нравственное и общее духовное «наставничество», как бы «настоянное» на музыке стиха, ритме, рифме, яркой образности и прочих внешних атрибутах поэзии.

Между тем всё это – чистейшие и простейшие благоглупости на фоне уже устоявшихся современных, в том числе и вполне научных, знаний и представлений о мире и месте в нём поэзии и творчества.

Так, ещё в относительно недавнем историческом прошлом фатально недооценивалась «вещность», материальность сознания и мысли, включая, естественно, и поэтическую мысль, а точнее – поэтическую интуицию и мысль, которые всегда слиты в подлинной поэзии воедино.

Таково наследие давнего противопоставления материализма и идеализма, материи и сознания.

Между тем давно уже стало ясно, что мысль и сознание в целом – только одна из форм всё той же материи, материи и энергии, из которой состоит весь мир, вся наша Вселенная. Иного в окружающем нас мире просто нет. Это доказывает со всей однозначностью даже современная физика, в частности, квантовая физика.

Поэтическое сознание, состоящее из сплава интуиции и мысли, есть в известном смысле поток энергии и одновременно её сгусток, как бы впитывающий в себя и зеркально отображающий «суть вещей».

Потому поэтическое сознание и, соответственно, поэтическое творчество, если оно подлинно, непременно обладает, помимо прочих уникальных свойств, в известном смысле и проницающей силой рентгеновских лучей – способно отображать незримые «сущности» окружающей жизни с редчайшей, завораживающей, поистине магической ясностью и полнотой.

В этом во многом и состоит искусство поэзии – искусство созидать из слов чарующие «рентгеновские снимки» мира, то исполненные красоты и приобщающие к светлым стихиям жизни, то приводящие в страх и трепет и обнажающие «тёмное дно» земного существования.

В торжественном провозглашении этого особого проницающего свойства поэтического мировидения, собственно, и состоит философский смысл знаменитого тютчевского стихотворения «День и ночь», в котором ночь – это вдруг открывающаяся перед поэтическим взором бездна, вдруг обнажающееся перед ним «тёмное дно» бытия:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

В действительности настоящий поэт в процессе созидания, творчества реально «работает» и со светлыми, и тёмными «сущностями», стихиями и энергиями мира, не только различает и отображает их, но и «пользуется» ими, как бы намагничивает ими своё поэтическое слово, в котором эти «духи мира», эти мировые стихии и энергии воплощаются достаточно осязаемо и «вещно», в сущности, также как в магическом заговоре или заклинании.

Действие поэтического слова – гипнотическое и магическое.

Поэтическое слово – это не просто зримое воплощение красоты, это – сгусток энергии, способной и созидать, и разрушать, а само поэтическое творчество – это таинство.

Почему же тогда поэзия многих и многих оставляет равнодушными и чарующе (или хотя бы ощутимо) действует далеко не на всех? Ответ прост: по той же самой причине, по которой и любое таинство (в частности, церковное) не действует на непосвящённых, не верующих, равнодушных, не воспринимающих его всерьёз.

Для того, чтобы поэтическое таинство подействовало, нужна вовлечённость в магию поэтического слова, способность и желание «читать» отражённые в этом слове магические символы и таинственные знаки мира, его созвучий и диссонансов, его скрытых соответствий и его изломов, которым глубоко сопричастны жизнь и сознание человека.

Опять вспомним Тютчева:

Поэт всесилен как стихия,
Не властен лишь в себе самом...

Однако не преувеличиваем ли мы, утверждая генетическую родственность процесса поэтического творчества и акта, таинства творения в магии?

Обратимся к тому, что утверждали те, кто в магию действительно верил, воспринимал её более чем серьёзно и проповедовал её как путь созидания счастья.

Вот что писал, например, в известной книге «Магия в теории и на практике» (1929 год) провозвестник современной европейской магии Алистер Кроули: «Поэт, влюблённый или художник, охваченный творческим неистовством, выходит на пределы самого себя, то же самое должно случиться и с Магом». То есть творящий поэт или художник, по убеждению Кроули, погружается в некое состояние «неистовства», в котором творится и Магия, которое необходимо и Магу.

Собственно, это необычное и таинственное с виду состояние, в котором человек, будь он маг или поэт, «выходит за пределы самого себя» – типическое, если можно так выразиться, зазеркалье эйфории или транса, когда обыденное сознание естественным образом гаснет и на смену ему приходит сознание трансцендентное, открывающее мир как живое и чудесное единство «всего и вся» на уровне бесконечных превращений «одного в другое», бесконечных метаморфоз движения, энергии и материи.

Это и есть, по сути дела, то самое действительно необыденное состояние творчества, при котором магическим способом постигаются и преобразуются сущностные связи и созвучия явлений жизни.

Большая поэзия (по крайней мере в России) и начиналась со стремления поэта быть выше обыденности и выше самого себя, приобщиться к высшему знанию и творчеству. Вспомним Ломоносова:

Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звёзд влечёт меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.

Конечно, Ломоносов утверждал своё поэтическое «я» ещё достаточно наивно, но истинные цели поэтического творчества обозначил в целом точно.

Лучше же всех о мечте и жажде поэта слиться с трансцендентным и вечным, приобщиться к Космосу бытия сказал, конечно же, истинный провидец в русской поэзии Фёдор Тютчев:

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –

Но днём, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Естественно, можно вполне резонно заметить, что всё подобное, провозглашаемое поэтами порой столь громогласно и столь вдохновенно, – или вообще только риторика, или лишь красочное иносказание о том, «кем мне так хотелось быть, но, увы, не довелось стать».

Почти каждый человек мечтает быть больше, чем он есть, а уж поэт – особенно.

Вл. Соловьёв полагал, что в стремлении стать «больше, чем ты есть» заложено зерно будущего Богочеловечества. Вряд ли. В этом стремлении чаще всего проявляется просто «вирус» гордыни, самомнения и неоправданных амбиций – раздуться эдаким «неимоверным шаром» и тем самым показать миру и окружающим «кто есть кто».

Тем не менее, мы не верим, что Блок, например, просто играл, гордился собой или фантазировал, когда исповедальным тоном писал о поэтическом творчестве в стихотворении «Художник»:

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

Погружение в трансцендентное, приобщение к трансцендентному, попытка отобразить его в слове, впитывание и впитывание в стихи потаённых энергий мира, Вселенной, насыщающих собой поэтическую образность и символику, – это и есть поэтическое творчество в высоком значении этого понятия.

Просим не путать его с «рифмотворчеством», которое тоже может нравиться людям и даже вызывать порой бурные аплодисменты, но к поэзии как таинству и как магии, оперирующей живым словом, не имеет отношения.

Так, особенно любили предаваться такому римфотворчеству и упоённо «разговаривать стихами» официальные советские поэты. Это тогдашней властью особо приветствовалось.

Считалось, что настоящий советский поэт должен непременно быть понятным для народа и потому ему следует красиво и убедительно «говорить в рифму» – кого-то (то есть кого надо) страстно ругать, кого-то, наоборот, восторженно хвалить, воспевать, что-то (то есть, что надо) патетически провозглашать, а иногда и просто болтать и болтать о цветах в поле и птицах в небе, чтобы советскому читателю стало от этой неугомонной болтовни в рифму приятно...

Таким всегда был, в частности, Евгений Евтушенко – типический пример советского поэта-трубадура, для которого самое важное – как можно сильнее и эффектнее «дуть в трубу». Но к действительно серьёзной Поэзии с большой буквы всё это, увы, не имеет отношения.

Серьёзность настоящей большой Поэзии состоит также отнюдь не в том, чтобы уметь в ней поговорить и с самим Богом, как это запросто удаётся, в частности, тоже весьма любящему по-советски «поговорить стихами» Александру Кушнеру, с достоинством завершающему, например, любопытное поэтическое

описание своей приватной встречи с Богом следующим весомым признанием:

И я ему сказал, что он не виноват,
Ни в чём, что жизнь сама угрюма и сурова.

Задача истинного поэта, по нашему глубокому убеждению, состоит отнюдь не в том, чтобы «частным порядком» встречаться с Богом и что-то ему авторитетно разъяснять от себя лично, а в том, чтобы Бог, как светлое, жизнетворящее и трансцендентное начало бытия, в его стихах всё-таки был, незримо присутствовал – хотя бы как «ветерок вдохновения», преображающего изображаемый поэтом мир. Об этом легко и славно сказал Георгий Иванов:

А что такое вдохновенье?
Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Заметим, однако, что мы «лёгкость необыкновенную» в поэзии при этом вовсе не проповедуем.

Совсем недалеко порой от иной такой счастливой лёгкости в поэзии, первоначально напоминающей «щебетание птиц небесных», до безумного «лепета» упоённого собой безмыслия, такого, например, как в стихотворении Ивана Храмовника под характерным названием «Нокдаун»:

но настаёт трагический момент
займи мне рубль и продолжим танцы
на грани затемнённого пространства
под звуки водосточных флейт.

Поэт в своих стихах, так или иначе, всегда колдует. Он как маг, как ведун «заговаривает» своим словом, приобщаясь к потаённым энергиям Вселенной и черпая из них энергию своего стиха, своего поэтического слова буквально «пригоршнями». Мы убеждены в этом.

Красота поэтического слова, его чисто эстетические достоинства – отнюдь не самое главное. Много важнее – энергетика поэтического слова, его способность очаровывать и зачаровывать, овладевать сознанием воспринимающего его «субъекта» (читателя и слушателя) и властвовать в этом сознании хотя бы какое-то время, то время, которое способен длиться гипноз поэтического слова. А гипноз этот, это колдовство поэтического слова, бывает, длится и годами, десятилетиями даже, если говорить о поэтах особо замечательных, выдающихся.

При этом мы не отнюдь склонны расширительно толковать понятие и само явление Поэзии – как некую наивысшую форму истинного созидания и творчества как такового. А это в нашу эпоху уже не редкость...

Так, к подобному расширительному толкованию поэзии приходит, например,

в фактически полуфантастической статье «Сверхпоэзия и сверхчеловек» Михаил Эпштейн («Знамя», 2015, № 1).

В воображении Михаила Эпштейна и сейчас, в наши технократические времена, «Поэзия продолжает преображать мир, причём более могущественно и всесторонне, чем когда-либо раньше. Физика, биология, энергетика, информатика приходят на службу поэзии, которая определяет смысл прогресса-поэзиса высшей целью, ранее достижимой только в слове: творить мироздание как поэтическую композицию, где всё отражается во всём».

Мы никакого «прогресса-поэзиса» вокруг себя в отличие от Михаила Эпштейна, к сожалению, не видим и не понимаем, в каких это формах физика, энергетика и информатика «приходят на службу поэзии», которая, как он утверждает, «выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы, чтобы магически преображать мир».

По нашему глубокому убеждению жизнь и судьба поэзии навсегда связаны со словом – словом-заклинанием, словом-прозрением, Словом, наделённым неотразимыми чарами красоты, её энергетикой, её властной и вполне реальной магией, способной преображать сознание человека.

Все разговоры о «науке как сверхпоэзии», о какой-то невероятной «социопоэзии» и «экономпоэзии», которые восторженно и запальчиво ведёт в наше время не один Михаил Эпштейн – только слова, слова, слова, как говаривал Гамлет, Принц Датский.

Современная цивилизация первозданную, самой природой созданную, поэзию жизни только разрушает, а реальную поэзию нашего времени, по-прежнему воплощающуюся в чарующем поэтическом слове, чаще всего просто игнорирует, не воспринимает, оставляет за бортом своих истинных ценностей.

Потому и те, кто громогласно заявляет об открытии некого, творящего новую реальность, космизма в поэзии, подобно Константину Кедрову, на деле создают преимущественно комичные и неловкие вирши для услады незадачливых простаков:

Мыслью мысль
обнимая
воздвигая к небу мост
мозг меня не понимает
я не понимаю мозг.

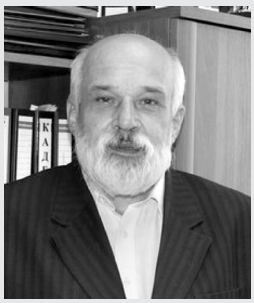
Вовсе не надо опять воздвигать Вавилонскую башню, воздвигать к небу «мост», тем более такой, на котором уже и твой собственный мозг тебя не понимает... Много лучше оставаться на земле человеком и не корёжить, не уродовать хотя бы собственную душу. А Председатели Земного Шара у нас, как известно, уже были и – допредседательствовались...

Поэзия должна просто хранить живую душу человека и зеркально отображать её в поэтическом Слове. Это само по себе – достойная цель творчества и давняя,

целительная и удивительная магия, магия преображающей восприятие мира красоты поэтического слова, под чарующей властью которого мир становится «до краёв» одушевлённым. Вот как в славных строках Георгия Иванова:

Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша
Одинока, нелюдима
Вьётся ласточкой душа.

Сергей НОСОВ



СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЁВ

Сергей Васильевич Журавлёв – писатель, член Союза писателей России, альпинист. Его стихи выходили в республиканских альманахах, в журнале «Арт». Автор книг прозы: «Мужские повести», «Вертикаль абсурда», «Зырянский крест».

«Три истины, три камня, три кита...»

Северный ноябрь

(сонет)

Брошены краски печали
На порыжелую землю.
Осень уснула устало,
Не дописав полотна.

Ранних закатов линии
Трепетны и беспорочны,
В скрюченных сучьях лиственниц
Мёртвая тишина.

Вором без имени-отчества
Ветер холсты рвёт в клочья.
Злобно малюет по синему
Стылых дождей пелена.

Но знаменуя начало,
Древнему ладу внемля,
Тонкими иглами инея
Чертит зима письмена.

* * *

Вдвоём с тобой однажды видели,
Как воробей в рубашке латаной
Перед синицей в модном свитере,
Хвост распустив, себя показывал.

И мы смеялись, взявшись за руки,
Над заморочками напрасными.
Я снова радость встречи праздную!
Жаль только... «Стаи наши разные...»

Вербное Воскресение

Для дочки Оли

Снеги белые, снеги-заструги
По реке лежат, словно замерли,
А верба цветёт цветом ласковым,
Вдоль по берегу речки-матери,
Мати-реченьки, мать-Печорушки,
Собирающей силу вольную,
Силу грозную, несмиренную,
Чтобы лёд ломать, чтобы лёд нести
К морю-батюшке...

На холме погост и кресты стоят,
С давних лет стоят – староверские,
Мы пойдём с тобой да подымемся,
На погосте том спит прабабушка,
Спит прабабушка свет-Ивановна,
Рядом с мужем спит Степан-Федорычем.
С ними детушки малолетние,
Им в войну не хватило хлебушка...

А теперь пойдём, моя донюшка,
Мы к Василию, свет-Степанычу,
Подойдём к нему, да поклонимся, –
Не нашлось ему года-времени,
Года-времени окаянного
На тебя глядеть, сердце радовать
Первой внученькой-раскрасавицей...

Снеги белые, снеги-заструги...
По реке лежат, не шелохнутся,
А верба цветёт цветом ласковым,
А верба цветёт, словно светится.
Мы на память возьмём по веточке,
Да по веточке, по светящейся, –
Пусть запомнится моей доченьке
Воскресенье с названием Вербное.

Вечер в зимнем Батилимане

(сонет-этюд)

Южные звёзды.
Январское море бьётся о скалы.
Ритм непонятен,
А потому порождает тревогу.

Южные звёзды...
Холодные звёзды Батилимана.
Всплески морские
Диктуют: «В дорогу! В дорогу!»

Бродим по берегу
Я и смешная собака,
Что увязалась за мною, во что-то поверив.

Южные звёзды
Неласково смотрят из мрака,
Зимнее море неласково рвётся на берег...

Маме

Беспомощно-маленьким стать
на минуту, мгновенье.
Упасть на колени –
отмыть-отмолить юный грех,
Пока ещё робкой,
понятной лишь маме измены,
Не дому, но храму
недавних ребячьих утех,
Где виснет в углу паутинкой незримой
нетронутый смех.

Пусть плач исповедный
ударится эхом о стены,
Затем, угасая,
растает в твоей доброте...

Но слёзы не те...
Холодны словно снег на щеке.
И краска стыда не тревожит
усталые вены,
И путь впереди – бездорожье без вех.

И короток век.
И холоден век.
На волосы падает снег...
Не тает.

* * *

Я влюблён в этот край,
Где весной утомлённые птицы
Над разливами рек
Начинают ночной переклик.

Я влюблён в этот край,
Где июнь грозовою зарницей
Мне напомнит про всех,
Кто ушёл на войну и погиб.

Я влюблён в этот край,
Где по осени горстью брусники
Утолю свою жажду общенья
С родимой землёй.

Я влюблён в этот край,
Даже если промозглые вьюги
Бьются в стёкла окна,
Нагловато просясь на постой.

Я влюблён в этот край,
Где сплетаются горы и реки,
Где в болотах пасами*
Помечены тропы людей,

Где на просеках пармы
И мною проставлены вехи,
Чтобы ясен был путь сквозь тайгу
Для моих сыновей.

*Пас – родовой знак (коми)

Наказ

– Остановись, перемотай портянки.
Зачем спешить? Улов не убежит,
А путь – неблизкой... – говорил мне дед,
Когда однажды в детстве спозаранку
Впервые взял на дальнюю рыбалку.

Нет, я от радости не верил, суетился,
По травам росным пробивая след – туда,
Где ранний северный рассвет
Полоскою неясной заискрился.

Сбил ноги в кровь... И возле костерка
Глазами, полными отчаянной обиды,
Смотрел на деда – чудо-рыбака,
Который слёз моих, наверно, не увидел –
Не приласкал...

Как прежде строг задумчивый Урал.
Ворчит река-Кажим на перекате.
...Весенним ветром, налетая по утрянке,
Мне треплет волос нежная рука,
А голос деда говорит издалека:

– Внучок, ты, вижу, выбрал
долгий путь.
Я верю, силы и умений хватит,
Но только мой совет не позабудь:
Тернистая дорога нелегка...
Остановись, перемотай портянки!

* * *

Сбросить страх. А страницы исканий
без сомнений в огонь... По одной.
Пусть растают холодные грани
между прошлым и нынешним... Мной.

Пёстрый круг. В хороводе цыганок
я пляшу, я пою. Я хмельной
от свободы... Тщеславен и жалок
мир сожжённых мостов за спиной.

И в глазах утихает не пламень -
сор стихов о любовном вине.
Их читает встревоженный ангел
и печально грустит... Обо мне.

Он туманную зыбь расставаний
рвёт в лоскутья крылатой рукой...
Но душа – замороженный камень,
в бездну падая, ищет покой.

* * *

Только Слово
способно
выдавить воду из камня,

утолить жажду тысяч гонимых
одною
живительной каплей.

Но для этого Слово
должно быть
Твёрже самого твёрдого камня.

Но для этого Слово
должно быть
Чище самой прозрачной капли.

Три истины, три камня, три кита...

«Унынье – грех!»
И в заповеди этой
Лежит начало жизненных начал.

«Печаль светла!»
И пушкинское эхо
Слетает белой чайкой на причал.

«Жить там, где нужен!»
Наставленье деда
Я, как молитву, с детства повторял.

Три фразы –
Три краеугольных камня,
Три истины – три жизненных кита
Останутся молитвой навсегда,
Куда б не занесла меня судьбина.

И знаю я, что выдержу, что сдюжу,
Но повторяю долгие года:
«Унынье грех!»
«Печаль светла!»
«Жить там, где нужен!»

Канкан «Сысольский кот»

(Комедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мишель Канье – хозяин кабаре «Сысольский кот».
Анри де-Лакруа – ветеран-капрал наполеоновской армии, инвалид.
Анна – зырянская девушка, мещанка из Усть-Сысольска.
Глафира – зырянская девушка, купеческая дочь из Усть-Сысольска.
Модест Серпионович – усть-сысольский чиновник средних лет, жених Анны.
Баба-Мотря – усть-сысольская крестьянка, блюстительница нравов.
Эпизодические герои, кордебалет кабаре.

Акт 1

Сцена первая

Окраина Усть-Сысольска. Верстовой столб с указателем «Париж». Скамейка. На скамейке Анна с карандашом и тетрадью в руках.

Анна *(читает про себя свою дневниковую запись)***:**

– Мон шер амии... Милый друг, вот уже два года, как вы покинули Усть-Сысольск. И всё... Ни слова, ни весточки. Я прекрасно понимаю, что всё в прошлом, мир так велик, что вряд ли нам предстоит встретиться ещё раз, но надежда умирает последней. Если нет надежны – нет жизни. Вот я и пишу вам свои письма. Все думают: упражняюсь в знании французского, а я просто пишу письма, которые, может быть, никто никогда кроме меня и не прочтёт. Ведь адресованы они только вам – стойкий оловянный солдатик из Франции. Как ваша рука, милый друг? Мне хотелось, чтобы у вас, в вашем Париже, всё сложилось хорошо! Встречаетесь ли с Мишелем? Или дружественные узы в вашем мире не столь ценны, как у нас?..

А в нашем мире всё по-прежнему: сев, сенокос, уборка урожая – обычный ритм жизни.

Глаша, видимо, скоро поедет в ваши края. Ей самой не получилось оформить бумаги на выезд, зато её отец получил патент на зарубежную торговлю мехами и готовит торговый обоз. Собирается взять с собой и Глашу, и её домочадцев...

Окраина Усть-Сысольска. Верстовой столб с указателем: «Париж».
Скамейка. На скамейке Анна с карандашом и тетрадью в руках.
Появляется Модест Серпионович.

Модест Серпионович: Добрый день, Анна. Вы снова здесь, словно эта скамейка мёдом намазана. И снова упражняетесь в знании французского. Хорошее дело, поощряю. По осени приглашён на приём к губернатору в Вологду. Думаю, вы покажете, что в Усть-Сысольске не лаптем щи хлебают, а по-французски речи светские ведут.

Нынче же я приглашён вашим батюшкой к обеду, вот он попросил и вас до дому проводить. А знаете ли вы, зачем меня в Вологду к губернатору приглашают?

Анна *(удивлённо-вопросительный взгляд)***:** ???

Модест Серпионович: На награждение как участника войны с Наполеоном. Кстати, будет бал в честь годовщины окончания войны. И вам придётся соответствовать кавалеру государственной награды – медали, а то и ордена.

Анна *(удивлённо)***:** Какая награда, вы же не воевали?

Модест Серпионович: Да, не воевал, но заслуги военные есть. Если помните, был я комендантом поселения французских пленных, никто из них не помер и в бега не подался. Вот за эти заслуги государь-батюшка меня и награждает.

Анна *(иронично)***:** Что ж, поздравляю. Вы были недовольны служебной обузой, а она – наградой вам обернулась. Хотя пленных охранять – невесть какая воинская доблесть нужна...

Модест Серпионович: Ну что уж там, недоволен. Службу я свою справно нёс, ну а недовольство, так ведь его к делу не подошьёшь. Да и французишки эти совсем не подарки были. Взять хотя бы этого, как его, ну... Его ещё Котом у нас прозвали... Глашкиного мужа! Да ладно о прошлом... А вас я по старому поводу ищу. Негоже вам со мною в прятки играть. Пора бы уже дать ответ на предложение моё. Не первый раз вас замуж зову. И всё общество городское уже знает, что вы мне невеста наречённая, так почто ж прямого ответа нет. Пора бы сватов засылать. Опять же на приём к губернатору желательно супружеской четой ехать. В этом случае и разговор другой будет. Глядишь, кавалеру государевой награды пост в губернском городе предложат, не век же в Усть-Сысольске вековать.

Анна: Модест Серпионович, не готова я вам сиюминутный ответ дать.

Модест Серпионович *(про себя)***:** И доколе меня пытать собирается! Всё одно по-моему будет! Ох, уж эти нынешние нравы! В недалёком прошлом отец скажет-накажет, как отрежет. А нынче – всё иначе, с отцом сговорено, а упёрлась девка, и отец молчит. Нет, чтобы кулаком по столу! – и «марш под венец»! Либеральничает! *(Обращаясь к Анне)*. Неволить вас не буду, но поторапливаю. Изволите вас до дому к обеду проводить? Недалеко, но приличия обязывают.

Анна *(с лёгкой иронией)***:** Модест Серпионович, что ж, если вас приличия обязывают, то пройдёмте-с.

Сцена вторая

Париж. Улица в трущобах. Дородная простолюдинка сгребает граблями осенние листья. Мишель Канье – буржуа (в одежде с претензией на аристократизм), неуютно чувствующий себя на грязной улице чужого квартала, суетно оглядывается.

Мишель: Где-то здесь... Префект сказал, что он проживает где-то здесь. ...Анри-Анри, куда же тебя занесло! В этих трущобах, того и гляди, нож в спину воткнут, и не посмотрят, что в кошельке лишь мелкие монеты. Эх, всё, что тетушка завещала, в дело пустил, вот только окупится ли?

Простолюдинка *(подбоченясь)***:** Кто ты есть? Что-то в нашем квартале я тебя раньше не видела?

Мишель *(про себя)***:** Ну и бабища! И, надо же, тоже с граблями... Как бы не огрела сдуру. Один в один баба-Мотря!.. *(Обращаясь к простолюдинке)*. Друга ищу, где-то здесь живёт.

Простолюдинка: Ну, ищи-ищи. Как бы только приключений не нашёл. У нас ребята простые живут, таких франтов не любят. Фалды от фрака вмиг отрежут... Вместе с кошельком и часами душу бы не отдал.

Мишель: Нет, надо отсюда уходить. Скоро стемнеет, а по темноте по таким улицам приличным людям лучше не шастать. Вон ведьма местная как раздухарилась. Разве что перед уходом у хозяина лавки про Анри спросить. Анри приметный... Со своею-то рукой. Лавочники обычно всех проживающих знают. *(Заходит в лавку)*.

На улице появляется Анри де-Лакруа – дворянин из обедневшего рода. Одет в мундир наполеоновской армии. На правой руке чёрная перчатка. Заметно, что рука повреждена. Через плечо шарманка. Подходит к углу возле лавки. Устанавливает шарманку, ставит кивер для сбора монет. Судя по привычной обстоятельности его действий, видно, что это его постоянное рабочее место.

Анри: Надо бы немного заработать. Будни, но день тёплый, а значит, вечером будут гуляющие. Перепадёт пара монет. Куплю пару лепёшек и немного вина. Сегодня день рождения Анны... Анна-Анна... Каждая мысль моя о тебе. Надеялся, что вернусь, продам имение, и в Россию. Навсегда. На берега Сысолы. Вернулся во Францию, и что... Был бедным, стал нищим. Братья в суде доказали, что я погиб в России под Смоленском, вступили в наследие и быстро-быстро продали земли и имущество. Торопились, видно, знали или предполагали, что жив, что вернусь. Пусть Бог им будет судьёй... Анна-Анна! Каждое утро я просыпаюсь с твоим именем на устах, каждый вечер я засыпаю, помолившись за тебя. Вряд ли ты хотела бы увидеть меня с этой шарманкой, но этот музыкальный ящик меня кормит. И каждая песня, созданная мной под её однообразную музыку, посвящена тебе:

Мне бы в твой северный край,
В чудо прозрачных ночей,
Где по весне птичий грай
Будит замёрзший ручей!

Мне бы в твой северный край,
Где в полуночных лугах
Громко кричит коростель
О несвершённых мечтах.

Но никогда-никогда мне не быть
Рядом с тобою.
Распорядились так небеса
Нашей судьбою.
В этих трущобах я одинок,
Только шарманка
Мне позволяет петь о тебе
Для парижанок.

Мне бы в твой северный край,
В чудо прозрачных ночей,
Где по весне птичий грай
Будит замёрзший ручей!
Мне бы в твой северный край,
Где в полуночных лугах
Громко кричит коростель
О несвершённых мечтах.

Но никогда-никогда мне не быть
Рядом с тобою.
Распорядились так небеса
Нашей судьбою.
В этих трущобах я одинок,
Только шарманка
Мне позволяет петь о тебе
Для парижанок.

Подходят молодые пары, бросают монеты в кивер, танцуют под шарманку.
Из лавки выходит Мишель. Бросается к Анри. Обнимает его.

Мишель *(обращаясь к танцующим)***:** Господа! Простите, но я сегодня закрою ваш танцзал под открытым небом. Мне нужен ваш шансонье. Вот вам деньги, сходите в ресторан, выпейте за здоровье этого человека! Поверьте, я его долго искал... Столь долго, что сегодня смею разрушить ваш вечер! Однажды в России в ужасный мороз он спас мне жизнь.

Танцующие удивлённо слушают, затем аплодируют, берут деньги и уходят.

Мишель *(обращаясь к Анри)***:** Анри! Как я рад тебя видеть! Не поверишь, тре-

тий месяц пытаюсь тебя найти! Что ты так смущаешься, дружище?! Неужели стесняешься мундира наполеоновского капрала? Брось! Я взял немного еды и вина! Помнишь, как говорят в России – гостинец. Впрочем, время уже позднее! Сделаем так: завтра ты приходишь на Монмартр. Сбылась мечта идиота – я открываю кабаре! Когда-то в плену я об этом кабаре тебе все уши прожужжал! Сбылось! Пока мы блуждали по России, две мои тётушки отдали богу душу, но успели отписать мне все свои сбережения. Скоро вступлю в наследие! Я богат! Представляешь, мои тётушки оказались столь одиноки, что единственным наследником их виноградников оказался я – оболтус, которого они терпеть не могли! Но кабаре я построил на свой кредит... Три года строил! Как вернулись – начал, так и до сегодняшнего дня! Ты-то как, дружище?

Анри: Живу, не жалуюсь!

Мишель: Вижу, как живёшь, потому и в гости не напрашиваюсь. Слушай! Замечательная идея – у входа наполеоновский капрал с шарманкой! Отличная идея! У меня есть для тебя работа! Будешь стоять у входа в кабаре и зазывать публику на наше представление! Не обижайся, дружище! Откинь гордыню! Артист – это уважаемая работа! И не только в Париже! Мы снова будем вместе, Анри!

Анри: Я подумаю!

Мишель: Не гоню я тебя, не тороплю! Но завтра ты просто обязан быть! Открытие кабаре – это не просто событие! Это не просто премьера! Это премьера новой парижской жизни! Мирной жизни! Понимаешь: премьера мирной жизни, где все страдания только от любви, и все тумаки тоже от любви! Даже грабли и то связаны с любовью! Помнишь грабли?.. Там на Сысоле! И эту бабу-Мотрю! Женского жандарма Усть-Сысольска! Почему-то у неё грабли были под рукой даже зимой! Ох-хо-хо! Грабли-грабли!

Анри *(улыбаясь)***:** Да уж! Грабли бабы-Мотри твою спину навсегда запомнили!

Мишель: Унылый друг улыбнулся! Так ты придёшь на премьеру?

Анри: Приду!

Мишель: Знаешь, как называется моё первое представление?

Анри: Ну и...

Мишель: «Сысольская любовь или про Кота и грабли».

Анри: Значит, ты тоже не забыл Сысолу.... А почему кот?

Мишель: Увидишь – поймёшь! Дружище, возьми! Этот... как говорят в России – гостинец – для тебя! А я спешу! Завтра встретимся! Для тебя – место почётного гостя, Анри! Не подводи меня опозданием или неявкой! Извини, друг, спешу-спешу! Премьера требует моего постоянного присутствия! Вот афишка, внизу – адрес! *(Жмут руки).*

Мишель: Извозчик! Извозчик! Быстро на Монмартр!

Анри *(обращаясь к шарманке)***:** Что, подружка, отдохнёшь сегодня! Есть и хлеб, и сыр, и вино... Пойдём, отметим день рожденья АННЫ!

Сцена третья

Кабаре «Сысольский кот».
Входит Анри. Несколько смущён, чувствует себя не в своей тарелке.

Мишель: Не опоздал? Точен, как король! Молодец! Проходи, твоё место у первого столика слева. Он твой, полностью твой! Не стесняйся никого, заказывай всё, что пожелаешь! Этот столик оплачивается заведением. Могу же я себе позволить в своём ресторане столик для лучших друзей. Мне пора за кулисы! Вот-вот распахнётся занавес! *(Исчезает за кулисами).*

Музыка – бравурный марш. Занавес распахивается. Зимние декорации. Дорога.
Верстовой столб с надписью «СмоленскЪ». Маршируют девушки кордебалета в киверах...
Появляется Мишель.

Мишель: Дамы и господа! Сегодня не только открытие кабаре, не только премьера нашего представления. Сегодня – премьера новой жизни Парижа! Господа! Вчера последний русский казак покинул столицу Франции. Мы – снова свободны! Мы поём и танцуем! Да здравствует Париж! Забудем войну, забудем потери! Забудем прошлое, дамы и господа!

На чём держится Париж, дамы и господа? Мадам за третьим столиком слева, вы-то уж точно это знаете? Неужели забыли? А вы, господин за четвёртым столиком? Неужели вы сходили к портному, чтобы сшить новый фрак только из-за моей премьеры? Мне было бы приятно, но я знаю, что это не так! Не молчите, дамы и господа, не молчите! Юная мадмуазель за вторым столиком справа смущённо зарделась... Уже хорошо! Не надо смущаться, мадмуазель! Париж живёт любовью! И любой парижанин тоже! Взять хотя бы меня или моего друга – Анри. *(Жест руки в сторону Анри, одиноко сидящего за столиком).* Только благодаря её величеству Любви мы смогли выжить в дикие морозы в дикарском плену. И не только выжить, но и построить маленький Париж! Не удивляйтесь, господа, мы строили Париж, Париж и ещё раз Париж! Город просвещения, цивилизации и... кабаре:

(Песня о Париже)
Париж, Париж, Париж!
От камней мостовых и до крыш
Даже воздух пропитан любовью.
Париж! Париж! Париж!

Париж! Париж! Париж!
Снова ты по ночам не спишь!
Мы покончили с этой войною
Навсегда... Ты согласен, Париж!

Париж! Париж! Париж!

Мишель: Дамы и господа! Там, в плену у дикарей, я не только выживал, не только строил мирный маленький Париж, но и мечтал о своём кабаре. Историю о жизни в плену мы вам покажем сегодня, но перед этим ещё небольшое повествование о русских... ведьмах!

Мы победителями покинули Москву. Буонопарт сказал: «Победителям пора на родину!» И мы вышли под звуки духовых оркестров стройными рядами полков по смоленской дороге! Нас ждала Франция, нас ждал Париж! Тогда мы ещё не знали, что попадём в тенета русских ведьм. Не верите? Я видел её, русскую ведьму! Если наши носаты и худы, с помелом в руках, то русские ведьмы, словно великанши, дородны и молчаливы, а в руках у них грабли! Не удивляйтесь – грабли! Ох уж эти грабли! Впрочем, о граблях потом.

Наверно, где-то под Смоленском зимой русские ведьмы собираются вместе на шабаш и сообща колдуют.

Из Москвы мы вышли в солнечную ясную погоду. Снег бодро хрустел под сапогами, а природа была готова расцвести от наших улыбок и песен. Но с приближением к Смоленску погода становилась всё хуже и хуже. Ветер бил в лицо снежной крупой, хлёстко, как плетью. В диких просторах вдоль дороги все селения были сожжены дикарями. Ни спрятаться от непогоды, ни отдохнуть в тепле. И этот вой, страшный вой сотен ведьм, ворожащих над нами. Одна из таких ведьм ласково пригласила группу фуражиров в свою избу, опоила зельем, затем заперла двери осиновым колом и запалила дом. Мы даже не смогли достойно захоронить их останки: мёрзлая земля не поддавалась лопатам....

Армия рассыпалась на глазах, терялась в этом колдовском снежном ветровороте. Даже лошади не выдерживали, валились прямо на дороге и жалобно ржали, а люди не могли их сердобольно добить, так как руки не могли заряжать ружья. Однажды я остался один возле огромного сугроба. Я вырыл нишу, чтобы спрятаться от ветра и достойно умереть, но появился Анри!

Вот он – Анри, господа! Друг – спасший мне жизнь. Аплодисменты, господа! Он сможет подтвердить, что всё, мною сказанное – правда!

Анри! Помнишь, как ты бил меня сапогами в бока и кричал: надо идти, француз! Ты солдат! Ты обязан прийти в Париж! Ты нужен Франции, ты нужен императору! Нас осталось двое в огромной дикарской чаше непогоды, переполненной злом, ненавистью и страхом. Вы не знаете, что такое пурга, господа, и очень хорошо, что вы не знаете, что такое пурга, господа! Анри из своей шинели сделал волокушу и тащил меня на ней по дороге в никуда... До тех пор, пока не появилась она – русская ведьма. Огромная и молчаливая! Она подняла меня на плечо и понесла в свое жилище! Эту хижину, вкопанную наполовину в землю, построенную из обгорелых брёвен, нельзя было назвать домом. Жилище – и то слишком хорошее слово для него. И тут я потерял сознание. Приходили видения: ведьма раздела меня, разделась сама и легла рядом. Она была жаркая, словно печь. Потом она встала и куда-то пошла. Я очнулся, решил проследить за ней и увидел... Моего друга Анри, распятого на бревне, и эту русскую ведьму, заносящую над ним огромный топор. Я попытался ей помешать, схватил её за руку, но было поздно... Силы покинули меня, и я снова впал в забытьё.

Девушки из варьете продолжают танец (канкан) шабаша ведьм.
Мишель подходит к Анри.

Мишель: Ну, как? Освоился, дружище?

Анри: Слегка неуютно. Давно уже не был в заведениях, где столько... «самоварного» золота на стенах, на лицах и на сцене... А вот кухня и вино настоящие. В этом ты всегда был дока. Даже на берегах Вычегды умел поставить на стол нечто французское, созданное из ничего – местных овощей, трав и грибов.

Мишель: Надо же, что вспомнил... Денежное содержание пленных от русского царя было никаким, и вот и приходилось выкручиваться. Эх, молоды мы были, и даже там, в русской глуши, в дикарском крае, оставались французами.

Анри: Мы не были в дикарском крае. И все твои глупости на этой сцене – неправда. Зачем? Ведь всё было не так! Помнишь, ты проиграл в местном кабаке не только свой кивер, но и пуговицы с мундира, а утром мороз на марше чуть не отморозил уши. И какой-то старик снял с себя шапку и напялил на тебя... На пленного. Ты назвал неизвестную русскую бабу ведьмой, а ведь она спасла тебя, да и меня тоже от неминучей смерти. Твоё представление... Это неправильно, Мишель.

Мишель: Брось, Анри! Публике нужны ведьмы и дикари! Вот я и подаю их на второе и третье к вину и куросанам! Посмотри, как довольны наши гости! Париж – свободен!

Анри: Париж будет свободен, когда избавится от фальши.

Мишель: Нет, ты совершенно не изменился! Всё такой же упёртый идеалист. Хочешь, я дам тебе сцену, и ты расскажешь нашу историю по-своему?

Появляется девушка-цветочница.

Девушка-цветочница: Фиалки, фиалки! Купите фиалки для любимой! Фиалки – цветы любви! Купите фиалки для любимой!

Анри: Девушка, продайте букетик...

Девушка-цветочница: Пожалуйста, а где ваша девушка?

Анри: Она всегда со мной. Вот здесь *(прижимает руку к сердцу)*. Как бы мне хотелось, чтобы, просыпаясь, она видела на столе букет фиалок. А вы не торгуете незабудками?

Девушка-цветочница: Никогда не слышала о таких цветах. А они будут хорошо раскупаться?

Анри: Не знаю, в России их дарят на прощанье.

Девушка-цветочница: Нет, тогда на таких цветах не заработаешь. У нас прощаются без цветов. Простите, мусье, мне пора работать. Удачи вам с вашей девушкой! И поменьше букетов из цветов-незабудок...

Сцена четвёртая

Тропа, ведущая вдоль берега Вычегды к лугам.
Две девушки с граблями, возвращающиеся с сенокоса. Это усть-сысольские подруги Анна и Глафира.

Глафира: Ой, Анюта, замаялась я! Граблями махать – не по мне.

Анна: Зато сена на всю зиму хватит. Бог терпел и нам велел. Потерпим – не баре-бояре.

Глафира: Эх, хотела бы я барыней быть. Чтоб никаких вил и грабель, навоза и сена. Стою я посреди двора и командую:

– Эй, Ванька! Куды пошёл, куды дрова понёс, а ну-ка – на место!

– Эй, Манька, ташши самовар в горницу, гостей будем принимать. Чай готовь, да покрепче, гости – иноземцы из Парижу как-никак! Мне с ними по-хранцузски беседу светскую разговаривать! Как говорить про моду на шляпки без чаю с кренделями?! Да кулебяку-то на стол не ставь, её поздней подашь.

Анна *(смеясь)***:** Выдумщица! Ох, разошлась-размечталась. Да в наших краях хоть мещанин, хоть крестьянин – всё своими трудами ежедневными живут. Разленишься на день – зима придёт, голодом-холодом напомнит.

Глафира: Какая ж ты правильная, даже помечтать не дашь! Вот оженю на себе француза, и всё будет как в мечтах: я в Париже, дом – дворец, слуги туды-сюды! А я им взбучку, а самым упёртым лентяям – граблями по спине хрясь...

Анна *(смеясь)***:** Ох, мечтательница, барыня с граблями вместо веера. Французики-то солдаты – крестьяне, портные да сапожники.

Глафира: А вдруг среди них прынц! Он, может, и сам не знает, что прынц. Я, значит, знакомлюсь с ним, а он узнаёт, что он принц, и говорит мне: поехали в Европу навсегда... Как в романе. Думаешь, ты одна книжки читаешь? Я тоже, между прочим... Слышь, Анна, как тебе хранцузишки-то? Ты ж хранцузский знаешь, может, меня с кем познакомишь?

Анна *(смеясь)***:** Глашка-Глашка, кто о чём, а ты – о знакомстве. Зачем тебе кавалер, который по-русски ни бельмеса, да и через год-два уедет на родину? Принц-принц! Откуда он возьмётся – из капусты?

Глафира: Так бессловесный-то – самое то, что надо. Он на меня зырк: «Почто шти не готовы!», а я ему: «Моя твоя не понимай!»

Анна *(смеясь)***:** Пошли лучше на речку купаться, пока народ на берег не набежал... *(Уходят к реке).*

На тропе появляются Анри и Мишель. Анри рассержен.

Анри: Слов нет! Просто нет слов! Зачем ты представился французским дворянином? Да от тебя за три версты конюшней прёт. Зачем полез в карты играть? И самое главное – какого чёрта начал мухлевать с колодой?

Да, мы – военнопленные, но мы представители великой европейской державы. Ты своей шулерской игрой позоришь всю Францию. Армию французскую позоришь! Это ж надо, солдата Наполеона, как последнего шулера, из постоялого двора выпроводили пинком под зад! Нас в этом городке сто человек, и только ты в разные истории попадаешь!

Мишель: Брось, Анри. У меня иной раз складывается впечатление, что ты в наполеоновском кителе родился. Весь такой правильный... Ну, не дворянин я, так кто про это знает? Да и не узнает никогда. Ну, колоду передёрнул, так этот местный землемер – ещё тот фрукт! У него в рукаве три туза на все случаи жизни. Посмотри, где мы! Заштатный городок в глуши России, и неизвестно, вернёмся ли мы обратно. Там, в Париже, до нас никому нет дела. Мы – пушечное мясо, случайно уцелевшее в мясорубке войны. Император в ссылке, армии разбиты. Ещё неизвестно, выберемся ли мы отсюда! Живи, Анри! Посмотри, сколь красивы туземки! Если их приодеть в парижские наряды и устроить дефиле в модном салоне, то отбоя не будет от клиентов. Каждый парижский жуир почтёт за честь пройтись с такими девушками по Елисейским полям. А ведь не аристократки, но как спинку держат... Какова стать!

Слушай, Анри! Тссс! А на речке-то голоса, между прочим, девичьи. Смотри, и одежды на ветке дерева висят, а ну-ко глянем, кто там, какие русалки в речных водах плещутся...

Мишель забывает о разговоре с Анри и подкрадывается к берегу реки. Восторженно цокает языком. Он не замечает бабы-Мотри, идущей с луга по тропе.

Баба-Мотря: Вот, Кошак хранцухский! Вот уж кошак, всем кошакам – кошак! А ну-ка, получи! Глядельщик. *(Баба-Мотря опускает грабли на спину Мишеля Канье)*. Получи, охальник! Может, у вас в Европах и можно на нагих девок смотреть, а у нас от глядельной болезни граблями... Граблями лечат!

Мишель, застигнутый врасплох, убегает. За ним гонится разгневанная баба-Мотря.

Анри *(усмехаясь)***:** Мишель-Мишель. Не зря тебя здесь котом прозвали! Всё время норовишь чужой сметаны урвать. Может, эти грабли тебя излечат от излишнего любопытства... Попробую попытаться спасти тебя от «жандарма в сарафане»... *(Уходит вслед за убежавшими)*.

Появляются девушки – Анна и Глафира.

Глафира: Анют, глянь, косорукенький. Куда это он пошёл? Тот, который у твоего бати вчера коми слова записывал. Интересно, зачем ему это? Может, он профессор какой? Или учитель. Слышь, Анют, познакомь меня с ним? Он весь такой несчастненький, может, его пожалеть надобно... Давай в ночное его пригласим... Нынче на хороводы много народа соберётся. Сено-то скосили. Эти французы такого праздника, наверно, в жизни не видели. У них ведь Иванов день не празднуют!

Анна: Удобно ли...

Глафира: Анют, что тебе неудобно? Вы уже знакомы, гостя в доме чаем потчевали. Это к незнакомому подходить неприлично. А к знакомцу, даже не русскому, только так подходить прилично. Даже наоборот нужно поздороваться, радушие показать, о житьё-бытьё расспросить...

Анна: Да мы знакомы полчаса и три минуты...

Глафира: Ты знаешь, как его зовут?

Анна: Представился он... Зовут Анри – Андрей по-нашему.

Глафира: Давай так договоримся. Я его приглашать буду. Сначала, как положено, сама скажу: мол, бонжур, месье, а потом у меня французских слов не хватит. Ты будешь переводить, что я предложу.

Анна *(иронично)***:** Вот сейчас побежим, догоним и приставать начнём....

Глафира: Зачем? Город небольшой. Главное – правильный путь от реки выбрать.

Сцена пятая

Французская слободка – место расселения военнопленных французов в Усть-Сысольске.

Мишель: Еле убежал от этой ведьмы. И чего она на меня взъелась? Ничего плохого я не делал...

Анри: Если не считать того, что из кустов подглядывал...

Мишель: Ох, блюститель нравственности. Да между прочим – девчонки в соку, они и сами были бы не против, чтобы на их красоту кто-либо поглазел. Вспомни Париж... Кабаре... Девушек, танцующих канкан... Красота-красотища! Знаешь, там, на речке, одна такая была..... Ой, кровь с молоком...

Анри: Ну-ну! Кровь с молоком – это хорошо! Только нравы-то здесь не парижские!

Мишель: Что ты мне про нравы?.. Собираешься жить вечно? Хочешь, чтобы мы стали одинокими стариками в этой варварской стране? Франция, Париж... Они забыли о нас! Кто мы такие? Пыль войны, не более того.

Анри: Смотри, Мишель, не те ли девушки идут, за которыми ты подглядывал? Прячься, не то опять твёрдость местных «варварских» грабель отведаешь.

На улице появляются Анна и Глафира.

Анна: И что ты меня этим путём повела?

Глафира: Так к дому от реки ближе, да и себя можно показать, других посмотреть. Париж как-никак. А ты видела, какие башмачки дочке городничего в этой слободке французы пошили? Я такие же хочу. Лёгкие, на каблучках точёных, с отворотами. Ой, как хочу! Что я, хуже дочки городничего что ли? Давай, подружка, спросим у французиков, которых в поле видели, может, они подскажут, кто шьёт, да сколько берёт.

Анна: Неудобно как-то...

Глафира: Неудобно-неудобно! Глупости ты говоришь. Люди как люди. Молодые, франтоватые, пообношенные только. Давай их в ночное пригласим, на Иванов день. Хоть узнают, что такое хоровод.

Анна: Глаш, я что-то не пойму, что ты хочешь, то ли башмачки заказать, то ли молодых французов в гости позвать...

Глафира: И то и другое! Пусть наши обалдуи посмотрят, какие мы павы–царев-

ны, как за нами галантные кавалеры ухаживают.

Анна: А не боишься, что раздерутся?

Глафира *(гордо подбоченясь)*. Это при мне-то? Ну-ну... пусть только попробуют! И нашим, и вашим таких пряников отвешаю!

Девушки проходят мимо Мишеля и Анри. Здороваются кивком. Те отвечают. Глафира смело поворачивает к французам.

Глафира: Бонжур, мусье. Не подскажете, где здесь сапожник живёт, который дочке городничего башмачки пошил?

Мишель и Анри не понимают её быстрой фразы. Анри пытается вникнуть в сказанное, Мишель, ничего не поняв, тем не менее расплывается в улыбке и, изображая восторг, улыбается, приглашая на лавочку возле дома. Анна, поняв, что просто так дело не кончится, а Глафира не остановится, подходит и переводит её фразу на французский.

Мишель: Башмачки! Нет проблем. Наш род получил дворянство только за то, что шил обувь для королевской семьи. Кому нужно пошить башмачки?

Анна: Глаше.

Мишель: Глаша! Какое красивое имя! Сейчас снимем мерки! *(Поднимает с земли кусок бересты)*. Пусть Глаша подойдёт к скамейке.

Глафира: Что он говорит?

Анна: Мерку надо для башмачков снимать, просит к скамейке подойти.

Глафира: Понятно-понятно...

Мишель: Мадмуазель, прошу поставить ножку на скамейку! *(Видит, что его не понимают, показывает)*.

Глафира: А-а-а! *(Глафира ставит ногу на скамейку)*.

Мишель: Какая ножка! Чудо, просто чудо! Вам какой высоты башмачок? До сих пор или выше? *(Его рука скользит вверх по ноге)*.

Глафира *(останавливает его руку и опускает до щиколотки)***:** Хитрец! Права баба-Мотря, кошак! Вот досюда башмачок, а не выше! Ишь, разошёлся!

Мишель: Теперь надо ногу поднять и поставить на бересту. *(Приподнимает ногу, ставит на бересту. Обводит острой щепкой)*. Сейчас вторую ногу, точно так же... Какая ножка! Для такой ножки надо королевский фасон для башмачков подбирать! Так, вы говорите, высота до сих пор или, может, повыше? *(Увлечённый флиртом он не замечает, как на дороге появляется баба-Мотря)*.

Баба-Мотря: Вот Кошак хранцузский! Видно, слабо урок понял, ну, держись! *(Она замахивается граблями)*.

Мишель еле успевает увернуться от удара по спине и, зная нрав бабы-Мотри, спешит ретироваться. Впрочем, та его преследует. Анри и Анна, увидев улепетывающего от бабы-Мотри Мишеля, смеются.

Анна: Ой, невзлюбила баба-Моря вашего друга! Достанется ему на орехи!

Анри: Он сам виноват, умеет приключения для себя находить!

Глафира: Что ржёте! Он же мерку не успел снять, вот и береста со следом валяется! Анют, ты их уже пригласила в ночное, Иванов день гулять, или забыла?

Анна: Анри, Глаша вас приглашает в ночное, Иванов день гулять. Приходите и друга своего возьмите. Там бабы-Мотри не будет, и он сможет свои мерки снять.

Анри: Неудобно, мы и людей не знаем, и языка...

Анна: Для песен и хороводов знать язык необязательно! А гостя у нас не обидят, или наполеоновский солдат боится?

Анри: Я уже отбоялся своё... А что такое хоровод?

Анна: Танец... но это не совсем танец. Просто так не объяснить – приходите, сами увидите. На луга, к реке. Найти несложно, там будет костёр гореть.

Анна *(обращаясь к Глаше)***:** Глаша, я пригласила! Пошли быстрее отсюда, а то сейчас Матрёна вернётся, так и нам с тобой достанется!

Глафира: Ой, боюсь-боюсь-боюсь... Идём, конечно! *(Лёгкий поклон в сторону Анри).* До свидания, мусье француз! До скорой встречи!

Навстречу идёт Модест Серпионович.

Модест Серпионович: Что за смех? Что происходит на вверенной мне территории?

Глафира: Матрёна француза граблями воспитывает *(смеётся)* за то, что он за девками на купании подглядывал...

Модест Серпионович: Это какой из французов?

Глафира: Канье – кот-котофей!

Модест Серпионович: Ну, этому не помешает! Ещё тот жук! Он вчера в гостином дворе карту так передёргивал, что даже землемер не выдержал. Он сам шулер известный, но такую наглость от французишки терпеть не стал. Выперли за двери и путь к столу навек заказали!

Глафира: Вот, бедняжка, и там не повезло.

Модест Серпионович *(обращаясь к Анне)***:** Вы бы этой дорогой не ходили. Тут нынче территория занятая, и кто этих иноземцев знает. Поостереглись бы. При мне-то, понятно, ничего не будет, а вот самим ходить не рекомендую-с. Настоятельно не рекомендую-с.

Передайте папеньке, что вечерком зайду на ужин, поговорим о том, о сём. Сами понимаете, городское хозяйство немаленькое, да и этих ещё нам навязали *(кивает в сторону французских казарм),* без мудрой беседы дел не сделаешь...

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Париж. Кабаре. Слышна музыка. Представление продолжается. Мишель и Анри.

Анри: Вчера у Анны был день рождения. Как бы я хотел оказаться рядом с ней,

поздравить её. Я много думаю об Усть-Сысольске. Если бы не рука, я бы остался в России.

Мишель: Анри, ты снова живёшь прошлым. Дикарская страна! Всё, что было – сон, Анри. Просто сон. Мы парижане. И хватит страдать. Не ты один вернулся с войны, но оглянись вокруг – все, кому мирная жизнь дороже войны, давно уже в сюртуках и фраках. Я помогу тебе, дружище, но тебе самому надо отказаться от мундира солдата проигранной войны.

Анри: Дикарская страна? Да мне нигде так не было хорошо, как там, на севере России. Я и сегодня мыслями там.

Мишель: Я тоже вспоминаю этот сон. Знаешь, а мне бы хотелось поставить на сцене хоровод и русские игрища. Ночь, костёр, таинственный танец... Многоголосье. Печальные песни, сменяющиеся весёлыми.

Помнишь, как девушки идут?.. Па-а-па-па-па! Плавно, грациозно. Надо попробовать такой номер на сцене. А ещё обязательно надо запустить на сцену медведя! Представляешь, русский медведь, танцующий канкан! Публика будет в восторге! Анри, почему ты даже не улыбнулся, неужели несмешно? Анри-и, ты куда улетел?

Берег Сысолы. Молодёжные игрища на Иванов день. Обрядовые песни. Хороводы.
Анри и Мишель чуть в стороне. Начинается «Хоровод», появляются Глаша и Анна.
Анна подходит к Анри.

Анна: Вот такие наши песни, вот такие наши танцы. Интересно? А что ж в стороне стоите? Входите в круг.

Анри: Я неуклюжий, боюсь, весь ваш строй поломаю.

Глафира: Нечего угрюмость нагонять, коли пришли! А ну-ка пошли. Ребята – «Ручеёк»!

Тащит Мишеля за руку. Впрочем, тот особо и не сопротивляется.
Анна и Анри остаются в стороне.

Анри: Вы прекрасно поёте. Я никогда не слышал таких протяжных и добрых песен. Длинных, как ваша река – Сысола, обширных – как ваши леса. Хотелось бы снова услышать. Моя мама прекрасно пела. Вы мне напомнили о ней.

Анна: Все мамы красиво поют. Без красивой песни ребенок в колыбели не уснёт...

Анри: Это правда.

Анна: Ваша мама, наверно, огорчится, увидев вас без руки?

Анри: Наверно бы огорчилась. Только нам суждено встретиться лишь на небесах. Она умерла, когда мне было 14 лет. Но вообще надо радоваться, что выжил в этой бойне. И надо радоваться, что война не прошла по вашей земле, не выжгла её, а главное – не выжгла людские души. В вашем городе люди умеют смотреть в глаза друг другу и радоваться встрече. В Европе, испепелённой войной, это редко встречается. Там не улыбаются незнакомцу, а уж тем более чужестранцу. Война отложила отпечаток – тень злобы и неверия. Чужак опасен.

Анна: А невеста у вас есть?

Анри: Не успел обзавестись. Война... не до выбора невест.

Анна: Трудно жить без руки?

Анри: Привыкаю. Иногда ночью просыпаюсь – пальцы болят, а их нет. Вспоминаю об этом, и это тяжелее всего.

Анна: Когда в бою оторвало, наверно, очень больно было?

Анри: Не в бою... Мы отступали из-под Москвы, я отморозил пальцы. Мудрая и добрая женщина попыталась сделать операцию – ампутировать фаланги. Я понял её и согласился – лучше потерять пальцы, чем умереть в муках от гангрены. Мишель не понял, в чём дело, увидев надо мной топор, попытался меня спасти, толкнул эту женщину... Вот топор и отсёк мне всю кисть. Я его не виню, он спасал мне жизнь, хоть и получилось у него это, как у вас говорят, «медвежьей услугой». Хватит о грустном. У вас только один такой праздник?

Анна: Нет. По осени на вечерки собираемся в избе у бабы-Мотри. И ей одинокой нескучно, и мы родителям не мешаем. Потом Рождество, Масленица, Пасха! Жизнь так устроена, от труда к празднику. Это нормально. Смотрите, что ваш друг творит.

Анри смотрит в ту сторону, куда показывает Анна. Мишель выстроил несколько девушек и показывает канкан.

Мишель: Внимание, всё очень просто, показываю ещё раз парижский канкан. Его танцуют так. Девушка сюда, вторая сюда, и...

Появляется баба-Мотря с граблями.

Мишель: Всё понял. Никакого канкана.

Это его не спасает от ударов граблями... Он снова вынужден ретироваться. Впрочем, заметно, что он играет, привлекая к себе внимание.

Глафира: Канкан... Интересно. Весёлый танец! Анна, спроси у француза – этот канкан в каждой деревне пляшут?

Мишель *(пробегая мимо)***:** Да что же это такое! Никуда от этой старухи не деться. Уберите жандарма в юбке!

Впрочем, заметив доброжелательный смех присутствующих на игрищах, он своими перебежками и увёртками от граблей привлекает к себе внимание.

Анна: Старуха?.. Да какая же Матрёна старуха! Тридцать лет. Мужа в солдаты забрили, сынок от зимней голодухи помер... Надо же, Матрёну уже старухой называют... Короток бабий век. Да и наши не лучше – придумали прозвище баба-Мотря. Баба-то она баба, так ведь не бабка же... Может, кто-то из ваших и убил её мужа, да только никто не знает. Нет о нём ни доброй, ни злой весточки. Так и живёт Матрёна соломенной вдовой.

Глафира *(капризно)***:** Ну ты переведёшь мой вопрос или нет?

Анна: Что?

Глафира *(капризно)***:** Ну мой вопрос про канкан?

Анна: Сейчас... *(но не успевает, замечает идущего коменданта).* Ой, комендант идёт. Глаша, ты бы с ребятами от коменданта гостей прикрыла! Затей какой-нибудь хоровод, что ли... *(Обращаясь к Анри).* Надо бы друга вашего предупредить. Модест Серпионович, человек нрава строгого, ещё не так поймёт...

Анри направляется к бегающему от бабы-Мотри Мишелю.

Анри: Мишель, прекрати! Комендант! Мишель! Комендант!

На лугу появляется комендант французского поселения Модест Серпионович. Строго глядит на происходящее, затем подходит к Анне.

Модест Серпионович: Может, кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит?!

Анна: Иванов день, молодёжные игрища. Вы, не женаты, тоже к молодёжи относитесь, добро пожаловать к огню, в хоровод.

Модест Серпионович: Нет уж, нет уж. И вы постыдились бы. Девица на выданье, из приличной семьи и готова через костёр языческий скакать! Не дело это, не красит это вас!

Анна: Больно вы строги! Даже ночью к реке вышли в чиновничьем мундире. Ещё никому эти игрища беды не принесли – ни дедам-прадедам, ни родителям нашим.

Модест Серпионович: Да, в мундире! А как же иначе? Служба государева обязывает! Как-никак – главный я над всеми иноземцами. Не кто-нибудь – комендант. *(Заметив француза).* А эти что здесь делают? Согласно казённому циркуляру, военнопленные, содержащиеся в российских городах, обязаны по наступлению темноты находиться в помещениях, предназначенных для их размещения.

Анна: Этот циркуляр не для Усть-Сысольска. Модест Серпионович, у нас летом даже сумерки не наступают, ночи белые, так что никакого циркуляра два француза не нарушили. Уж не казните их строго, гости они наши, по приглашению пришли. Я с Глашей их пригласила, чтобы узнали, что мы не только работать умеем, но и радоваться миру вокруг.

Модест Серпионович *(заметив француза)***:** Хм-м! Есть в ваших словах какая-то неправильная правда. Если же по циркуляру, то они и в самом деле его не нарушают. А вам с Глафирой я бы посоветовал ограничить общение с французами, ибо во время войны – они враги Отечества нашего! *(Обращаясь к французам).* Оба, мусье! Ну-ка сюда иди!

Анри и Мишель подходят.

Модест Серпионович *(обращаясь к Анне)***:** Будьте добры, переведите иноземцам, а то я слаб во французском... *(Обращаясь к французам).* У нас на Севере народ гостеприимен, но нельзя злоупотреблять этой добродетелью! Есть порядок вашего проживания в нашем городе, и его нарушать я не позволю! (*Анна перево-*

дит). Господа, приношу извинения, но есть порядок вашего проживания, и вам надлежит вернуться в казармы.

Сцена вторая

Усть-Сысольск. Французская слободка. Анри колет дрова. Появляется Мишель.

Мишель: Комендантская проверка была?

Анри: Нет ещё. Что-то ты часто стал в городе пропадать.

Мишель: Даю уроки французского языка. Глаша прекрасная ученица. Особенно, когда отец в лавке, а мать в коровнике.

Анри: Смотри, как бы твои уроки к новым неприятностям не привели...

Мишель: Милый друг, в жизни всегда есть два цвета – чёрный и белый. Почему ты живёшь в непонятном сером? Как здесь говорят – «Ни себе, ни людям!» Заканчивай с дровами, у нас два важных дела. Сначала мы идём в гости в дом Глафиры, а потом, вечером, мы идём на Ка-че-ли! И не спорь. Дикая страна – перед Пасхой устраивают игрища. Но мне это нравится! Там вся молодёжь собирается, и Анна с Глашей тоже будут. Обязательно идём. И ещё! Я женюсь!

Анри: Что-ооо?

Мишель: Милый друг, не удивляйся, я женюсь! И тебе быть дружком на свадьбе! Я сегодня сделал предложение Глафире. Она согласна. А с её отцом мы уже давно в приятелях. У него неплохое дело – гужевой извоз, торговля. И приличный капитал имеется. Мы даже уже обговорили открытие ресторации!

Представляешь, Анри, здесь в дикой глуши – изысканная французская кухня и кабаре! Я уже всё посчитал. Не такой уж бедный город этот Усть-Сысольск! Вот только вместо кабаков культурное заведение нужно, для приличных обеспеченных горожан. Торговые ярмарки здесь постоянные, государственные люди довольно часто приезжают. Двухэтажное здание – вверху гостиница, внизу – ресторация. Деньги, конечно, приличные нужны, но тесть ссудить обещал. Посчитали – через год-два каждый империал, вложенный в дело, – сторицей вернется.

Анри: Ой, парень, куда-то не туда тебя понесло. Год-два, и придёт приказ о выезде! Нет такой войны, чтобы победители пленных не возвращали на родину. И что ты тогда будешь делать?

Мишель: Год-два, а может – никогда! Что такое сто человек для Франции, а уж тем более для России. Мы потерялись, как песчинки в море. Надо жить не мечтами, а делом, днём сегодняшним, а не завтрашним! А что будет – того не миновать! Давай лучше о другом поговорим: в этой варварской стране надо послов к родителям посылать – называется сватовство. А у меня из родни и друзей кроме тебя и нет никого. Выручи, дружище! Не удивляйся. В этой варварской стране жену покупают. Не удивляйся. У нас в Париже женщин покупают, а здесь жён. Если не купить, то никакой свадьбы. Мне уже всё рассказали, как и что делать надо. Обязательно надо отрепетировать. Итак, ты коммерсант. Я тебе уже и картуз взял, чтобы ты был

как надобно свату-торговцу одетым. Ты приходишь и говоришь:

– Я торговец, пришёл покупать женщину для своего друга. Смотри не перепутай, не для себя, а для своего друга. И тут же начинаешь меня нахваливать.

Анри: Ерунда какая-то! Жена – не кокотка, как её можно покупать! Мишель, ты француз, во Франции не покупают людей! Это свободная страна!

Мишель: А в России – покупают! От тебя зависит моё счастье! Придумай лучше слова, которые про меня скажешь.

Анри: Да я и по-русски-то говорить не умею. Два-три слова знаю!

Мишель: Анна переведёт, главное, чтобы ты их заранее придумал!

Анри: Какой из меня коммерсант, торгующий женщинами! Сам подумай, Мишель! Снова ты меня в какое-то нехорошее дело втягиваешь!

Усть-Сысольск. Французская слободка. Появляется комендант поселения – Модест Серпионович.

Модест Серпионович: Канье? Ты-то мне и нужен! На работы нынче не пойдёшь. Вот кожа-хром, вот мерки. Надо мне к сегодняшнему вечеру дамские башмачки по парижской моде пошить. Ну, ты знаешь какие, чтобы не хуже тех, которые ты Глашке купеческой пошил. Выбрал я невесту, подарок мне нужен. И смотри у меня! Без фокусов, а то я твои ночные прогулки быстро прикрою! Думаешь, не знаю, где по ночам ошиваешься!

Модест Серпионович уходит.

Мишель *(обращаясь к Анри)***:** Знаешь, к кому в гости идёт? К Анне твоей! Пока ты ни туда, ни сюда не чешешься, он её, видишь, обхаживает. Меня тут котом прозвали. А кот-то не я, у меня только фамилия кошачья – вот он кошак натуральный – приступом обхаживает. Пока ты будешь...

Анри: Прекрати!

Мишель *(обращаясь к Анри)***:** А что прекрати! Ты француз или кто? У тебя любимую женщину уводят, а ты ничего сделать не хочешь. Это он для Анны башмачки заказал! Если б кому другому, я бы такие придумал, чтобы его дама сердца без слёз их снять не могла, а для Анны постараться придётся. Неужто ты не мог догадаться и такой подарок первым заказать?!

Анри: Прекрати! Посмотри на мою руку...

Мишель *(обращаясь к Анри)***:** А что рука! Если бы все руками целовались, детей бы не было! Нашёл причину! Ты посмотри, как она на тебя смотрит... Ждёт, что слово ей скажешь, а ты – улитка, залез в раковину и высовываешься из неё только по понедельникам, когда по раковине кулаком постучат. Анна стучать не будет – тебе надо первый шаг сделать!

Анри: Вот уж магистр амурных дел, давай лучше о твоём сватовстве поговорим!

Разговаривая уходят.

Сцена третья

Усть-Сысольск. Двор купеческого дома. Во дворе Глафира и Анна.

Глафира: Ой, Анна! Я такая счастливая! Мишель сегодня предложение сделал. Смешной! Пришёл с утра весть такой важный, напомаженный, усы накручены. Сам не свой: ни шутки, ни улыбки... Мнётся-мнётся, потом вдруг как выплеснет:

– Гляша, я тебя любу. Идти ко мне в жена....

Анна: Глаша-Глаша! Не по себе мне как-то. Ты сама-то хоть любишь его?

Глафира: Да-да-да! Он, конечно, не писаный красавец, но как рассказывать начнёт – и не заметишь, как вечер наступит. Он самый смешной и весёлый из всех, кого я где-либо встречала. Наши-то все – бирюки угрюмые, а он – весельчак. Если и соврёт, то так, что всем в радость. Я уже всех его тёток знаю, хоть и ни разу не видела! Он их так смешно показывать умеет. Передразнивает, но по-доброму. По-французски это шарж называется.

Анна: Хотела ты принца заморского, вот и нашла...

Глафира: Ну, какой он принц! Вся его родня – как и мы – торговцы средней руки. Маленькие лавочки держат – вином торгуют, которое сами же и делают. Хорошее вино, между прочим! Мишель по осени из рябины и клюквы по своим рецептам сделал, так на все праздники хватило. Отец даже подумывать начал – не открыть ли ему винзаводик. Ягоды-то по лесам у нас немеряно, а сейчас и свой мастер-винодел появился. Выгодное дело может получиться! Мишель он такой, он всё умеет! Ты вот у нас на конюшне не была! Любо-дорого поглядеть! Он всё в порядок привёл, всю сбрую, хомуты, сёдла починил! Не руки – золото! Это не я – это отец так говорит. А ещё отец говорит: «Не будь он французом, лучшего жениха тебе и не пожелал бы!»

Анна: Вот видишь, кабы не француз... Не отпустят тебя из дому с иностранцем!

Глафира: Это меня-то? Папенькину любимицу! Плохо ты меня знаешь! Как только Мишель спозаранку со своим предложением, так я сразу тятеньке в ноги кинулась! Люблю, говорю, и никого другого мне не надо. Ну а отец-то только с виду грозный! Ты ж его знаешь! Мать в слёзы! Отец помолчал, потом говорит: «Неволить не буду! Сама знаешь, нравится он мне, хоть и француз заезжий!» А матери говорит: «Не плачь. Знать, судьба у неё такая! И перечить божьему помыслу мы не будем». А та ещё пуще в слёзы! А он меня обнял, потом и говорит: «Выбрала ты, дочка, судьбу – не жалуйся! Но пусть у нас всё как у людей будет – и сваты, и венчание, и свадьба! Тогда и с моей стороны будет согласие да приданое. Деньгами дам. Здесь останетесь – в общее дело пойдут. Уедете – с собой увезёте».

Анна: Так ведь для венчания Мишелю в православие креститься надо?

Глафира: А он согласен! На всё ради меня согласен! Мы говорили с ним об этом! Ой, идут, а я ещё не готова!

Анна: Кто идёт?

Глафира: Сваты! Смотри, на дороге из Парижа – французы! Анечка, встреть их. Да и переводить тебе придётся. Я ещё не так хорошо по-французски говорю, чтобы слово в слово попадать, да и нельзя мне на глаза их появляться.

На дороге появляются Мишель и Анри. Анри выглядит довольно смешно: на голове – картуз с букетом цветов, поверх мундира красный кушак.

Анри: Мишель, я не хочу участвовать в покупке человека! Это против моих правил. Мы – французы, Мишель! Мы – первый из народов Европы, отказавшийся от рабства. Мы первые в мире, признавшие свободу женщин и равенство их с мужчинами.

Мишель: Ну, что ты свою шарманку крутишь, Анри? Традиция такая, Анри. Не понимаю, чего ты завёлся! Варварская страна, варварские обычаи. Ты же сам не раз говорил, что надо жить с уважением к чужим обычаям... Ты бы успокоился, Анри. Глаша говорила, что надо много шутить и веселиться. Ты же... как на войну идёшь!

Анри: Не обижайся, Мишель, если что не так получится, но покупка женщины – не может быть весёлым занятием.

Мишель: Говори, что посчитаешь нужным, но обязательно должен главное сказать – я коммерсант, пришёл покупать женщину для друга, хочу на товар посмотреть. Входим, пора устраивать шум-гам – канкан и всякий грохот!

Мишель и Анри входят во двор. Мишель останавливается у калитки, Анри с трещёткой выходит в центр двора. Из дома появляются домочадцы Глафиры. Анри так взволнован, что, даже заметив Анну, только делает лёгкий полупоклон в её сторону.

Анри: Я не коммерсант и никогда бы не пришёл по такому поводу, как покупка женщины, ни к кому, но меня попросил друг Мишель. Женщина – не товар!

Анна *(с улыбкой переводит)***:** С радостью и желанием мы пришли на ваш двор. Наш купец – ваш товар! Пришла пора посмотреть, стоит ли товар тех денег, что за него просят.

Анри: У меня замечательный друг – Мишель. И если бы не его страсть к вашей дочери... Я бы ни за что не вошёл на ваш двор, так как торговлю женщинами считаю безобразным занятием! Это бесчеловечно – продавать дочь!

Анна *(с улыбкой переводит)***:** Наш купец – красавец! Строен да высок. Пока товар не глянет, ни рубля не заплатит.

Анри: Мы не богаты и из другой страны, но у нас есть крепкие руки и добрые помыслы. Для дочери вашей – Глафиры – нет надёжнее спутника жизни, чем мой друг Мишель.

Анна *(с улыбкой переводит дословно)***:** Мы не богаты и из другой страны. Но у нас есть крепкие руки и добрые помыслы. Для дочери вашей – Глафиры – нет надёжнее спутника жизни, чем мой друг Мишель.

Отец Глафиры: Ждать не ждали – ведать не ведали, но каждый гость желанен в нашем доме. Есть у нас красный товар, да и ваш купец нам по нраву. Добро пожаловать в избу к столу и отведать всё то, что Бог послал.

Окраина Усть-Сысольска. Козловая качель. Молодёжь развлекается. На качелях Мишель с Глафирой. Чуть в стороне от веселящейся у качелей молодёжи стоят Анна и Анри.

Анри: Анна, вы очень неточно переводили! Я говорил об очень серьёзных вещах, а вы смеялись!

Анна: Анри-Анри, вы и в самом деле выглядели гневным французским петухом. Извините, что не смогла сдержать улыбки!

Анри: Торговля людьми безнравственна, а меня привлекли посредником к покупке женщины! И вы смеётесь! Но ведь когда-нибудь и вас тоже купят! Как можно смеяться, предвидя рабство.

Анна *(смеясь)***:** Анри-Анри, я наконец-то поняла! Вы и в самом деле думаете, что покупали Глашу? Это же понарошку! Это обряд – театр, игра! А я-то думаю, что вы так серьёзны! Первый раз видела вас такого запальчивого! Вот и переводила, сдерживая смех, как надо, чтобы сватовству не навредить!

Анри: Театр? Представление? *(Хлопает себя по лбу)*. Ой, болван я, болван! А я же раздосадован был на ваш очень неточный перевод! Мне казалось – вы лукавите в очень серьёзных вещах, но я не мог поправить перевод! Надо же – торговля женщиной! Понарошку! *(До него доходит абсурдность ситуации, он хохочет. Смеётся и Анна)*.

Молодёжь, раскачивавшая качели с Глафирой и Мишелем, требует от них прилюдного поцелуя. Мишель, не стесняясь, обнимает Глашу. Появляется баба-Мотря и пытается граблями огреть его по спине. Не попадает. Глафира и Мишель под весёлые крики спрыгивают с качелей.

Глафира: Матрёна, ну что ты творишь! Что тебе плохого Мишель сделал? Снова ты его граблями огрела. Так ты меня вообще без жениха оставишь! А он, между прочим, ко мне нынче утром сватов засылал! И папенька ему не отказал.

Баба-Мотря: Сватов, говоришь, ну и дела? Кошак сватов заслал! Вот всё как поворачивается! Что ж раньше-то не сказала! Я ведь тебя, родинушку, от этого иноверца спасаю, от греха берегу! А ну, Мишенька, иди сюда, родной. Я-то думала, ты кошак заморский, а ты котик!

Глафира: Что ж ты Аниного ухажёра ни разу дрыном своим не огрела?! Все палки моему Мишеньке.

Баба-Мотря: Да разве ж их можно трогать... Голубки воркуют. Жаль только, не будет им счастья, скоро разойдутся их пути-дороги... Нет уж, пусть милуются и радуются каждой минуте, которые им на счастье Бог дал. Не подбивай меня, Глашка, на непутёвые дела! Своё счастье строишь – это хорошо, только чужому не мешай. Твоё счастье – мясистое, чем больше бьёшь, тем больше пользы, а у Анны – воробушек, спугнёшь – не поймаешь.

Появляется Модест Серпионович. Увидев Анну с Анри, подходит к ним.

Модест Серпионович *(раздражённо)***:** Добрый вечер, Анна. Вижу снова вас с этим французом, и мне это совсем не нравится. Гости залётные скоро улетят, надо бы о своей жизни подумать. У горожан глупые домыслы ваши встречи порождают. Одна вот уже и под венец собралась! Непорядок! Венчанья и свадьбы запретить нельзя, но завтра-то что будет? Не вечно ж этим голодранцам замор-

ским казённый хлеб в нашем городе жрать и бездельничать! Ну да ладно, снова я о службе своей, а я ведь по личному делу пришёл. Вот, подарочек вам принёс – примерьте на досуге. По последней парижской моде сшиты! Вас проводить к дому?

Анна *(принимает подарок, но отвечает сухо, хоть и вежливо)***:** Извините, но сегодня вечером я ангажирована. Мусье Анри обещал меня проводить.

Модест Серпионович *(раздражённо)***:** А этому переведи *(в сторону Анри)*. Завтра на работы – на лесосеку его с командой отправляю. Дрова надо заготовить. Пусть идёт вещи собирает, отправка спозаранку будет! И чтобы не задерживался здесь. Ишь, моду взяли: русские праздники своим присутствием поганить! И постарайтесь к ужину дома быть, отец вам просил напомнить, что семья всегда важнее игрищ и забав! *(Уходит в гневе)*.

Анна: Вам велено передать, что завтра спозаранку вы отправляетесь на заготовку дров.

Анри: Я знаю, и уже готов. Только зачем об этом было здесь, на празднике, говорить?!

Анна: Модест Серпионович человек обстоятельный и не напомнить об этом не может.

Анри: А правду ли говорят, что вы с ним обручены?

Анна: Обручения не было, но по мнению моего отца – для меня это лучшая партия в Усть-Сысольске.

Анри: Для отца... А для вас самой? Разве вам нужны будни, которые начинаются не с букета фиалок на столе, а с фразы: «Готовы ли щи?» Вы такая!.. Вы такая необыкновенная, что должны жить в мире цветов, просыпаться с первым лучом солнца и от поцелуя любимого. Вам нужен тот, кто сможет постелить вам под ноги небесные луга! Способный ради любви совершить невозможное.

Анна: Анри, я девушка, а не фея, порхающая по лугам. Я готовлюсь к замужеству, так как есть у женщин обязанность от Бога – рожать и воспитывать детей...

Анри: Я бы не начал этого разговора, но вас должны любить. Он не любит вас. Он смотрит на вас, как на вещь, необходимую ему для комфорта и карьеры. Для кухни и щей.

Анна: Анри, что мы с вами о другом человеке? Даже неудобно как-то... Посмотрите вокруг, прекрасная пасхальная ночь. Звёзды, лунная дорожка, по которой мы идём. Давайте лучше о нас с вами поговорим. Мне немного зябко... *(Анна надеется, что Анри поймёт намёк, обнимет её)*.

Анри: Простите, Анна. Я не прав, что начал с вами этот разговор. Да и заморозил на улице! *(Замыкается в себе)*. Вот и ваш дом. Пора прощаться. До свидания, Анна.

Анна: До свиданья, Анри. Стойкий оловянный солдатик...

Сцена четвёртая

Французская слободка – место расселения военнопленных французов в Усть-Сысольске.

Анри: Мишель, пришёл приказ! Мы покидаем Усть-Сысольск. Да здравствует Франция! Домой!

Мишель: Ты так кричишь, будто тебя заждались все красавицы Парижа. Эту новость я уже знаю, тесть ещё вчера сообщил.

Анри: Ну и как?

Мишель: Как-как, да никак! Лучше не спрашивай. Тесть-то ещё ничего, понимает, что я гражданин Франции, что я солдат, который принимал присягу. Я должен вернуться. Глашке это не объяснить!

Анри: Ты знал, на что шёл.

Мишель: Вот только морали не надо! Из тебя такой же Жан-Жак Руссо, как из меня папа римский!

Анри: Что делать собираешься?

Мишель: В Париж, в Европу, к виноградникам! И забыть эту медвежью берлогу, как дурной сон. Там видно будет, что делать. Время всё расставит на свои места.

Анри: Помоги мне, а то с одной рукой не справиться.

Мишель: Что помочь-то?

Анри: Сейчас покажу... пошли.

Возвращаются с верстовым столбом. Устанавливают его. Прибивают указатель со стрелкой-направлением – «Париж. 10 000 лье».

Анри: Хоть такую память о нас оставим.

Мишель: Лет сто простоит, а то и больше.

Анри: Красивые здесь места. Суровые и добрые. Утром выходим. Как у тебя-то с Глашей?

Мишель: Это не страна – это банка замороженных пауков. Каждый чиновник к соседу посылает. Не сможет Глаша с нами выехать. Не по уставу, и разрешений нет. В Усть-Сысольске всё решили – надо в Вологду ехать. В Вологде побывали – в Санкт-Петербург отправляют. Вся жизнь уйдёт на разрешения.

Анри: А если плюнуть на всё и остаться?

Мишель: Как будто ты не знаешь. Тогда во Францию не суйся, будешь дезертиром пожизненно объявлен, а дезертиру и здесь подданства не дадут. Да и хочется мне в Париж. Устал я от этих холодов.

Окраина Усть-Сысольска. Проводы французов.

Глафира *(причитает)***:** Ой, Мишель-Мишель! Как же я без тебя одна буду! Намиловаться не успели – уводят тебя солдаты в страну далёкую! Мне не ведомую. Возвращайся, Мишенька, скорее, а не вернёшься – я за тобой следом пойду, где бы ты ни был – найду-разыщу, так как нет мне без тебя счастья женского!

Анна *(старается успокоить подругу)***:** Ну что ты так причитаешь, как по мёртвому. Не на войну – на родину уезжает. На всё воля божья! Дорогу к тебе знает. Все бумаги оформит и вернётся. Свободному человеку это проще сделать, чем подневольному. Муж – иголка, жена – нитка. Заберёт он тебя, или не веришь ему?

Глафира *(причитает)***:** Верю, подружка, да ведь только на бога надейся, а сам не плошай. Небось девок расфуфыренных да намазанных в том Париже поболее, чем у нас, будет, как бы за какой юбкой не убежал. За ним же глаз и глаз нужен! Он у меня вон какой красавец, каждая прости-господи рада будет захомутать такого!

Появляются Анри и Мишель, собранные в дорогу с солдатскими ранцами на плечах.

Анри: Кончается пленение, а уезжать не хочется!

Мишель: Не оглядывайся, дружище, смотри вперёд! Там впереди мир и Франция! Там впереди перспективы и надежды!

Анри: У тебя здесь жена, которую ты оставляешь в неизвестности.

Мишель: Всё впереди: и жена, и дело! А временные трудности всегда можно решить! Если нюни не распускать.

Глафира подбегает к Мишелю. Анри отходит к Анне.

Глафира *(причитает)***:** Ой, Мишель-Мишель! Несчастненький ты мой, как же ты в чужом краю без меня? Там же каждый норовит друг друга обмануть!

Мишель: Не надо плакать, Глаша, все будет хорошо. Всё прекрасно будет, вот увидишь!

Глафира *(уже без причитаний)***:** Вот тебе узелок на дорогу с шанежками-подорожниками. И давай в сторону отойдём: вот деньги. *(Достаёт из заветного места конверт)*. Деньги серьёзные – моё приданое. Ты их в дороге не трать, в дело пусти. Приеду – за каждую копейку отчитаешься. Документы оформишь – пиши. Почта государева хорошо работает. Мы с отцом с нашей стороны тоже постараемся. Вы тут на прощанье бражничали вчера, а надо было дело обговаривать! Всё за вас, мужиков, придётся самой делать! Эх, непутёвый ты мой.

Глафира *(снова причитает)***:** Ой, Мишель-Мишель, куда я без тебя денусь?!

Появляется Матрёна. Обращается к Глаше.

Глафира *(снова причитает)***:** Ой, Мишель-Мишель, куда я без тебя денусь?!

Баба-Мотря: Глафира, позволь к мужу твоему с просьбой обратиться?

Глафира *(утирая глаза)***:** Проси, Мотря, может, в последний раз и видитесь...

Баба-Мотря: Уважаемый Мишель Канье. Приказать не могу, всем сердцем прошу... Есть недалеко от Парижа русское кладбище, там муж мой погребён. Отвезите ему горсть родной земли на могилу и свечу поминальную из храма, где нас венчали... А за зло душевное, и за грабли мои – простите. Я ведь в каждом из вас того хранцуза видела, который мужа моего убил.

Мишель: О господи, грабли-грабли! Не скажу, что они были приятны, но... без ваших грабель я, может, и Глашу бы во всей красе не увидел! Известно же, что запретный плод, который охраняют, намного слаще... Давайте ваш узелок, Матрёна Ивановна! Обязательно отыщу братскую могилу и верну землю земле... И свечу оставлю зажжённой на могиле, чтобы понял солдат, что не забыт он в родном краю.

Анри *(обращаясь к Анне)***:** Смотрите, Анна. Нынче даже Матрёна без грабель. И Мишелю что-то серьёзное говорит.

Анна: На днях узнала, что муж её недалеко от Парижа похоронен. До победы дожил, даже в Париже побывал, где от ран в госпитале и умер. Мир праху его *(крестится)*.

Анри: Вот оно что... значит, похоронила мужа.

Анна: Да, похоронила мужа, законной вдовою стала.

Анри: А что ж она к Мишелю обратилась, я бы...

Анна: Давайте не будем обсуждать её выбор. Ей виднее.

Появляется Модест Серпионович.

Модест Серпионович: Баржа к пристани причалила, пора французам грузиться. Передам военнопленных конвою – и всё, кончается моё бремя! И то слава богу, а то за делами государевыми чуть было без женитьбы не остался! *(Крестится)*.

Всем на погрузку! *(Обращается к французам)*. Быстро-быстро! И чтобы через десять минут духу вашего в моём городе не было!

Глафира *(снова причитает)***:** Ой, Мишель-Мишель, куда я без тебя денусь?! На кого ты меня, несчастную, покидаешь?!

Баба-Мотря: Успокойся, Глаша, не на войну уходит. Всё будет хорошо. Грузиться ему пора, не держи, всё равно так не удержишь.

Анри: Прощайте, Анна, не поминайте лихом!

Анна: Подождите, Анри! Однажды мы говорили с вами о фиалках, которые каждое утро должны расцветать в вазе на столе. Я хотела бы просыпаться в комнате от первого луча солнца и видеть эти фиалки. Увы, у нас не растут фиалки, а на прощанье я набрала букет незабудок. Возьмите его на память...

Анри хочет что-то сказать, но берёт букет незабудок, резко поворачивается и шагает в сторону реки. Анна продолжает стоять на месте. Анри оборачивается и кричит.

Анри: Анна, я люблю вас! Я бы никогда не осмелился вам это сказать, ведь я не тот принц, который вам нужен, но это последнее моё мгновенье на этой земле, которая подарила мне счастье встретить вас. Я люблю вас, Анна, и буду любить вечно! Вы должны знать это!

Анна делает шаг навстречу к Анри, но её останавливает рука Модеста Серпионовича.

Модест Серпионович: Мы на людях. Не стоит делать опрометчивых шагов, за которые вам впоследствии будет стыдно.

Анна: Вы беспардонны. Я не совершила ничего такого, за что могу стыдиться!

Модест Серпионович: Вот и ладно. Французы пришли и ушли. Только ветер от них остался, да глупый верстовой столб. Да ещё всякие словечки – пардон-амур-тужур-мужур... зелёный абажур. Отправляйтесь-ка вы домой, к родителям. Отец уж заждался, да и разговор у него к вам серьёзный есть.

Анна *(резко сбрасывая руку с плеча)***:** Вам-то откуда знать?!

Модест Серпионович: Да уж знаю, потому что и мой интерес присутствует...

Сцена пятая

Париж, кабаре «Сысольский кот». Анри и Мишель.

Анри *(утверждающе)***:** Значит, ты уже не вернёшься на берега Вычегды никогда.

Мишель: Конечно, нет! Посмотри – здесь моя жизнь! Она кипит, бурлит и говорит, нет – кричит мне: «Радуйся!»

Анри: А как же семья? Глаша...

Мишель: Это в другой жизни, в той прошлой, к которой нет возврата! Другая страна, другие законы. Там всё другое.

Анри: А как же Глаша?..

Мишель: Анри, хватит! Незачем портить мне праздник! Конечно, я хотел написать, но никак не соберусь, дела. Я ведь и русского языка не знаю! Я даже афишу об этом представлении послал, свернул, в конверт уложил и... послал. Полгода назад. И никакого ответа!

Анри: Наверно, ты не очень старался...

Мишель *(с лёгким раздражением)***:** В прошлое нельзя вернуться, прошлым не стоит жить. Есть настоящее, и есть будущее. Прости, дружище! Мне пора готовиться к выходу на сцену. Пора в гримёрную, и вперёд – заключительный номер нашего первого представления. Специально написанный и отрепетированный для этого дня – «Канкан «Сысольский кот».

Анри, останься обязательно. Это не танец – это огонь души и пламя страсти, заточённые в северной клетке и выплеснувшиеся на парижской сцене. Поддержи меня, дружище, хотя бы своим присутствием в зале! Сто лет такого не было! Аж мурашки по коже! Как перед боем под Бородино. После премьеры – за кулисы! Вино, девочки! Не упускай шанса, Анри!

Анри: Поздравлю! Твоё кабаре будет иметь успех! Прости, Мишель, но я что-то утомился, неважно себя чувствую. Представление досмотрю, но потом оставаться не буду, домой, домой, домой...

Мишель: Что ж, хозяин-барин! Не теряйся! Прости, дружище – занят. *(Торопливо обнимает на прощанье Анри).*

Анри: Да-да, мы обязательно встретимся...

Мишель: Дамы и господа! Вот и подходит к концу наше первое представление! Сегодня ожила сцена в кабаре «Сысольский кот». Отдыхайте, господа! Вы уже убе-

дились, что у нас прекрасное вино, изысканные закуски и... зажигательная музыка!

Жил-был кот-Котофей,
Не ловил он мышей,
Только мыши поймали его
В хоровод.

И теперь Котофей
Средь весёлых мышей
Пляшет день, пляшет ночь
Напролёт.

Кот-кот-кот-кот!
Кот-кот-кот-кот!

Был в плену у мышей
Чёрный кот-котофей
И плясал день и ночь напролёт.

А теперь Котофей
вспоминает мышей,
только если встаёт в хоровод.

Кот-кот-кот-кот!
Кот-кот-кот-кот!

В зале кабаре появляется баба-Мотря.

Баба-Мотря: Так-так! Это что же получается! Не успел уехать, а уже с девками прилюдно ноги задирает! *(Оглядывается в поисках грабель)*. Что ж эти парижские девки творят? Нашего котика со всех сторон облепили. Задержись мы на пару дней – вообще бы увели. Что ж за страна такая, даже грабель нет у стены? ...Гла-фи-ра!

В зале кабаре появляется Глафира.

Баба-Мотря: Глашка, смотри, что твой творит! А девки-то, девки! Это ж можно ли так чужого мужика тискать? Вот уж я им задам! Вот уж им я сейчас выпишу под первое число!

Глафира: Матрёна, здесь своих правил не устанавливай! В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Это ж представление! Театра канканная! Осмотреться надобно. Я тебя для чего с собой взяла – кухарить да за детьми приглядывать, когда Анна их наукам не учит. Вот иди, а потом с ними возвращайся. Дай мне самой всё на свои места поставить!

Идёт к сцене.

Глафира: Мишель! Так-то ты свою законную жену встречаешь! *(Руки подпирают бока, и, судя по всему, Мишелю ничего хорошего ожидать не приходится).*

Мишель *(опешивши от изумления)***:** Откуда ты, Глаша?

Глафира: Откуда, откуда, из России, конечно! Тут пока доберёшься – состаришься... Полгода на санях да в кибитках, да со всем своим обозом и домочадцами.

Мишель: Как ты меня нашла?

Глафира: Афишку не ты ли прислал? Такие же по всему городу на стенах висят. В Париже тебя найти несложно, на каждой улице портрет с адресом! В Усть-Сысольске было сложнее. Что ж ты не писал-то, родной? Устала на почту бегать.

Мишель: Некогда было, вот дело открывал, кабаре обустраивал, да и адреса не знал.

Глафира: Что-о? *(Голос Глафиры не предвещал ничего хорошего).* Это как тебя, милый, понимать? Как это адреса не знал? Как деньги у папеньки занимать, так находил, а как супруге законной письмо отправить – адреса не знал?! Кредит у отца взял, и пропал! Ни слуху ни духу. Даже о семье и детях не интересуешься!

Мишель: Занят-занят был! Вот кабаре, стройка, обслуга. Везде глаз нужен... Глаша, о каких детях ты говоришь?

Глафира: О наших, родной. Совместно нажитых! Хорошо ты перед отъездом постарался – тройня у нас. Ну а если не знал, как на свете дети появляются, то радость и счастье тебе привалили! С детьми знакомиться будешь, с наследниками!

Мишель *(испуганно)***:** Глаша, о чём ты?..

Глафира: О сыночках, Мишенька, о сыночках! Матрёна, где же ты? Веди детей к отцу, заждался он встречи, ажно дрожит от желания их увидеть!

Мишель: Матрёна – это же баба-Мотря? Это же... грабли! Это же хуже Наполеона!!!

Появляется тройня близнецов. Бегут к Мишелю, кричат хором:

– Папа!

Мишель пытается скрыться, дети бегут за ним. Следом бежит баба-Мотря, с невесть откуда взявшимися граблями в руках. Глафира, заметив Анри за столиком, радостно подходит к нему.

Глафира: Анри, милый друг! Сколько лет – сколько зим! Знала, что встречу, но вот не думала, что аж до слёз пробьёт! Свой же мужик, усть-сысольский! И где встретились – по центру Парижа, считай, на краю земли! Вместе нам надо держаться! Товарками-то я обзаведусь, дело нехитрое, а вот подлинных друзей в чужой стране вовек не встретишь. Разве что Матрёна, ты да Анна.

Анри: Анна здесь, в Париже?

Глафира: Так ты что, её ещё не видел что ли? А как же сердце не подсказало? Да она ж при моих детках в гувернантках уж третий год служит. Я, как только

тройню родила, так и поняла, что одной не справиться, да и детям образование и воспитание нужно. Знаешь же, как у нас говорят: воспитывать ребёнка надо, пока он поперёк лавки лежит, а станет старше – никакой пользы от воспитания уже не будет! А мои ж мальчишки – шалуны, каких не сыскать. Ну, прям все в отца! Тот ещё шалун. Ну, што ты шею выкручиваешь, Анну что ль увидеть норовишь? Сейчас узнаем! *(Обращаясь к Матрёне)*. Мотря, брось ты моего муженька граблями стращать, пуганый он! Пусть детям порадуется, приголубит кровинушек! Они ж три года про родного отца только сказки слушали! Лучше скажи, Анна где?

Баба-Мотря: В гостином дворе! Где ей ещё быть, коль ты меня с собой позвала?! Разгрузкой обоза распоряжается! Эти ж нерусские так разгрузят, что потом ни шпильки ни иголки не найти будет. А то ещё и занычут что! Знаю я их, кошаков хранцухских.

Глафира *(обращаясь к Анри)***:** Вот видишь, на гостином дворе она! Да не спеши, никуда она от тебя уже не денется, мы в Париж не на день приехали!

Анри машет рукой, хватает лежащий на столе букет фиалок и выбегает.

Глафира: Матрёна, а что это там танцорки у окна столпились?

Баба-Мотря: Так ведь театру смотрют: наши голубки встретились. Бабы-то они – везде бабы. Умеют чужому счастью и завидовать и радоваться. Смотри – у всех глаза на мокром месте. Чует моё сердце, скоро свадьбу будем гулять! А что? Покажем Парижу, как у нас свадьбы гуляют, как думаешь, Глаша?

Глафира: Покажем, Мотря! Они ещё попляшут на нашей свадьбе! Ну-ка сходи Мишеньку навести, а то как бы не обидели его наши оглоеды! А мне тут надо ещё с девками поговорить!

Баба-Мотря: Пойду, коль просишь! А то и в самом деле усы-то его кошачьи, они ему точно повыщипают, три года только сказки про него слушали. Заскучали, однако.

Глафира *(обращаясь к танцовщицам)***:** Стоп, девки! Хватит на чужое счастье пялиться, сглазите ещё. У меня к вам дело есть! Чтобы не было недоразумений! Я жена Мишеля, и это заведение построено на папенькины деньги, так что хозяйка ваша – я, а не он. И вам очень придётся постараться, чтобы доказать нужность вашего присутствия.

Одна из танцовщиц *(с вызовом)***:** Можем и русский хоровод сплясать!

Глафира: Хороводы я, родная, лучше тебя водить умею, но на них многого не заработаешь. Мужики на хороводы не падки, а нам с Мишенькой зарабатывать надо – вон какие трое сынков у него и, думаю, не последние. Покажите-ка мне канкан, да так, чтобы искры из-под каблуков летели. И-ии... начали!

Канкан. Занасвес. Выход артистов.

Куплеты Мишеля Канье

Я был в плену в стране далёкой,
Но понял я, мои друзья,
Что даже там, в снегах глубоких,
Без ласки и любви прожить нельзя!
Да-да-да-да!
Без ласки и любви
Прожить нельзя! Прожить нельзя!

Я полюбил берёзовые рощи,
Куда ходил с красоткой по грибы.
А в результате есть жена и тёща,
И никуда не деться от судьбы!
Да-да-да-да!
Мне никуда не деться
Ни от жены, ни от судьбы!

Когда свои забрасывал я сети,
Мечтал русалку в омуте поймать.
Русалки нет, но, может, где-то дети
Хотят меня своим отцом назвать.
Да-да-да-да!
Возможно, где-то дети
Хотят меня отцом назвать!

Но в те края уже мне не вернуться,
Мне Франция диктует свой резон:
Пусть на Монмартре зрители смеются –
Я открываю в кабаре сезон!
Да-да-да-да!
Пусть зрители смеются!
Я открываю первый свой сезон!

Куплеты «Канкана»

Император запретил петь на улицах Парижа,
но у столиков в кафе стали мы друг другу ближе.

КА-БА-РЕ!
Весь мир танцует и поёт, танцует и поёт, танцует и поёт!
КА-БА-РЕ!
Все ночи напролёт, все ночи напролёт, все ночи напролёт!

Эй, дедуля, что застыл у порога истуканом –
сядь за столик, пей вино, душу услади канканом!

КА-БА-РЕ!
Весь мир танцует и поёт, танцует и поёт, танцует и поёт!
КА-БА-РЕ!
Все ночи напролёт, все ночи напролёт, все ночи напролёт!

Эй, красотка, улыбнись и воздушным поцелуем
всем скажи: «Прекрасна жизнь!» И с тобою мы станцуем!

КА-БА-РЕ!
Весь мир танцует и поёт, танцует и поёт, танцует и поёт!
КА-БА-РЕ!
Все ночи напролёт, все ночи напролёт, все ночи напролёт!

Эй, матрона, весь ваш вид вызывает удивленье!
Впрочем, значит, и для вас от канкана нет спасенья!

КА-БА-РЕ!
Весь мир танцует и поёт, танцует и поёт, танцует и поёт!
КА-БА-РЕ!
Все ночи напролёт, все ночи напролёт, все ночи напролёт!

ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӦН ЛИТЕРАТУРНӦЙ ЖУРНАЛ

Син югдӧм

(Висьт)

Нывлӧн чужӧмыс гӧрдӧдӧма лежнӧг чвет моз. Бан бокас лэччӧма читкыль. Мый понда найӧ вензьӧны? Кыдзи кылӧны ӧта-мӧднысӧ? Киясныс вералісны-серпасалісны сынӧдын сёрни. Синъясныс ломзисны. Бӧръяпомыс ныв кыскыштіс киӧдыс ар квайта зонкаӧс да юрсӧ чатӧртыштӧмӧн муніс йӧз чукӧр дорысь. Алёша мӧдіс на бӧрся. Медводдза чукыль сайын ныв сувтіс, лажыньтчис раминик зонка дорӧ да пондіс бӧрдӧмсорӧн мыйкӧ петкӧдлыны чуньяснас. Мӧдыс лэптіс юрсӧ – син дорыс вӧлі вазьӧма.

Тайӧ здукас на дінӧ горзӧмӧн уськӧдчис лёзь юрсиа нывбаба, буракӧ, мамныс, мый нӧ пӧ лоис. Котӧрӧн матыстчис батьныс, сійӧ пыркӧдіс куртка вывсьыс пилипызь да ӧтпырйӧ мыйкӧ юасис. Йӧрын, кылӧ, гораа да шуштӧма пондіс увтчыны пон. Зонка черӧбтіс да шытӧг бӧрддзис. Став тушанас сыркъялӧмӧн, сынӧдсӧ мисьтӧма ньылалӧмӧн. Кӧсйис, кӧнкӧ, ас ногыс венны гузьгысьӧм шогсӧ. Кымынысь на сійӧс дӧзмӧдласны? Кыдзи дорйысьны? Со и Алёша повзис да муніс дінтіныс.

Тайӧ серпасыс тшӧкыда сувтліс Алёшалы син водзас. Андел кодь ныв овмӧдчис сылы быд вӧтӧ, быд мӧвпӧ. Кӧрталіс быттьӧ ас дорас, мевйӧдіс сьӧлӧмсӧ. А мыйӧн и торъялӧ мукӧдсьыс? Но татшӧмыд оз эновт, мый вынсьыс доръяс. Сылысь мугӧм юрсисӧ, шӧйӧвошӧм чужӧмсӧ казьтылӧмысь зонмӧс кынтіс; киясыслӧн чожа вӧрӧмас сійӧ кыліс аслыспӧлӧс музыка.

Алёша локтіс тайӧ карас велӧдчыны. Вузсяньыс неылын вӧлі меститчӧма парк. А парк дорас орччӧн – ремесленнӧй училище, кӧні тшӧтш велӧдчисны и омӧля кылысьяс. Студент эз ӧтчыдысь аддзывлы серакотша лабичьяс вылын варовитысь ныв-зонмӧс. Найӧ олісны кельӧбын моз. И видзӧдісны ёнджыкасӧ ӧта-мӧд выланыс. Чайтсис, быдӧн сёрнитӧ став тушанас, ловнас, дойнас, весиг быттьӧ ку пиысь петавлӧ быд кыв вӧсна. Быдӧн шымыртіс лолас мыйта позьӧ унджык. Торпыригӧдз пазалӧм олӧмыс ӧксис, калейдоско-

ИРИНА НЕКЛЮДОВА

Ирина Михайловна Неклюдова чужис 1960 воӧ Томск областьса Белоусово сиктын. Помаліс Томскса государственнӧй университетын историческӧй да психологическӧй факультетъяс. Лэдзис «Рифы радости» (2001), «Живая свеча» (2002), «Всё чаще чудо снится» (2008) небӧгъяс.

пын моз, кужысь киясӧн серпасалан кывйын. Том йӧз эз петавлыны ас кытшысь, но корсюрӧ сійӧ отаммыліс либӧ топавліс. Тӧдтӧм нылыс на пӧвстын эз тыдав.

Алёша тушанас вӧлі кузь да вӧсни потш кодь. Зон быдторсӧ казяліс да босьтліс сьӧлӧмас. Та вӧсна сылы нинӧм эз сетчы кокниа. Алёша аддзис кытчӧкӧ тэрмасьысь йӧзӧс, коръяскӧ казяліс чорыдлунсӧ да веськавліс пинь-зыкӧ. Первойсӧ сійӧ видліс вӧтлыны дӧзмӧдчысь мӧвпъяссӧ. Но весиг гортсьыс гаж быröм эз вермы пӧдтыны сьӧлӧм юмзьӧдысь шогсӧ. Алёша дась нин вӧлі бара смелмӧдчыны да ветлыны сійӧ кар пельӧсас. Но сьӧлӧм косьтысьыс, анделыс, ачыс кыськӧ югдіс. Сійӧ пукаліс паркын шондіӧн югзьӧдӧм лабич вылын да чӧла сёрнитіс кӧвдум кодь гӧгрӧс чужӧма, гӧрд юрсиа нывкӧд. Мӧдыс ыкшапырысь кывзіс сійӧс да небыдика кучкыліс киас, эз кӧ лӧсьыда артмывлы чуньяснас петкӧдланторйыс.

Сійӧ жӧ рытнас Алёша восьтіс Ӧтуввез да кутіс велӧдны омӧля кылысьяслысь да сёрнитны вермытӧмъяслысь анбур. Да, абу, аттьӧ, ад-дзысь-лы-тӧдз, чолӧм. Сьӧкыд, но сэтшӧм колана кывъяс. Налӧн, кӧнкӧ, и асланыс «сленг» эм. Виччысьтӧг зонлы окота лои, медым ныв оз пырысьтӧм-пыр гӧгӧрво, мый сійӧ абу на кодь жӧ, мый сійӧ кылӧ и кокниа сёрнитӧ. Кыдзи тэнӧ шуӧны? Кыдзи олан? Абу и сьӧкыд кывъяс. Ми найӧс кокниа шуам, думыштчывтӧг шыбитам кок улӧ, ог и виччысьӧй вочакыв – пышъям дай.

Алёша медводдзаысь аддзис олӧмсӧ на синмӧн. Шыястӧг олӧм. Мыйӧн сійӧ тырӧма? Кутшӧм горӧн? Сӧмын-ӧ сьӧлӧм тіпкӧмӧн да сылӧн дойӧн? Зон пуктіс кисӧ нӧйтчысь морӧс бердас. Сэсся ӧдйӧ тупкис пельсӧ содзьяснас. Сійӧ кыліс ас пытшсьыс гызьӧм. Но эз вермы мынтӧдчыны мазі котырын моз йӧзлӧн дзизгӧмысь, уна гӧлӧса зык-шумысь, садьмысь асъя шыясысь да ӧшиньӧ таркӧдчысь зэрысь.

Матыстчыны том йӧз дорӧ Алёша яндысис. Дерт, бур эськӧ вӧлі накӧд тӧдмасьны. Но кыдзи лоны на кодьӧн? А гашкӧ, и оз ков пӧръясьны? Мыйла тайӧ ставыс? Мый сылы тайӧ нылыс? Кымын мича ныв то гӧгӧр! Медкӧ Алёша полӧкодь. Но ӧд ставыс водзын на. «Велалан, Алёша, велалан!» – шулывлӧ сылы жыръяс ӧтлаын олысь Славка. Славка эновтас ӧти нылӧс – пыр жӧ тӧдмасяс мӧдкӧд. Быд рыт вошласьӧ клубъясын либӧ ёртъяс дорас. Но и велӧдчыны слӧймӧ.

Со найӧ бара пукалӧны лабич вылын. Ӧні нин гӧрд юрсиа нылыс легӧдӧ чуньяснас. Сэтшӧм ӧдйӧ, мый Алёша нинӧм оз удит лыддьыны, оз вежӧрт ни ӧти кыв. А анделыс быттьӧ пӧдругаыс бӧрся мӧд пӧв шуалӧ, надзӧнджык. На дорӧ матыстчӧны нӧшта ныв-зон. Видза олан пӧ, шуӧны падмыштӧм нывлы, и сійӧ нюмсорӧн жӧ чолӧмасьӧ накӧд.

Гашкӧ, мунны да? Алёша кӧ тадз водзӧ мӧдас дзоргыны, казяласны. Но кокыс эз кывзысь, и зон пуксис югыд рӧмӧн мавтӧм лабич вылӧ да кутіс водзӧ синйыны. Том йӧз чеччисны да мӧдӧдчисны Алёшалань. Господи, анделыс чӧвтліс сылань видзӧдлассӧ, ёсьӧс, пытшкӧстӧ чунӧданаӧс, да и нюмдыштіс на. Алёша нымӧн эз дзӧрмы, юрыс кольмыштіс, бан бокыс ыпнитіс. Бур, мый ныв ылыстчис нин и тайӧс ставсӧ эз казяв.

Колис некымын лун. Парксӧ Алёша ылысянь кытшовтіс. Но песысь мӧвпъяссьыд мӧй дзебсян? Зарни арӧн кыӧм рыж прӧшвиыс везйӧдліс нин сибирса тайӧ карсӧ.

Кок улас видзӧдігмоз Алёша эз и казявлы, кыдзи воис изэрдӧдз. Сэні, драма театрлы паныд, веськыда улич вылас, ворсіс неыджыд духӧвӧй оркестр. Матысмис спектакль мыччӧдлан кад, и видзӧдысьяссӧ чуксалісны петкӧдланторъяс вылӧ. Виччысьтӧг Алёша казяліс анделсӧ. «Сійӧс тшӧтш кыскӧ музыка? Гашкӧ, ме моз жӧ радейтӧ театр? Шуӧны тай, омӧля кылысьыд пӧ гӧгӧрвоӧ ритмсӧ, вермӧ тотшйӧдлыны сійӧс. Колӧ ӧні жӧ мунны дінтіыс». Но Алёша эз вермы. Сійӧ нимкодясис нин анделлӧн чужӧм мыгӧрнас, ичӧт гӧгрӧс нырнас, лӧсьыдіник голянас, тӧдса юрси чикыльнас. Мый бара анделыс думайтӧ, мый казьтылӧ? Гашкӧ, лоанасӧ мӧвпалӧ? Чужӧмыс тай сэтшӧм кодь-а.

«Колльӧдны кӧ сійӧс гортӧдзыс? Кыдзи та йылысь шуны-а?» Алёша збоймӧдчис да пуксис ныв сайӧ, лолыс сибдіс. Ӧд найӧ весиг абу тӧдсаӧсь. Кодлы сӧмын нылыд паркын оз нюмъяв да?! Гашкӧ, быдӧнлы? Оз, татшӧмыс оз вермы лоны! Андел быттьӧ кыліс сійӧс да бергӧдчис. Алёша повзис, шай-паймунӧмӧн чолӧмасис чуньяснас. «Видза олан», – сьӧлӧмсяньыс довкнитіс юрнас андел. «Кутшӧм тэ мича! Дзик рочакань!» – думыштіс Алёша, но чуньяснас юаліс мӧдтор: «Кыдзи тэнӧ шуӧны?» Сійӧ велӧдіс став нимсӧ, став шыпассӧ. «Алёна, – вочавидзис ныв. – А тэнӧ?» «Алёша». Орччӧн триньӧбтіс телефон. Друг аслас? Боковӧй шы быттьӧ розьӧдіс сынӧдсӧ. Телефон троньгис дыр, сійӧс некод эз босьт. Видзӧдысьяс пондісны увгыны, бергавны. Кодсюрӧ лукйысис сумкаас.

Алёна да Алёша чеччисны и мунісны театр дорысь. Найӧ дыркодь шӧйтісны ва дор уличӧд. Ставыс вӧлі гӧгӧрвоана, и кыв шутӧг. Киясӧн инмӧдчылӧм, пӧсь лов-

шы, челядьдырся видз выв дзоридзьяслӧн кӧр. Алёшалы чайтсис, Алёна видзӧдӧ сылы веськыда сьӧлӧмас, аддзӧ лолас дзебӧм гусяторъяссӧ. И зон сы выйӧдз шӧйӧвошис, мый эз вермы вочавидзны нывлӧн кутшӧмкӧ юалӧм вылӧ. Сэки Алёна меліа топӧдіс сылысь кисӧ – Алёша кок ув мусӧ весиг воштыліс...

Вӧлӧмкӧ, Алёналӧн керкаыс матын нин. Лэччан кӧ крут кыр горув, а он кытшовт кварталсӧ, вель ӧдйӧ и воан. Кутшӧм окота вӧлі Алёшалы окыштны анделӧс! Со тані, туй дорас, джодждӧра пасьта эрд вылас. Лэччыны кокни, а со кайны! Алёнакӧд, дерт, кайтӧг он ов. Шог абу, гӧлӧссӧ кӧ эз на лэдзлы. Алёша тӧдӧ нин, мый омӧля кылысьыд вермӧ сёрнитны, но гӧлӧсыс чорыд, вывті гора, пельтӧ чунӧдысь. Сійӧ велӧдас Алёнаӧс гӧгӧрвоны йӧзӧс вом сертиныс да шуны сьӧкыд кывъяс воча. И Алёналӧн лоӧ небыд мелі гӧлӧс.

Туйыс помасьлытӧм шор моз чукльӧдліс водзвыланыс. Кутшӧмкӧ бур морт кытӧнсюрӧ койӧма пос тшупӧдъяс вылӧ керамика плитка коляс. Тайӧ колясссӧ дзобӧдӧма муӧ тырыс кок, и мунны сы вывті кокньыд. Алёна велалӧмпырысь чеччаліс гуранъяс вомӧн. Но муköддырйиыс бергӧдчыліс да босьтліс Алёшаӧс киӧдыс, быттьӧ висьталіс, мун пӧ видзчысьӧмӧн. Тайӧ здукъясас Алёналӧн шоныд синмыс вӧлі матын-матын. Ловшыыс дэльӧдчис, но виччысьтӧг бӧр пескыльтчыліс. Выль домӧдӧдз. Алёша видіс асьсӧ родӧмсьыс, мӧмъялӧмсьыс, но нинӧм эз вермы вӧчны. Сьӧлӧмыс тіраліс да гулыда тіпкис. Кутшӧм сьӧкыд медводдзаысь окыштны, збыльысь кӧ радейтан! Но Алёналы тайӧ ворсӧмыс, буракӧ, кажитчис. Кор зон век жӧ смелмӧдчис, найӧ сулалісны кыр горулас нин, и ныв петкӧдліс керкасӧ. Сёр… Вывті сёр.

Сӧвет кадся пу керкаын чусыда ломзис би, кӧть эськӧ вӧлі водз на. Алёша аддзис, кыдзи сылӧн анделыс босьтіс воксӧ киӧдыс да пондіс бергавны сыкӧд ӧти местаын. Лабич вылын пукалысь мамыс скӧракодь юаліс: «Мыйла эн висьтав? Батьыд майшасьӧ». Но лӧня сиптіс дзиръясӧ да мӧдіс челядь бӧрсяыс керкалань. Гортас пыригмозыс Алёна мыйкӧ нимкодьсорӧн петкӧдліс мамыслы, киясыс юсьяс моз лайкыда кыпавлісны, быттьӧ йӧктісны муслун вальсын...

Алёша пукаліс автобусын. Век жӧ сійӧ шуда морт: кылӧ и сёрнитӧ. Вӧлӧмкӧ, гажыс бырӧма нин больгӧмысь, кӧть эськӧ йӧзыс тшӧкыда сӧрӧны да кыкбанасьӧны. Автобусын мунысьыс этша. Но быдӧнлӧн, дерт, эм телефон, кодлӧнкӧ – наушник, микрофон. Кодкӧ олӧ чӧв, кодкӧ кывзӧ пеляс музыка. Кыдзи нӧ бара паныдасьны Алёнакӧд? Он жӧ ӧд гортӧдзыс мун?! Ковмас виччысьны паркын. Кывсӧ бурджыка велӧдны да.

Некымын лун мысти Алёша бара аддзис анделсӧ. Алёна пукаліс паркын шондіӧн рӧммӧдӧм лабич вылын да гижис мыйкӧ телефонас. Ӧтнасӧн. Вӧччан платтьӧа. Тайӧ жӧ лабич вылас коркӧ пукаліс и Алёша, кор анделыс козьналіс сылы мелі нюмсӧ. Но и мӧмӧт! Водзджык эз мӧй гӧгӧрво? Дерт, Алёналӧн эм и вӧлі сотӧвӧй. Алёша уськӧдчис нывлань тӧдмавны номерсӧ, но сійӧс чукӧстіс Славка. «Но-но, со мыйла вӧлӧм параяс бӧрын медся водз пышйӧмыд. Чолӧмала, зонмӧ, син водзын быдман». И пельпомас лапкӧдыштӧм бӧрын Славка тэрыба вешйис – муніс выль кралякӧд дзигӧдчӧмӧн. Сэсся бергӧдчыліс на да содтіс: «А ми Марусякӧд концерт вылӧ мӧдім. Тані паркас. Художественнӧй самодеятель-

носьт сяма пӧ мыйкӧ. Да, нӧшта – тэ тӧдан миянлысь бӧръя выльторъяссӧ?» «Да. Ог. Кутшӧм выльторъяс, мыйла?..»

Алёна некӧн нин эз тыдав. Ставсӧ ӧмӧй аддзыліс? Алёша уськӧдчис паркӧ. Колӧ мунны гортӧдзыс! Висьтасьны! Дерт жӧ, Алёна кывліс тайӧ йӧй сёрнисӧ. И ставсӧ гӧгӧрвоис! Но тайӧ нӧ мый? Сцена вылын сулалӧ Алёна, киас микрофон кутӧ. Паныд, медводдза радас, пукалӧ арся пипу кор моз гӧрдӧдӧм вокыс да радейтӧмпырысь видзӧдӧ чой вылас. Орччӧн дзирнясьӧны училищеысь ёртъясыс. Гӧрд юрсиа нылыс тані жӧ. Найӧ ставныс довкйӧдлӧны юрнаныс да гораа кеӧначасьӧны. Буракӧ, пӧдруганысӧ ышӧдӧны.

Вежавидзӧмӧн шыасис рояль. Ныв бергӧдчыліс ворсысьыс вылӧ да воськовтіс водзлань. Сійӧ падмыштӧмӧн матыстіс вом дорас ичӧт кабырсӧ да мисьтӧма кызӧктіс. Рояль усьліс чӧв да выль пӧв заводитіс ворсны шыладсӧ. И Алёна… нюркнитіс. Гӧлӧсыс кыпаліс вывлань да гылаліс кывзысьяс вылӧ мыла шыясӧн. Весьӧпӧрӧмысла Алёша лайкмуніс да дзебсис матысса пу сайӧ. Кык лун мысти сійӧ корсис вазьӧм син дора анделсӧ да корис сылысь прӧща. Гораа. Тіралан гӧлӧсӧн.

Комиӧдіс Алёна ШОМЫСОВА.
Фото Юрий ЛИСОВСКИЙЛӧН.

«Орӧдӧм сьыланкыв»:
Е. Козловакӧд да Е. Афанасьевакӧд ёрта сёрни

Октябр 2-7 лунъясӧ Томск областьса Итатка сиктӧ, Нёбдінса Витторӧс дзебанінӧ, миян республикаысь ветліс неыджыд котыр. На лыдын вӧліны и коми гижысьяс.

– Виктор Савинӧс гуаланінӧ ветліс нин некымын делегация. Кутшӧм удж найӧ вӧчисны Итаткаын?

Е.К. Дзик медводдзаысь Коми Республикаысь ветлӧмаӧсь Томскӧ Кӧрткерӧсса землячествоӧ пырысь йӧз, дас ӧти во сайын. На лыдын вӧлӧма Надежда Быковская (сэки – «Коми му» газетса шӧр редактор), «Мемориалӧн» веськӧдлысь Михаил Рогачёв, Виктория Пименова да Виктор Савин, В.А.Савинлӧн внукыс. Найӧ шыасьӧмаӧсь сэки НКВД-лӧн мемориальнӧй музейӧн веськӧдлысь Василий Антонович Ханевич дорӧ, и сійӧ нин отсалӧма корсьны Итатка бердсьыс лагернӧй шойнасӧ. А во мысти Павел Симпелев да Виктория Пименова нуӧмаӧсь сэтчӧ Виктор

Итаткаын В.А.Савинлӧн гу дорын.

НКВД-лӧн следственнӧй тюрма мемориальнӧй музейын.

Савинӧс нимӧдысь гӧрд гранитысь памятник.

Сэки, кыдзи и ӧні, Итатка сиктсӧветса юралысьӧн вӧлӧма Василий Юрьевич Бебек, и тайӧ из дорас миянӧс нуӧдіс буретш сійӧ. Ми эг тӧдӧй, тӧждысьӧ-ӧ кодкӧ сэні памятник бӧрсяыс, майшасим, кыдзи миянӧс сэні паныдаласны. Но, вӧлӧм, Итаткаын олысьяс бурмӧдӧмаӧсь шойналань нуӧдысь туйсӧ, пуктӧмаӧсь сэтчӧ цементнӧй блокъяс. А кор локтім памятник дорас, аддзим, мый сійӧ зэв идӧра, гӧгӧрыс быдмӧны дзоридзьяс да зэв уна ичӧтик коз. Памятник гӧгӧрыс вӧчӧма кӧртысь ичӧтик йӧр да сыысь паськыдджыка – пу потшӧс. Ставсӧ краситӧма, ставсӧ лӧсьыда видзӧны, и таысь зэв ыджыд аттьӧ В.Ю.Бебеклы.

– Кыдзи тіянлы медводз петкӧдчис Итатка сикт?

Е.К. Итаткаӧ ми мунім автобусӧн. Микӧд мунісны Томскъсыс кык писательница, НКВД-лӧн следственнӧй тюрма музейсьыс кык сотрудник, на пиысь ӧтиыс том морт, Кирилл Пугачёв, коді ставсӧ снимайтіс камера вылӧ, мед вӧчны бӧрыннас фильм.

Итаткаын миянӧс паныдаліс Василий Юрьевич Бебек – администрацияӧн веськӧдлысь. Сійӧ вӧзйис ичӧтик пуяссӧ пуктыны Виктор Савинлӧн гу ӧграда гӧгӧрыс. Тайӧ уджсӧ итаткаса олысьяс водзвыв думыштӧмаӧсь: вӧлі

нин кодйӧма гуторъяс, медым ми сэтчӧ чӧвтім посни петасъяссӧ.

Ми гӧгӧрвоам, дерт, мый памятниксӧ пуктӧма ылӧсас. Стӧчасӧ некод оз тӧд, кытчӧ Виктор Савинсӧ дзебӧма, некытчӧ тайӧс абу пасйӧма. Мый тайӧ шойна вылас дзебӧма – сійӧ стӧч, сы вӧсна мый комиысь медводдза группа волігас, Н.Н. Быковскаялӧн кывъяс серти, лазаретыс вӧлӧма на, кытӧн куйлӧма висигас Савиныс да кӧні гижлӧма медбӧръя письмӧсӧ. Дзик лазарет бердас и шойнаыс.

Сэсся ми шойна вылас пыдӧджык пырим да аддзим йӧр, а сэні – нӧшта ӧти гу, крестыс краситӧма кельыдлӧз краскаӧн. Крест вылас ӧшалӧ татшӧм гижӧд: «В.А.Савин – коми поэт, драматург». Артмӧ, мый Виктор Савиныслӧн кык памятнӧй пас ӧти шойна вылас. Но сійӧ, гашкӧ, символичнӧ, сы вӧсна мый стӧч гуалан иныс абу тӧдса. А кык йӧр Савиныслӧн артмӧма со кыдзи: кор медводдза делегацияыс татчӧ волӧма, вайӧмаӧсь гижӧдтор да тувъялӧмаӧсь пу бердӧ. Но В.Ю. Бебек шуӧма, мый оз ков пу вылӧ тувъявны, а колӧ крест сувтӧдны. Итаткаса вӧчасны крест и сы вылӧ ӧшӧдасны комиысь вайӧм гижӧдсӧ. Крест гӧгӧрыс бара йӧр вӧчасны. Налы некод оз тшӧкты. Найӧ асьныс. Сьӧлӧмнымӧс вӧрзьӧдіс татшӧмторйыс.

– Мый тіянӧс нӧшта шензьӧдіс Итаткаын?

Е.К. Ми шойнатіыс ветлӧдлім и друг аддзам – зэв ичӧтик сус пуяс быдмӧмаӧсь. И сэтшӧм уна. Видзӧдам – Василий Юрьевичыд чукӧртӧ найӧс да из дорас новлӧ. Сэтчӧ бара гуяс вӧчалӧма. И миянӧс корис сус пуяссӧ пуктыны. Тайӧ символичнӧйтор лоис, ӧд Виктор Савин шуліс: «Сус пу улӧ дзебӧй менӧ».

– Мый ті кылінныд ас пытшканыд Виктор Савинлӧн гу дорас? Кутшӧм мӧвпъяс сэні тіянлы воисны?

Е.А. Мый ме аддзи ас синмӧн, сійӧ, дерт, зэв ёна вӧрзьӧдіс. Ӧтитор – видзӧдны музейын петкӧдлӧм историясӧ, и тэ быттьӧкӧ сьӧлӧм пырыд сійӧс лэдзан. Но кор тэ мунан шойна вылас, аддзан гу вылын гу, и мый некутшӧм пас абу, а сэні ӧд дзебӧма кымынкӧ сюрс мортӧс… Тайӧ нин дзик мӧдтор: тэнсьыд прӧстӧ став ловтӧ путкыльтӧ. И ӧнӧдз на ставыс син водзын, и он гӧгӧрво, мый ради тайӧс вӧчисны, вочакывйыс абу! Челядь колины бать-мамтӧг, вежӧра йӧзӧс лои виӧма, тальӧма мыйта лов! Мыйла тайӧс ставсӧ вӧчӧма? Тайӧ пыді дойнас ме локті татчӧ. Ӧні ме кыла, мый Савин – быттьӧкӧ миян рӧдвуж. И миянлы колӧ ветлывлыны сылӧн гу вылас. Ме локті мӧвпӧн, мый сэтчӧ быть нула том авторъясӧс, коми гижысьясӧс, медым быдӧн аддзыліс тайӧс. Мый ради аддзыліс? Медым найӧ кылісны сійӧ жӧ, мый кылі ме, и медым гӧгӧрвоны бурджыка олӧмсӧ, историясӧ. Та ради, кӧнкӧ, колӧ. Кор книгаысь лыддян, сійӧ ӧти, лоӧмторсӧ кодкӧ нин ас пырыс нуӧдӧма, и вежӧртассӧ кодкӧ сетӧ миянлы ки пыдӧс вылас моз, а тані збыльсӧ аддзан, и сійӧ дзик мӧдтор. Ме кӧсъя, медым найӧ ас синнаныс аддзылісны тайӧс, кылісны уна сюрс мортлысь дойсӧ.

– Ветлінныд-ӧ ті кутшӧмкӧ аддзысьлӧмъяс вылӧ?

Е.К. Миянӧс нуӧдлісны культура керкаӧ, сійӧ Итатка дорсьыс ылынджык, Томское сиктын. Сэні миян вӧлі сэтчӧс йӧзыскӧд аддзысьлӧм, казьтылім Виктор Савинӧс.

Томскын аддзысьлім гижысьяскӧд

Томское сиктса культура керкаын.

искусство керкаын. Сэні эм литературнӧй комната, быдсяма экспонат, книгаяс пукталӧмаӧсь. Гижысьясыс унаӧн чукӧртчӧмаӧсь, весиг чуймим. Ёна юасисны, кыдзи ми, гижысь котыр, олам. Сёрниыс, дерт, медсясӧ муніс Виктор Савин йылысь. Диана Григорьевна Холопова, Иван Куратов литературнӧй музейӧн веськӧдлысь, висьталіс Савиныслӧн медбӧръя письмӧ йылысь, волӧма сійӧ Новосибирскӧй областьтысь. Сы вӧсна, гашкӧ, сэтшӧм дыр эз и аддзыны Савиныслысь дзебанінсӧ. Томскӧй областьтсӧ ӧд бӧрынджык артмӧдісны, кытчӧ пырисны Новосибирскӧй областьтысь ӧткымын район.

– Кыдзи видзӧны Виктор Савинлысь паметьсӧ Томскӧй областьтын? Бура-ӧ поэтӧс сэні тӧдӧны?

Е.К. НКВД-лӧн следственнӧй тюрма музейын вӧчӧма В.А.Савинлы памятнӧй пӧв, сэтӧн сы йылысь гижӧд да фотоясыс. Тайӧ миянлы тшӧтш зэв нимкодь, мый Томскӧй краеведческӧй музейлӧн филиалын видзӧны В.А.Савинлысь паметьсӧ.

Е.А. Кор ми аддзысьлім гижысьяскӧд, налы зэв окота вӧлі тӧдмасьны Виктор Савинлӧн творчествоӧн, кывбуръяссӧ зэв внимательнӧя кывзісны. Геннадий Кузьмич Скарлыгин, Томскса гижысь котырӧн веськӧдлысь, шуис, найӧс пӧ бура вуджӧдӧма, корис гижӧдъяссӧ аслас журналӧ. Ме чайта, йӧзыслы окота лои паськыдджыка тӧдмасьны Виктор Савинлӧн творчествоӧн. Ми налы сетім Нёбдінса Виттор йылысь дискъяс, медым унджык йӧз тӧдісны гижысьӧс. Налы зэв ёна сьӧлӧм выланыс воис миян кывным, вылӧ донъялісны да шуисны: «Мелодичный язык».

– Тіян висьталӧм серти, Итаткаын зэв бура видзӧны Виктор Савинлысь гусӧ. Сэтчӧс войтыркӧд аддзысьлӧм-

НКВД-лӧн следственнӧй тюрма мемориальнӧй музейӧн веськӧдлысь В.А. Ханевичкӧд (шуйгавылас) да Томск областьса гижысь котырӧн веськӧдлысь Г.К.Скарлыгинкӧд (веськыдвылас).

сёрнитӧм бӧрын чужисны-ӧ нӧшта кутшӧмкӧ могъяс?

Е.К. Гижысьяскӧд ми сёрнитім, мый Виктор Савинӧс абу на бура вуджӧдӧма роч кыв вылӧ. Тайӧ водзӧ локтан вит во кежлас удж, медым дасьтыны да лэдзны кык кыв вылын книга (билингва) либӧ рочнас лэдзны, медым роч йӧз тшӧтш вермисны пыдісяньджык тӧдмасьны Виктор Савинлӧн гижӧдъясӧн.

Е.А. Кӧсъям нӧшта шедӧдны Итатка шойналы мемориальнӧй ним. Сэки кӧть кутшӧмкӧ пас лоӧ, мый тані йӧзӧс дзебӧма. Ӧні ӧд нинӧм абу. Сӧмын сулалӧ Савинлӧн крест, Савинлы памятник и нӧшта ӧти мортлысь нимсӧ пасйӧма, рӧдвужыс аддзӧмаӧсь документъяс серти да. Артмӧ, тайӧ шойнаыс быттьӧ вӧр, яг. А сійӧ кӧ лоӧ мемориальнӧйӧн, йӧр вӧчасны и сувтӧдасны пас. Тайӧ колӧ миянлы, ӧнія кадын да водзӧ олысь йӧзлы.

– Кыдз ті чайтанныд: уна во мысти вунӧдасны-ӧ йӧзыс кувсьӧм гижысьясӧс? Мый колӧ вӧчны, медым на йылысь паметьыс эз кус?

Е.К. Менам чайтӧм серти, йӧзыс кӧ вунӧдасны ас чужан кыв – сэки вунӧдасны и гижысьясӧс. Ставыс кывйын: кывйыс кӧ мӧдас овны – мӧдасны лыддьысьны и гижысьяссӧ казьтывлыны. Коми кывсӧ ӧні он вермы торйӧдны сійӧ литературасьыс, мый вӧлі лӧсьӧдӧма. Сытӧг оз нин вермы лоны, медым кывйыс оліс, а вунӧдісны Виктор Савинлысь сьыланкывъяссӧ, Сюзь Матвейсӧ. Кыв кӧ мӧдасны тӧдны,

и Виктор Савинӧс мӧдасны казьтывны.

Е.А. Том йӧз сайын ставыс. Колӧ öні налы лоны активнӧйджыкӧн. Коми кывсӧ öні велӧдӧны этша школаын, часъяс бырӧдісны, нуӧдӧны факультатив, а тайӧ оз сет позянлун велӧдны кывсӧ. Öні тіян, том йӧзлӧн, воис кадыс, кор колӧ водзсасьны, мыйкӧ вӧчны, кутанныд кӧ чӧв овны – коми кывйыслӧн оз ло аскиалуныс.

– Мый медся ёна колис юраныд Томскӧй областьтӧ ветлӧмысь?

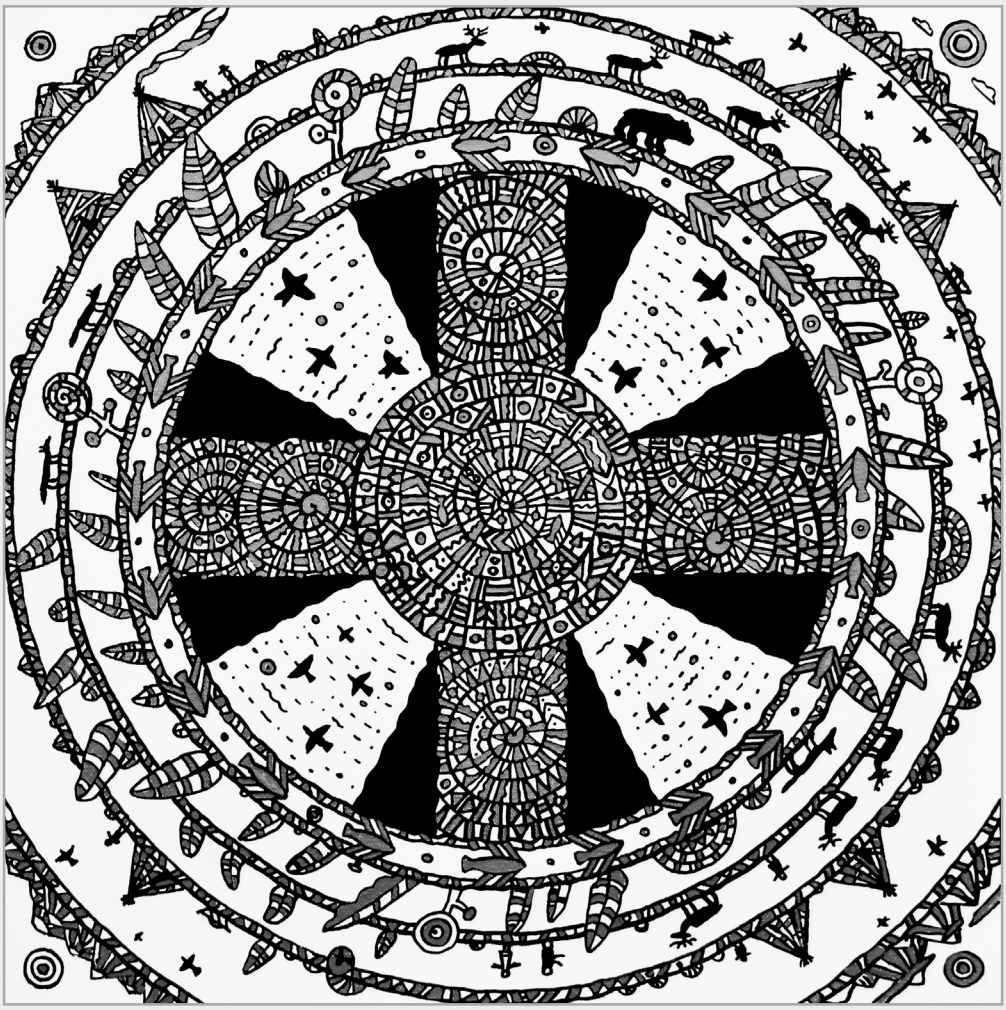
Е.К. Медся ёна сьӧлӧм вылӧ воисны йӧзыс – зэв шаньӧсь. Босьтны кӧть Василий Юрьевич Бебексӧ: сійӧ зэв уна вын пуктӧма, медым Виктор Савинлысь гусӧ идӧра видзны да мичмӧдны.

Е.А. Дерт, йӧзыс меным тшӧтш моздісны. Ми тӧдмасим Ханевич Василий Антоновичкӧд. Мыйта сійӧ вын пуктӧма тайӧ музей лӧсьӧдӧмас, сы мында материал, юӧр чукӧртӧма, сылӧн дзонь сайт! Тайӧ ветлӧмӧдз ме тайӧ тема сертиыс этша лыддьылі, эг сэтшӧма пырӧдчыв, а öні ме кыдзкӧ выль сьӧлӧмӧн, выль синмӧн видзӧдлі и лов пыр нуӧді йӧз шогсӧ. И В.А.Ханевич аслас эмоциональнӧй сёрнинас миянӧс ышӧдіс унджык тӧдмавны та йылысь. Медся ыджыд урокыс, кодӧс босьті сыкӧд аддзысьлӧмсьыс: быд морт – тайӧ личность. Экскурсиясӧ нуӧдігӧн Василий Антонович сёрнитіс сы йылысь, медым ми быд мортлысь кылім дойсӧ, аддзим олан туйсӧ. Кыдзи öні ставсӧ тайӧс нуны водзӧ ас пытшкын? Ме таӧдз олі быттьӧ кокньыдджыка.

Сёрнитіс
Виктория МОРОХИНА.
Фотояс
Кирилл ПУГАЧЁВЛӦН.

Журналлӧн редколлегия:
Елена Афанасьева, Алёна Шомысова,
Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

Жил на Вишере Тюве



Тюве знает всё

(Коми-вишерские предания)

О Тюве

Когда-то очень давно люди охотились семьями. После уборки хлеба промышляли белку на ближних угодьях, а затем уж уходили и дальше. Надолго. Жили в лесных избушках, домой же возвращались спустя один-два месяца. Мужики иногда и жён с собой брали.

Вот у одной такой пары путики были на верховьях реки Пугдым, ещё выше избушки Тюве. Пока река не замёрзла, стали они подниматься на лодках на свои угодья. Взяли с собой соль, сухари. Мол, остальную пищу в лесу найдём. Ружьё с собой, значит, всегда можно что-нибудь на ужин подстрелить. Тогда в лесу дичи ещё много было. Это сейчас, если с собой полный мешок еды не возьмёшь, то с голоду ноги протянешь. Ничего нет. Звери и птицы отошли куда-то. Может, и исчезать совсем стали, оттого что парму испоганили.

Этот день для супругов был несчастливый. Долго ещё надо подниматься по Пугдыму. Но ни птицу, ни зайца не удалось поймать. К вечеру добрались до избушки Тюве. Надеялись, что охотник их накормит. Но в избушке никого не оказалось. Спать на голодный желудок, конечно, тяжело. Зашли в ледник и взяли мяса. Зажгли костёр, котелок повесили, мясо положили вариться. Но час проходит, другой, а мясо не становится мягче. Всё ещё такое, каким в котёл положили. Ближе к темноте уже со своего путика вернулся Тюве. Муж с женой на колени перед ним рухнули. Знают, что тун может за мясо их наказать.

– Тюве, прости нас. Мясо твоё взяли. Вот, целый вечер его варим, а оно никак не сварится.

– Конечно, тяжело голодать, – отвечает охотник. – Но если уж меня дома нет, то прежде чем взять, надо было хотя бы громко спросить: «Можно ли, Тюве, нам твоё мясо взять?»

Только он это сказал, попробовали, а мясо уже сварилось.

Вот такая легенда о том, что у людей нельзя ничего трогать. Наказать могут. Как? Но это уже другая легенда.

Один охотник оказался вороватым (букв. «длинноруким»). Вытащил из силка Тюве птицу и взял себе. Заметил это тун. Встретил в лесу. Не стал он ничего особенного с ним делать. Только выстрелил деревянной пулей из своего ружья: «Будешь за этой пулей гоняться. Она тебе покажет дорогу». А пуля была из осины, которая считается у коми нечистым деревом. Говорят, лешего на ней когда-то вешали. Вот вор и стал за пулей бегать. Бегает, пока пуля снова не приведёт его к Тюве. И так много раз. Хоть сколько он по лесу не ходит, пуля всё равно к колдуну его ведёт. Так и не смог из леса выйти. Воровство это ведь такой грех, что ничем за него невозможно расплатиться.

В старину за кражу сильно наказывали. Это действительно было большим

грехом. Поэтому и не было «длинноруких» в деревне. Поэтому и замков никогда не знали. Если кто-то в лесу сворует из силка или капкана, то ловили такого человека. В рукава рубахи или кафтана со стороны спины просовывали длинную жердь, чтобы из обоих рукавов прилично торчала. И отпускали. Жердь вытащить было невозможно. А из лесу выйти тяжело. Попробуй пройти сквозь густую чащу с длинной жердью. Сильно не походишь. Если всё же удавалось выйти, то чтобы Бога отблагодарить, а нет, то никто и не освобождал. Так в лесу и оставался.

Но вернёмся к Тюве. Кто он и откуда? Местный он или, опять же, откуда-то пришёл? Точно невозможно сказать. Но если на одну легенду опираться, он откуда-то со стороны на Вишеру пришёл. Рассказывают, что, поднимаясь на лодке, Тюве добрался до Гёрд чой, Красной горы. Это между Сторожевском и Большелугом урочище, как раз примерно на полпути. Добрался Тюве и сказал там:

– Всё зло пусть здесь останется!

Связывают эти слова с крысами. На Вишере их нет. Кто знает, что им здесь не по нраву. Те, кто с грузовыми баржами поднимаются вверх, говорят, что как только они приближаются к Красной горе, все крысы прыгают в воду, доплывают до берега и возвращаются в Сторожевск. Дальше почему-то не поднимаются. Это и связывают со словами Тюве.

Многое ещё связывают люди со словами и предсказаниями охотника-колдуна. Можно долго рассказывать о его умной собаке Бадзе. Или о спорах Тюве с колдуном Наста-Мати. Можно верить, можете и не верить. Но вот что удивляет. Есть в Большелуге низина за Тимофеевой пашней (Тима му горув). Это возле Вишеры, на возвышенности широкое поле. В детстве я слышал, что Тюве как-то сказал, будто под Тимофеевой пашней будет стоять небольшой домик. А потом на его месте построят большое здание, которое сгорит. После этого здесь поднимется большой трёхэтажный каменный дом. Маленький домик уже не помню. А в большой деревянной школе сам учился. Только не сгорела она. Разобрали. А рядом подняли трёхэтажное кирпичное новое здание школы. Сбылись слова Тюве. И не только эти. Многое точно предсказал Тюве. И о войнах говорил. О падении с неба железного града и огненного града. Как раз две войны в этом веке было. Одна другой тяжелее и хуже.

Тюве всё знает

В крещенскую ночь у Сюзяибского жителя Вась Опоня Микушева из конюшни конь пропал. Долго искал Вась Опонь. Доходил до Нившеры, поднимался в д. Лымва, Большелуг и Джиян обошёл. По Вычегде до Подъельска поднимался и до Нёбдино спускался. Но коня нигде не нашёл. Горюет Вась Опонь: без коня не вспашешь, не посеешь, лес не заготовишь. Заработков не будет. Горевал, горевал и надумал к Тюве обратиться. Дошёл до Пугдыма. Так, мол, и так, Григорий Петро-

вич, конь пропал и не находится никак. Не поможешь ли? «Помогу, мол». Потом вышел Тюве в конюшню. Причесал, похлопал легонько своего коня. В ухо что-то пошептал. Зашёл и сказал: «Твой конь в Важкуа у сына одноглазого Педёра». Потом Вась Опонь и спустился в Важкуа. Возле печки одноглазый Педёр Гудырев сидит. Вспомнил Вась Опонь сказанное Тюве. Как только сказал, конь в конюшне заржал. В Сюзяиб Вась Опонь на своём коне уже поехал.

Превращение в рыбу

Ведуны были, конечно. Был какой-то Тюве здесь, и он был ведуном. Однажды Тюве в рыбу превратился, а сын спустился рыбу ловить. Но, увидел рыбу сын и ударил острогой, ударил и попал в спину отца. Потом сын приходит домой, а у отца спина ранена. И научил: «Ты рыбу, которая головой по течению, никогда не трогай». Да, мол, никогда рыбу головой по течению не бей. Отец превратился в рыбу и головой по течению, стоит, а сыну-то что, спустился он и рыбу, стоявшую головой по течению и ударил, и отцу попал. Вода ведь течёт вместе с рыбой, у которой голова по течению, у рыбы ведь это и есть работа, вниз плыть. А если стоит, он еретник и есть.

В Нившере нырнёт

В Нившере нырнёт, а под Богородском вынырнет Тювэ. Вот. А когда, мол, паутина протянется, всё, говорит, паутиной будет опутано, тогда жизнь другая будет. Всё это он предсказывал, когда ещё ничего такого не было. А вот паук всюду паутину раскинул, всюду паутина висит. Да, он проволоку паутиной называл. Теперь всё паутиной опутано. Только вот в Лымве нет.

Тюве и крысы

Тюве был некогда за Богородском, от Богородска в нескольких километрах он и жил – в Тюве кӧдж. И этот Тюве всё знал.

Вот, в двухсот двенадцатом году эта жизнь закончится, мол, на этой земле. Закончится водой или огнём. И во всём мире останется, Тюве сказывал, один чело-

век – женщина, семидесяти пяти лет, будет всем руководить, всем миром. В двухсот девятом году, мол, эта жизнь закончится. Это Тюве.

А человека будет убивать, мол, брат будет убивать сестру, сын будет отца убивать. Будет, мол, такая жизнь. Так Тюве предсказывал. Не знаю, это вправду будет или нет.

Как-то Тюве ходил в Сторожевск с котомкой. И остановился отдохнуть в местечке Гёрд чой и уснёт. И крысы у него из котомки съели всю еду. И сказал Тюве: «Вам, мол, дальше этого места в верховья Вишеры дороги не будет!» И здесь ни крыс и никого нет. И даже когда поднимались на пароходах и баржах, как только к Гёрд чой подойдут, все крысы спрыгивают в реку, к берегу добираются вплавь через реку.

Тюве и Ленин

Оказывается, Тюве с Владимиром Лениным встречался. А случилось это в голодные годы. В Богородске тогда больше всего голодали. Люди на муке из коры и с соломой испечённый хлеб и ели. Опухают, болеют и умирают. Тюве тогда отправился в Москву. Хлеб просить у нового князя. В Кремль люди с ружьями сразу и пустили Тюве. Через проволоку, мол, сообщили уже из Богородска о приходе.

– А откуда узнали, что я Тюве? – спросил ведун.

– Глаза стоячие, и по этому. С такими большими и стоячими глазами только богородские, – ответили люди с ружьями. – Ни с кем не спутаешь. Ты обо всех знаешь, и про тебя знают. И потом, ты к Кремлю катишься-идёшь. Не шагаешь, а катишься. Будто летишь (тювгёмён). А Ленин ждёт уже тебя.

И зашёл Тюве. «Здравствуй, новый князь», – сказал.

– Здравствуй, здравствуй, товарищ Тюве. Садись, скажи, что делают в Богородске, на нового князя как смотрят.

– Хлеб с корой едят. Опухают, болеют, помирают. Хоронить не успевают. Хлеб из года в год не родится. На князя-Ленина надеются. Хлеба у тебя просят...

– Радует, что меня уважают. Не у бога, а у меня, нового князя, хлеб просят, – сказал Владимир Ленин и добавил: – Ты, мол, товарищ Тюве, всё знаешь. Знаешь, конечно, где хлеб есть...

– Знаю, знаю, товарищ князь. В Москве есть, но больше всего на широких, бескрайних землях орла...

– Точно, товарищ Тюве, точно. На Орловской, а по-зырянски кырныша земле хлеб есть. Хватит и на зырян.

И дал Ленин хлеб Тюве. И до Богородска довёз.

Тюве и Бог

Раз и другой, много раз богородские церковники у Тюве просили принести печёный хлеб и ржаную муку. А Тюве будто и не слышит про приношение. Потом и стали стыдить на службах. Богу, мол, хлеб принесёшь, не нам. С грешной душой, мол, перед Богом предстанешь. В котле со смолой вариться будешь. Тюве разозлился и сказал: «Сами хлеб едите, а на Бога всё сваливаете. Сами в ад попадёте!» Потом долго спорили церковники с Тюве. Но церковников не переспоришь. И Тюве сказал: «Сам я к Богу поднимусь и расскажу, как вы живёте-поживаете». Сказано, сделано. Сначала святому Петру-Павлу всё рассказал, а он уже Богу. «Пусть, мол, сам зайдёт и расскажет», – приказал Бог. И рассказал Тюве: «Церковники тебя обманывают. Живут – меры не знают: едят, пьют, что душе угодно. Золото, серебро, деньги и другое богатство копят-собирают. Милостины не дают. Амбары хлебом переполнены, а ещё просят. Богу, мол, тебе всё. Оборванного, в рваной одежде человека не оденут. Сами на одежду ткани, на шубы овец просят. За отпевание покойного корову берут». Потом Бог и ответил: «Сейчас, Тюве, спустись на землю и скажи церковникам, что их в рай не пущу. Петру-Павлу сейчас же прикажу все двери запереть-закрыть. Если так дальше будут жить, люди от меня – Бога отдалятся. А потом и Антихрист придёт и церкви закроет». Точно так и передал Тюве богородским церковникам. И люди действительно отвернулись от Бога и от церкви. Закрыли церкви в Богородске, Нившере, Большелуге. Везде. Рассказанное Тюве сбылось.

Всё предсказал

Тюве жил от Богродска в километрах тридцати. Семьи у него не было. Он знал и предсказывал: Лымва дважды опустошится, потом и не будет жителей. Он знал про всё: железные кони появятся, железные птицы будут летать, паутина будет висеть – всё предсказал: о тракторах, самолётах, радиотелефонных проводах. Река пророет излучину, и Богородск после этого разбогатеет. Теперь богато живут.

Один поселился. Когда умирать стал, жене сказал: «Я умру, ты не оставайся, уходи в Богородск». Тюве умер и жена говорит: «Пятьдесят лет прожил, да не оставлю же его здесь, переночую». Тюве умер, и жена положила его тело на лавку, сама полезла на печь. Вдруг, в двенадцать ночи, одна нога Тюве упала на пол. «Что это? – думает жена. – Видно, плохо положила». Подняла ногу. И снова нога упала. Потом сам поднялся и пошёл прямо на жену. А в старину в домах были кругом лавки, вот по лавкам и начал он гоняться за женой. А потом петух пропел, и Тюве упал навзничь, где его и застал петушиный крик. Похоронили его вниз лицом, чтобы под землю пошёл, а не наверх.

АЛЕКСЕЙ ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося июль 25 лунö Кöрткерöс районса Ыджыдвидз сиктын. Гижö висьтъяс, повесьтъяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олöм войтъяс» да мукöд небöг. Уджалö «Би кинь» журналын шöр редакторöн.

Туналöм ордым

(Пьеса)

ВОРСЫСЬЯС:
Тима – шурыд тун.
Наде-Мати – чорыд тун.
Пиля – том мужичöй.
Парась – сылöн гöтыр.
Клегон – том зон.
Кионь – том ныв.
Ныв.
Зон.

Петкöдчöмыс вöчсьö, кор Коми муö паськыдакодь нин вöлі пырöма Кристос вера. Но йöзыслöн эскöмыс пыр на юксьöма кык пельö. Найö пöчитайтісны и Енмöс, и важ нога эсканаторъяссö – ошкöс, вöр-ва, полісны омöльясысь, вöрсаясысь. Сценасö юкöма кык вылö жö. Воддза юкöнас Тималöн керкаыс. Сцена бергöдчöм бöрын мыччысьö Наде-Матилöн оланіныс. Бергалан сценаыс быттьö миян муным, кöні ставыс юксьöма кык пельö. Олöмын век ыджыдалöны сьöд да еджыд вынъяс, кыдзи Тима да Наде-Мати. Енэжыс дзик öти и сцена бергöдчигас оз вежсьыв. Пуяс сідзжö быдмöны öткодьöсь. Шурыд да чорыд тунъясöс, кыдзи и олöмас сьöда-еджыда вынъясöс, кытшалö öткодь вöр-ва. Мыччысьöма Тималöн (шурыд тунлöн) оланіныс. Вöр керка. Сэні жö пывсян. Пывсянсö бытьöн колö петкöдлыны восьсöн, сы вöсна мый унатор кутас вöчсьыны сы пытшкын. Веськыдвылын ю, код вомöн пуктöма кык потш. Сы дорö и петöны Пиля да Парась, кодъяс важ нога паськöмаöсь. Матыстчöны векньыдик ю дорö. Сэні сувтöдöма чибльöг (сюмöдысь вöчöм юан дозмук). Гумовтöны ва, юöны.

Парась. Регыд рömдас. Арся луныд тай дженьыд.

Пиля. Войвывса гожöм кодьыс жö. Гожöмыс тай катшалöн майöг йылö пуксьылöм кодь жö. Муртса инмöдчылас и водзö нин лэбö.

Парась *(видзöдö пуяс сайын тыдалысь вöр керка вылö)***.** Тані кодкö олысь эм. Со керка тыдалö.

Пиля *(видзöдö жö)***.** Тималöн кö-а. Сыысь öприч тайö вöрас некодлöн абу.

Парась. Коді нö сійö, Тимаыс?

Пиля. Тöдысьöн, тунöн тай шуöны-а. Кольöм ар

ме сы дорын öти вой весиг узи. Зэв бур да мелі мортöн кажитчис.

Парась. Сідзкö и тавой узям. Лэдзас кö?

Пиля. Лэдзас, дерт, туй выв йöзтö. Ветлам, вöзйысям.

Парась *(неуна полыштöкодь)***.** А оз тшыкöд сійö? Ме талун, гортысь петан войö, мыйкö эг торъя бур вöт вöтав.

Пиля *(водзö мунö)***.** Шурыд тунöн Тиматö лыддьöны. Бур тöдысьöн. А мый нö вöталін?

Парась. Быттьö пукала ме мам-бать керкаын на да дöра кыа.

Пиля *(серöктö)***.** Тайö кузь туй водзын, миян вöрасьны мунöм водзын, сідзкö, вöталін. А дöраыс эз гартчы?

Парась. Эз.

Пиля. Сідзкö, бур. Кыöм дöра кö гаровтчас, то кулöм водзын, шулöны.

Парась. Сэсся öд со локтігчöж менам шуйга юр небыдінын сьöлöм тіпкömöй пыр кыліс. Тайö пö овлö, кор лёкöн кодкö казьтылö.

Пиля. Код нö вермас тэнö лёкöн казьтывны?

Матыстчöны Тима керка öдзöс дінö.

Парась. Немкö кыдзкö. Сьöлömöй кутшömкö лёктор кылö.

Пиля. Да эн, мися, пов. Мед гортö кольччин дай. Оз эськö ков вöлі тэнö босьтнысö да. Со и ёртъяс лöгасисны. Оз вöлі тшöктыны да.

Парась *(топöдчö сылöн ки бердö)***.** Сömын на гöтрасим да, öтнадтö öд ог жö лэдз. Меным висьтавлісны, мый öти том гöтыр пö лэдзöма кöлысь бöрас вероссö да мöдыд...

Пиля. Кывзан быд нинöм абусö. *(Восьтö öдзöссö)*. Чолöм! *(Кывзысьö)*. Некод оз шыась. Абу, тыдалö.

Парась. Гашкö, ог пырöй да.

Пиля. Тані Тимасö виччысьлам. *(Пöрччö волысалöм пищальсö)*. Нинöм тай локтігöн эз шед, да сійö-а. Ужнайтны нинömöн лоö.

Парась. Öнтай эськö вель ыджыд чукчилы пезьдін, да эн тай веськав.

Пиля. Ачым мыжа. Некор оз ков асьтö быдтор сяммысьöн лыддьыны. Аддзи ме сэк чукчитö, да зэв матын кажитчис. Думайті, мый яндзим весиг татшöм матысянь лыйнысö. Бöрыньтчи весиг воськов кызь. Лыйи и эг со веськав. Некор оз ков пöткатö ассьыд йöйджыкöн лыддьыны. Колöкö, веськалі, да эз усь. Татшömыс водзті некор на эз вöвлы. Тэ кö мыжаыс-а?

Парась. Пищальыд аслад крукыля, колöкö, а менö мыждан. Аслад кö сямыд абу, то менö эн вид.

Пиля. Ланьт. Эн тшетшкы! Туйыс водзын кузь на. Удитан на вензьынытö. Тадзи кö венöн мунömнымöс панам.

Парась. Аски öд воам жö тэнад вöр керкаöдзыд?

Пиля. Воам. Нинöм кö оз ло. *(Чöв олыштöны)*. Парась, öнтай тэ мыйкö висьтавны босьтчылін? Мыйла нö мекöд вöрасьнысö мöдöдчин?

Парась. Пола тэнö воштыны, да сійöн. Сömын на öд гöтрасим. Верман ылавны.

Пиля. Ог жö öд ылав. Вöрсö öд ассьым тöда жö.

Парась. Мöдторйöн ылавны верман.

Пиля. Мыйöн нö? Висьталан кö, висьтав.

Парась. Вӧрса нылыд вермас ылӧдны.

Пиля. Сійӧс ӧд аддзыны на колӧ.

Парась. Ачыс ӧд локтас. Со тай висьтавлӧны, мый ӧтилы локтӧма вӧр керкаӧдзыс-а. Тэ моз жӧ сӧмын на гӧтрасьӧм мужиклы. Ӧтнас кайӧма вӧрад да. Кузь рытывбыд и войяснас на вӧлӧм том гӧтырсӧ казьтывлӧ.

Пиля. Казьтывлан, дерт. Тэ кодь мича да авъя, колӧкӧ, вӧлі да.

Парась. Со и локтас войнас гӧтыр кодьыс жӧ вӧрса нылыд. Нимнас и быдсӧн шыяяс. Мужикыд гӧтырнас и чайтас. Тӧлӧдзыс оласны. Прӧмыснас ӧтлаын и сиктлань мӧдӧдчасны. Вӧрсьыс петтӧдз на нылыд друг вошӧ. Гортас локтас да, том гӧтырыс сэні вӧлӧма, некытчӧ абу ветлӧма. Вӧлӧм, вӧрса нылыдкӧд и олӧма мортыд. Мӧд арнас каяс, а сы дорӧ кагаа нин нывбаба пырӧма...

Пиля. Сё дивӧ тай висьталан. Ме ӧд ог ылав. Тэнӧ мӧдысь верман на торйӧдны.

Парась. Он. Он бара вермы.

Пиля. Верма. *(Матыстчӧ да босьтчӧ кутлыны Параськӧс).* Со тэ кутшӧм да. Весиг син куньӧмӧн, лов шы сертиыд казяла. Он кӧ быттьӧ тэ ло.

Парась. Йӧюк тэ менам.

Пиля. Мый нӧ эськӧ йӧй саяс петін?

Мыччысьӧ Наде-Мати. Гозъя сійӧс оз казявны. Мӧдыс кывзӧ сёрнисӧ.

Парась. Энлы, кодкӧ, тыдалӧ, локтӧ. Тимаыд, гашкӧ.

На водзӧ петӧ Наде-Мати.

Пиля. Тайӧ тэ?

Наде-Мати. Ме. Тӧдін на тай.

Парась. Чолӧм, тьӧтӧ. Кыдз нӧ татчӧ веськалін?

Наде-Мати *(индӧ сцена сайӧ)***.** Сэні ме ола. Тасянь матынмоз.

Пиля. Вӧрас? Ӧтнад?

Парась. Абу мӧй шуштӧм?

Наде-Мати. Абу. Кӧнкӧ ӧд ов мортыдлы. Вӧрын кӧть сиктын – дзик ӧткодь.

Парась. А миян кӧлысь вылас нӧ кыдз веськавлін? Ме думайті, мый Пилялӧн рӧдвуж кутшӧмкӧ.

Пиля. А ме тэнсьыд чайті дай. Мися, ылӧсса рӧдвуж кодкӧ.

Наде-Мати. Волі сиктас сэки. Колӧ вӧлі. *(Видзӧдлӧ гӧгӧрбок).* Тимаыс нӧ абу?

Пиля. Абу. Ми сійӧс жӧ виччысям.

Парась. Ті нӧ волысянныд сыкӧд? Матын кӧ олан?

Наде-Мати. Волысям, дерт. Кыкӧнӧсь и олам тайӧ вӧрас да. Тимаыд талун, гашкӧ, оз и лок да. Ылысса лэч туйяссӧ, кӧнкӧ, кытшовтӧ.

Парась. Оз кӧ ӧд лок, то миянлы тшыгйӧн узьны ковмас.

Пиля. Ковмас, тыдалӧ. *(Наде-Матилы).* Думайті, мый кайигӧн лыя пӧткаӧс, но эг со сяммы. Сукар кӧтӧдыштам со, да сійӧс гажгыны-сёйны ковмас.

Наде-Мати. Куш сукарыд ӧд джагыд. Пӧтка шыдӧн кылӧдтӧгыд.

Парась. Сідз эськӧ да. Но со эз шед да. Зэв эськӧ бур кыйсьысь сійӧ менам да.

Наде-Мати. Тимаыслӧн ӧд эм. Татчӧ локтігӧн сылӧн лэчьясысь кык кымын сьӧла весиг аддзылі. Перйӧй да пуӧй.

Пиля *(скӧрмӧкодь)***.** Йӧз лэчкысь ӧд ог жӧ босьтӧй. Эн велӧд нинӧм абу вылас.

Парась. Тшыг кынӧмнад ӧд сьӧкыд жӧ. Босьтам да бӧрсӧ лэччигӧн кыям да сы пыдди кӧть нёльӧс бӧр сетам.

Наде-Мати. Дерт жӧ. Босьтӧй лэчсьыс. Кык сьӧлаыд зэв нуръя шыд вӧчас.

Пиля. Йӧз лэчкысь ог босьтӧй.

Парась. Сідзкӧ, тшыгйӧн и водам. Тимаыс со оз пӧ лок весигтӧ узьнысӧ.

Наде-Мати. Оз, оз лок. Ылӧ муніс.

Пиля. Тшыгйӧн и водам. Но йӧзыслысь ог босьтӧй.

Наде-Мати. Зэв тай полысь. Оз ӧд нинӧм ло. *(Парасьлы).* Босьт. Ме петкӧдла.

Парась *(верӧсыслы)*. Пиля, збыльысь ӧд тшыгъялі. Колӧкӧ, ветла. Ачыд со весиг чукчиыдлы эн веськав. Нӧшта вӧралысьӧн шусян.

Наде-Мати. Тадзи кӧ кутан гӧтыртӧ видзны, то кок йывсьыс усьӧ. Босьтін кӧ верӧс сайӧ, то верд да юктав морт ногӧн.

Пиля *(сетчыштӧкодь нин)*. Дзикӧдз тай топӧдінныд. Но инӧ босьтам. Сӧмын ӧтиӧс перйӧй.

Наде-Мати *(Парасьлы)*. Лок, нылук, ветлам. *(Пилялы).* А тэ би лӧсьӧд, пуыштӧй. *(Параськӧд мунӧны).*

Пиля *(лӧсьӧдӧ бипур)*. Оз эськӧ ков вӧлі кывзысьны да. Грекӧ вӧян. Но ӧд и тшыг кынӧмӧн овны сьӧкыд. Парась со жаль и. Ме вӧсна тшыгъявны ковмас коньӧрлы.

Мыччысьӧ Парась. Киас кык сьӧла.

Парась *(мыжа моз)***.** Со вайи.

Пиля. А тьӧтыс нӧ кӧн?!

Парась. Гортас тай тэрмасьны кутіс. Индіс лэчьяссӧ, кытчӧ шедӧма, и муніс.

Пиля. Мыйкӧ сьӧлӧмӧй ёкмунліс. Эз кажитчы тайӧ тьӧтыс.

Парась. Зэв шань да. Со кутшӧм небыдик сёрниа. *(Лӧсьӧдӧ пуигкежлӧ пӧткаяссӧ).* Пыр мыйкӧ тэныд не сідзи. Со кутшӧм сьӧлаяс босьтны индіс да.

Пиля *(ырсмунӧ)***.** Син аканьясыс сылӧн лёкӧсь. Менам вуджӧрӧй сэні увлань юрӧн кажитчисны. Тшыкӧдчысьяслӧн син аканьясын татшӧмыс тыдавлӧ.

Парась. Кажитчис, колӧкӧ, да. *(Повзьыштӧ жӧ).* Пиля, а збыль кӧ тшыкӧдчысь? *(Мӧвпыштӧ).* Мыйла нӧ эськӧ сійӧ дзик тӧдтӧм йӧзыслӧн кӧлысь вылас воліс?

Пиля. Сійӧ и выйим. Зэв эз кажитчы тьӧтыс.

Тайӧ каднас пусьӧ нин шыд. Пиля видлӧ пуртнас пӧртйысь.

Парась. Ог тӧд, ог тӧд. Менам со сы дор жӧ ӧні сувтӧма лои и. Йӧйыдлӧн. Мый нӧ водзджык эн висьтав. Син акань йывсьыс.

Пиля. Ас дырйиыс ӧд ог висьтав. Гашкӧ, кажитчис да. *(Бара видлӧ пуртӧн пӧртсьыс пӧткасӧ)*. Мыйкӧ век на чорыд яйыс. Некыдзи оз пусьы.

Парась. Адӧй-адӧй жӧ эськӧ да. Абу жӧ колӧма эськӧ босьтны да. Грекӧ ӧд вӧям.

Кылö понлöн увтчöм шы.

Пиля. Со, кылö, локтö кодкö. Бара мöй сійö нывбабаыс?

Мыччысьö Тима. Сійö пуктö юбокса мыр вылö некымын вотöс тусь да тшак. Копыртчылö вöрыслы. Пернапасасьö.

Тима. Аттьö парма-матушкалы. Бара на вотöсöн чöсмöдлін, пöткатö вичмöдін. Вöрсаысь видзин. Кöзяин-ошкöс тшöтш аттьöала и. Эз мешайт вöравнысö да. *(Бара пернапасасьö).* Босьт менсьым козинтор, вöр-матушкаöй. *(Индö мыр вылö пуктöмтор вылö. Копыртчылö вöрлы да матыстчö).*

Пиля *(ускöдчö пидзöсчань вылас)***.** Тима, верман кö, прöстит.

Тима сюся видзöдлö гозъя вылö.

Парась *(тшöтш ускöдчö пидзöс вылас)***.** Прöстит миянöс, Тима. Ыджыд лёктор вöчим.

Тима *(лабутнöя меститалö вайöм кыйдöсъяссö, тэрмасьтöг вöчö ставсö. Гозъя пидзöсчань вылынöсь зэв дыр)***.** Мыйла нö тадзисö вöчинныд?

Пиля *(сувтö)***.** Вöчим тай. Босьтім лэчсьыд сьöлаястö. Кынöм сюмаліс зэв ёна да.

Парась *(тшöтш сувтö)***.** Ме, йöйыд, босьті.

Тима *(пуксьö, лабутнöя)***.** Тшыг кынömыд, тöдömысь, абу любö.

Пиля *(индö пöрт вылö)***.** Пуам нин со вель дыр, а яйыс век на кын.

Тима. Öні видлы.

Пиля *(видлö)***.** Öні со небзьöма другöн.

Парась. Прöстит миянöс, бур мортöй.

Тима. Тшыг кынömыд, дерт, сьöкыд. Но öд юавны коліс.

Парась. Тэ абу да.

Тима. Мый кöть и абу. Ті мед гораа юалінныд? «Тима, позьö тэнсьыд сьöлатö босьтны?»

Пиля. Эг тай со юалöй. Коліс эськö да.

Парась. Эсійö тай нöшта ыззьöдіс. Локтіс да.

Тима. Коді? Кодкö воліс мöй?

Парась. Воліс. Нывбаба кутшömкö.

Тима. Сійö метöг овны бара оз вермы. Век öд пакöститчыны видзöдчö.

Пиля. Коді нö сійö?

Тима. Эн мöй кывлöй? Наде-Мати йывсьыс.

Пиля. Сійö мöй?

Парась *(пернапасасьö)***.** Загреки тай. И миян кölысь вылын вölі.

Тима *(сюся видзöдö Пиля, а сэсся Парась вылö)***.** Мися, кодкö тшыкöдöма, нылöй, тэнö да.

Парась *(повзьö)***.** Збыль мöй тшыкöдны воліс?

Тима. Сійö бара локтас. Кölысьяс дырйиыд и вöля сылы. Кор мортыд шудысла слабмыштö. Сэки тшыкöднысö кокньыдджык. Кага вайöм бöрын кодь жö.

Пиля. Ме эськö аслым пыстöм ем дöрömö сюйлі да.

Сцена из спектакля «Идущие к свету» по пьесе А. Попова «Туналӧм ордым». Самарский драматический театр.

Парась. Ме тшӧтш и.

Тима. Абу на сідзкӧ тырмымӧн лоӧма. Кӧлысь видзысьӧс мед корлінныд.

Пиля. Вӧлі жӧ сэтшӧмыс.

Парась *(друг уськӧдӧ тӧд вылас)***.** Пиля, менам гортын бӧрдігӧн на Наде-Матиыд пыраліс.

Пиля. Тіянӧ? Мыйла?

Парась. Милӧстыня корысь туйӧ лэччыліс. Со и сеті няньтор.

Тима. Оз ков вӧлі. Сійӧн и тшыкӧдӧма тэнӧ.

Пиля. Со ӧд олӧмыс. Нӧшта ӧд радлім, кор свадьба луннас зэрис. Шуд водзын пӧ – шулӧны.

Парась. Кыдз нӧ тшыкӧдӧма?

Тима. Бурдӧдчыны ковмас. Сытӧг некыдз. Тіян водзын кузь туй на.

Пиля. Кузь, дерт. Вӧр керкаӧдз лун на колӧ мунны.

Тима *(видзӧдлӧ гозъя вылӧ)***.** Ме мӧд кузь туй йылысь сёрнита.

Парась. Кутшӧм мӧд?

Пиля. Мыжаӧсь ӧд ми.

Тима. Но бурдӧдтӧг ог лэдз. Пывсянӧ ковмас пыравны.

Пиля. Кыкнаннымлы?

Тима. Да. Сӧмын тэныд кӧджас овны ковмас, мед некод оз пыр.

Тима пырӧ керкаӧ.

Парась. Кутшӧм кузь туй йылысь нӧ Тимаыс висьтавліс?
Пиля *(ышловзьӧ)***.** Ог тӧд.

Петӧ Тима. Киас кӧш ва, киняулас ӧбраз.

Тима *(пырӧ пывсянӧ, гозъя сы бӧрся. Пилялы)***.** Тэ пурттӧ перйы.
Пиля *(кыскӧ пуртӧссьыс)***.** На. *(Чургӧдӧ тунлы).*
Тима *(сатшкӧ пуртсӧ кӧдж ӧдзӧслӧн вылысса куричас)***.** Мед Наде-Мати пырны эз вермы.
Парась *(повзьӧ)***.** Сійӧ кӧ татчӧ пырас?
Тима. Öні оз. *(Пилялы).* Пукав кӧджас. *(Параськӧд пыröны водзӧ. Тима ӧшӧдӧ пельӧсӧ ӧбраз. Кӧшсьыс васӧ неуна койыштӧ пывсян пельӧсӧ. Сэсся кольӧм ваас пуктыштӧ чепӧль са. Кисьтӧ васӧ чашкаӧ да пуктӧ ӧбразводзса джаджйӧ. Босьтӧ ассьыс пуртсӧ, сувтӧ ӧбразыслы воча. Парась шемӧса сулалӧ. Тима куимысь сьӧлыштӧ да сы мындаысь жӧ пӧлыштӧ веськыд да шуйгавыв. Быд пӧрйӧ сьӧласьны да пӧлясьны босьтчӧ веськыдвывсянь. Сэсся кыскӧ зепсьыс сунис, кодӧс гӧрддзавлӧ унаысь)*. Кымын зэлыдджык лоӧ тайӧ гӧрӧдыс, сымын матӧджык ва дінас тэ матыстчан, тшыкӧдчысь.
Пиля *(Тималӧн ноксигӧн)***.** Со ӧд олӧмыд. Он куж видзчысьны.
Тима *(кыскӧ ассьыс пурт да куимысь нуӧдӧ чашка ортсыладортіыс. Та бӧрын сюйӧ пуртсӧ ва чашкаӧ да куимысь жӧ крестӧн нуӧдӧ. Мыйкӧ та дырйи лыддьӧ вомгорулас. Пуртсӧ кутӧ шуйга киас. Сэсся саткшкӧ пуртсӧ лабичӧ)***.** Верман кӧ прӧйдитны тайӧ пурт пырыс, босьт тайӧ мортсӧ.

Та дырйи пывсян дорӧ матыстчӧ Наде-Мати. Ветлӧдлӧ, пон моз увтӧ, лёкысь тракйӧ ӧдзӧссӧ, но пырны оз вермы. Пиля пукалӧ кӧджын да чӧвталӧ пернапасъяс.

Тима *(сетӧ Парасьлы чашкаысь причта васӧ)***.** На юышт.
Парась *(юыштӧ)***.** Кодкӧ зӧркӧдчӧ.
Тима. Кыла ӧд. Мед лёксӧ песӧ.
Парась. Коді нӧ?
Тима. Наде-Мати. Коді сэсся.
Парась *(полӧ)***.** Пырас кӧ?
Тима. Оз вермы.

Наде-Мати недыр зӧркӧдчӧм бӧрын лёкысь мунӧ.

Парась. Лӧнис, кылӧ.
Тима *(петӧ кӧджас. Пилялы)***.** Видз гӧтыртӧ водзӧ вылӧ.
Пиля. Кыдз нӧ ставсьыс видзны верман? Ачым и со эг вермы да. Тэ водзын мыжа.
Тима *(бергӧдчылӧ да Парасьлы)***.** Öні сӧмын Наде-Матиыслы нинӧм эн сетӧй.
Парась. Ме сійӧс öні ылісянь кытшовтны кута.

Тима. Ӧдвакӧ. Сійӧс он кытшовт.

Пиля. Эштіс тіян?

Тима. Эштіс.

Петӧны. Ывлаын югдыштӧкодь нин.

Пиля. Эг и шойччыштӧй. Туйӧ нин петны колӧ.

Тима. Сёйыштанныд да сэк.

Парась. Пырас öні сёйны. *(Сійӧ слабитӧма, ӧдва восьлалӧ).*

Тима. Пырас. Кузь туй ӧд виччысьӧ тіянӧс.

Пиля. Эн нин сэсся сювйӧс гарт, висьтав нин, кутшӧм туй.

Тима. Сёям да. *(Сюся видзӧдӧ гӧгӧрбок, аддзӧ гӧлик).* Со сійӧ кытчӧ дзебсьӧма.

Парась. Коді?

Пиля. Коді нӧ дзебсясьӧ? *(Видзӧдӧ гӧгӧр).* Некодӧс ог аддзы да.

Тима *(матыстчӧ гӧлик дінӧ)***.** Со сійӧ. *(Босьтӧ бедь да босьтчӧ кучкавны гӧликсӧ).* На тэныд! На!

Пиля. Дурмис али мый мортыс?

Парась. Гӧликсӧ тай нӧйтӧ-а.

Тима *(дугдӧ кучкавны)***.** Час черла пырала. *(Вошлӧ керкаас, петӧ, а гӧликыс абу нин).* Со ӧд кутшӧм сійӧ тэрыб. Удитӧма нин пышйыны.

Парась *(шензьӧ жӧ гӧлик вошӧм вылас)***.** Збыль мӧй сійӧ пӧртсьыліс гӧликас?

Пиля. Коді?

Парась. Наде-Матиыд. Коді сэсся. *(Тималы).* Збыль мӧй сійӧ?

Тима. Сійӧ, дерт. *(Лӧсьӧдӧ сёйны).* Пуксьӧй, нуръясьӧй.

Гозъя пуксьӧны, сьӧкыдпырысь панясьӧны.

Пиля *(сёйигмоз)***.** Сідзкӧ, эн прӧстит тэ миянӧс, Тима?

Тима. Тэ ӧд ачыд вӧралысь. Бура тӧдан, мый овлӧ йӧзлысь юасьтӧг-висьтасьтӧг босьтӧмсьыд.

Парась. Но ӧд ме босьті. Эг ӧд тӧд. Наде-Матиыд на сэні пель водзын дзизгис и. Босьтӧй пӧ, он жӧ тшыгъявны кутӧй.

Тима. Оз ков кывзысьны вӧлі. Асланыд юрныд абу али мый?

Пиля. Эм эськӧ да.

Тима. Наде-Матиыд кӧ ваӧ тшӧктіс пырны, пыринныд эн?

Парась. Эг, дерт.

Тима. Мый нӧ эськӧ сэсся сы вылӧ ыстысян? *(Идралӧ сёянсӧ).* Аскӧдныд нинӧм ог сет. *(Парасьлы).* Тэ ради.

Парась. Мыйла ме ради?

Тима. Тшыкӧдӧм мортлы нинӧм жӧ оз позь сетны. Сэки бурдӧдӧмсьыс бурыс оз ло. *(Пырӧ керкаас).*

Пиля. Мый бара вӧчас-а?

Парась. Колӧкӧ, пышъям?

Пиля. Эн сӧр. Сыысь он пышйы.

Петӧ Тима, киас пищаль.

Пиля *(сы дорö матыстчö)***.** Мый нö вöчны көсъян?

Тима *(лэптö пищальсö)***.** Лыйны.

Парась *(повзьö)***.** Миянöс?

Тима. Ог. *(Веськöдö пищальсö вöрлань, грымöбтiс лыйöм шы).* Со тайö пуля бöрсяыс и мунöй.

Налöн син водзын мыччысьö пуля, коді тэрмасьтöг быттьö кывтö енэжödыс.

Пиля. И кытчö сійö лэбас?

Тима. Мунанныд да аддзанныд. Пыр сы бöрся и вöтлысьны кутанныд, кытчöдз вöрсьыс оз петкöд.

Парась. Колöкö, оз и пет сійö вöрсьыс да.

Тима. Мöдöдчöй. *(Бöр пырö).*

Пиля *(волысалö пищальсö, нопъясьö)***.** Но мöдöдчам. Мый сэсся вöчан? Асьным мыжаöсь.

Парась *(лöсьöдчö жö мунны)***.** Мыйысь нö пуляыс?

Пиля *(босьтлö киас)***.** Пипуысь.

Парась. Пипуысь? Мыйла сыысь?

Пиля. Мыйысь сэсся? Пипуыс öд миян, комияслöн, пеж пу. Висьтавлöны, мый пипу вылö коркö важön Вöрсасö öшödлывлömаöсь.

Парась. Загреки тай.

Пуля вöрзьö да кывтö сынödті. Гозъя жугыля мöдöдчöны да саялöны. Петö Тима. Жугыля видзödлö гögörбок, пуксьö.

Тима. Мый сэсся вöчан? Бурыд тшötш жö пиня да гыжъя. *(Пукалö, недыр мысти босьтчö сьывны ассьыс сьыланкывсö).*

Сьылігас матыстчö Наде-Мати. Сійö кутö доймöм кисö, скöралö.

Наде-Мати. Коді бара сьылöмсö думыштöма?! Мыйла сьыланкывсö лöсьöдömаöсь?! Вирöй сыысь пузьö. Верми кö эськö...

Сцена бергödчö. Мыччысьö Наде-Матилön керкаыс. Тыдалö пытшкöсыс. Керка дорас тшötш жö вöр. Недыр мысти сэтчö локтö Наде-Мати. Пырö керкаас. Ывла вылас лымъялöма нин. Омлялö вой тöв.

Наде-Мати. Талун бара некодöс эг вермы тшыкödны. Тадзи кö дыр лоас, то көзяинöй лöгасяс. Ковмас ассьым мöскöс сэк тшыкödны, мед чесьтö уськödчыны. *(Лэдзö ассьыс көсаяссö, юр вылас пуктö дозмук вевт, киас босьтö ножич, кок вож костас сюйö гölик да заводитö чеччавны керка пытшкас. Вель дыр тадзи. Сэсся друг джömдö. Кывзысьö, видзöдö öшиньö).* Бара найö мунöны и бара оз пыравны. Ок эськö пырисны кö! Век нин мыйкö вöчи. Көть аслам мöскöй сэк тшыкödтöм кольö. Ассьыд öд ок жö жаль тшыкöднытö. *(Сюся водзö видзöдö).*

Петӧны Пиля да Парась. Первой, дерт, мыччысьӧ пипу пуля, коді сэсся сувтыштлӧ сынӧдас.

Парась. Кор нин бара тайӧ пуляыс миянӧс вӧрсьыс петкӧдас. Оз со весиг бокӧ кежышт да. Пыр ӧти кытшӧд ветлӧдлӧ и ветлӧдлӧ. Кык тӧлысь нин со кытшлалам.

Пиля. Петкӧдас коркӧ. Грекным сьӧлаяс босьтӧмсьыс мынас да.

Парась. Шоныд керкаын кӧ ӧти вой узьны сюрас, то сё пасибӧ эськӧ шуи.

Пиля *(индӧ Наде-Мати керка вылӧ)***.** Кежам, кӧсъян кӧ.

Парась. Сы дорӧ бара ог лысьт. Тшыкӧдас дай.

Пиля. Но ӧд ог жӧ кутӧй нэм чӧж лёксьыс повны. Тадзтӧ ӧд лёкыд дурмас. Водзсасьтӧгыд.

Парась. Зэв тай збой лоны кутін.

Пиля. Лоан ӧд. А мый? Вай пыралам. Ме ӧд ӧні тӧда, кыдзи лёкыслы паныд водзсасьны.

Парась. Пыр, колӧкӧ, ачыд. Ме бурджык ноддя бокын войсӧ колляла.

Пиля. Вай пырам. Мый нӧ повны али мый помтӧг кутам?

Парась *(бӧрыньтӧ)***.** Ме ас пайысь ог пыр-а.

Пиля. А ме пырала. *(Корсьӧ пуяс пӧвстысь).* Со пелысь сюри. Сылысь увсӧ и чега. Тайӧ пӧ нечисьт пу. Сійӧн пӧ тшыкӧдчысьтӧ колӧ кучкавны.

Парась. Эн дур. Вай тані, ывла вылас узям. Аски, колӧкӧ, пуляыс петкӧдас нин вӧрсьыс да. Гортӧ воам.

Пиля. А оз кӧ? Ме пыра да. *(Кӧсйӧ мунны. Парась кутӧ).* Лэдз. Мися. Он кӧ кӧсйы пырнысӧ, тані олышт.

Парась *(век на кутӧ)***.** Дзикӧдз ӧд вермас тэнӧ керны. Мый ме сэки ӧтнам вӧчны кута?

Пиля *(мездысьӧ)***.** Оз, мися. Видзӧдлам, колӧкӧ. Ловйӧн бӧр пета.

Парась. Он тай вермы тэнӧ бурногӧн венны. Вӧч, мый кӧсъян. Ме ас пайысь ог пыр-а.

Пиля. Эн майшась, Парась, нинӧм мекӧд оз ло. Лёктӧ колӧ сӧмын ӧтчыд венлыны, а сэсся сійӧ ачыс повны кутас. Он кӧ видлы венны, то аслыд нэмтӧ дзӧрны ковмас.

Парась *(ышловзьӧ)***.** Пилюк, эн сет асьтӧ ёна дойдавны. Видзчысь Наде-Матисьыд. Висьталӧны, зэв пӧ ӧд сійӧ вына. Весиг со Тималы паныд мунны лысьтӧ.

Пиля. Пырала. А тэ тані олышт. *(Мӧдӧдчӧ керкалань).*

Наде-Мати *(аддзӧ кежӧмсӧ)***.** Лок, лок. Дыр нин виччыся. *(Видзӧдӧ ӧшиньӧд).* Кутшӧмкӧ бедь киас. Абу-ӧ пелысьысь?

Пиля *(воськовтӧ ӧдзӧсӧд. Наде-Мати уськӧдчӧ сылань. Пиля ӧдйӧ дуллялӧ нимтӧм чуньсӧ, босьтӧ бедьсӧ шуйга киас да кимльӧскивыв босьтчӧ кучкавны. Наде-Мати пышъялӧ)***.** Ӧти, ӧти, ӧти...

Наде-Мати *(зільӧ торкны)***.** Кык, кык, кык...

Пиля. Ӧти, ӧти... Он йӧйтӧдлы. Ог шу тэ ног. Шуа кӧ, то мӧд тшыкӧдчысь мыччысяс. Сэки меным пом. Ӧти, ӧти, ӧти...

Наде-Мати. Кык, кык... Ой, доймӧ! Ой, доймӧ. Пиньӧ веськаліс. Ой. Доймӧ. Ӧти пинь чеги и.

Пиля. Ӧти, ӧти. Бур, веськалі кӧ пиняд да чеги. Выныд сідзкӧ вошыштіс.

Наде-Мати. Ой, дугды. Ог кут сэсся тэныд лёксӧ нинӧм вӧчны. Дугды, мися...

Пиля. Öти, öти... *(Кучкалö, сэсся дугдö).* Он кут, шуан?

Наде-Мати. Ог, мися. *(Пуксьö).*

Пиля *(аддзö корöсь да зэв öдйö чышкалö порог дорöдз ассьыс кок туйсö, стенсьыс лыддьö увъяс)***.** Öти, кык, куим, нёль, вит, квайт, сизим, кökъямыс, öкмыс. *(Тадзи öкмысöдз лыддьö куимысь да öкмысöд увъяс сатшкö ассьыс пуртсö).* Öні сэсся он пет татысь.

Наде-Мати *(шога пукалö, видлалö пиньсö, коді эськö абу и чегöма)***.** Мый нö ме вылö лёктö песан? Тимасö и кучкав. Сійö öд тіянöс пуля бöрсяыс кытшлöдлö.

Пиля. А коді гусявнысö велöдіс? Эн тэ?!

Наде-Мати. Гötырыд öд босьтіс. Ме сöмын инді.

Пиля *(лэптылö пелысь бедьсö)***.** Дугды, колöкö.

Наде-Мати. Дугда, дугда. Ме мыжа.

Керка дорö матыстчö Парась. Köсйö восьтыны öдзöссö, но полö. Бöр köсйö косны, но бара матыстчö. Сэсся восьтö öдзöссö да пырö.

Парась. Пилюк!

Наде-Мати *(öдйö чеччö да котöрöн петö ывлаö)***.** Бур, вот и бур.

Пиля *(Парасьлы)***.** Мыйла нö пырин? Ме сійöс татчö йöртлі да. Оз ков вöлі öдзöссö восьтны.

Парась. Тэ вöсна жö öд. Пыри видзöдлыны. Гашкö, мися, абу нин ловъя да.

Пиля. Велöді и ме сійöс дорын узьлыны. Пиньсö чеги и.

Наде-Мати *(восьтö öдзöссö да бöр пырö)***.** Менам öд пиньыд эз и чег. Ылöдлі. *(Петкöдлö пиньяссö).* Со. Дзик ставыс вомын.

Пиля *(köсйö бара кимльöскивыв кучкыны бедьнас)***.** Эз кö чег, то чегас дай.

Наде-Мати. Эн, эн. Ог кут сэсся тіянöс вöрöдны. Ме öд абу Тима кодь кын сьöлöма.

Парась. Узьны, сідзкö, лэдзан и.

Наде-Мати. Лэдза. Мыйла нö он лэдзыс? Узьöй.

Пиля. Менам унмовсьöм вылö лача эн кут. Ог öд вугравны весиг кут. Лысьтлы сöмын пакöститчыны.

Наде-Мати. Ог, мися. Ог.

Парась. Дзикöдз мудзи. Кок йылысь регыд уся. *(Корсьö водан места. Пöрччö вылыс паськöмсö, вольсалö джоджас да водö).* Пиля, ме вай узьышта. Збыльысь сэсся кутчысьны ог вермы.

Пиля. Узь, узь. *(Наде-Матилы).* А тэ мый он вод?

Наде-Мати. Вода, вода. *(Пöрччö сапöгсö, водö жö).*

Пиля *(матыстчö сылань, кватитö сапöг пöвсö, кыскö пурт да зэв öдйö гудйыштö йывнас пöддöшвасö).* Öні сэсся он кут дурны.

Наде-Мати. Зэв тай тэ сюсь лоöмыд. Ставсö тöдан.

Пиля *(бöр локтö гötыр дорас, пуксьö орччöн джоджас, стен бердö жмитчömöн)***.** Кутшöм эм.

Наде-Мати. Мекöд, дерт, кокни. А тэ Тимаköд венласьны видлы.

Пиля. Эн йöй туйö менö кут. Ыззьöдан быд лёкторас. Ме Тимаыдköд некор ог

кут венласьны.

Наде-Мати. Полан öд-а. *(Сералӧ).*

Пиля. Эн тшетшкы сэні! Ог пов, но ог кут некор.

Недыр кежлӧ лӧньлӧны. Пиля вугыртӧ. Наде-Мати шытӧг чеччӧ, босьтӧ ассьыс сапӧгсӧ, кодӧс гудйыштіс Пиля, кыскӧ мӧд пӧдӧшва да öдйӧ вежӧ выльӧн.

Наде-Мати. Аддзӧма мыйӧн венны. Дас кык час матыстчӧ. Ог со эшты наköд ноксьыны. *(Ветлӧдлӧ, весиг матыстчылӧ гозъя дорӧ, но нинӧм оз вӧч. Петавлӧ ывлаӧ, öдзӧс шыысь синсӧ восьтӧ Пиля. Кӧсйӧ нин чеччыны, но Наде-Мати бӧр пырӧ. Пиля зэв öдйӧ куньӧ синъяссӧ. Лэдзчысьӧ узьӧм улӧ. Наде-Матилӧн киас идзас кольта. Пуктӧ сійӧс джодж шӧрӧ да личкӧ пурт лэчтан брусӧн. Сэсся куимысь кытшовтӧ кольтасӧ да петӧ ывла вылӧ, лэбӧ кытчӧкӧ).*

Пиля *(сувтӧ).* Кытчӧ нин Наде-Матиыс муніс? *(Сы моз жӧ куимысь кытшовтӧ кольтасӧ да сідзи жӧ ывла вывсяньыс кытчӧкӧ лэбзьӧ).*

Недыр кежлӧ ставыс лӧньлӧ, пемдӧ. Сэсся грими-йирки локтӧны йӧз, кодъяслӧн чужӧмъяс пемыдсьыс оз тыдавны, вайӧны Пиляӧс.

Наде-Матилӧн гӧлӧс. Кутчысь, колӧкӧ, нёрӧм козйӧ, а то пыр водзӧ нуам.

Недыр мысти жырйыс югдӧ. Пиля куйлӧ киас лэчтысян бруссӧ кутӧмӧн. Наде-Мати пукалӧ жӧ да шытӧг сералӧ. Садьмӧ Парась.

Парась *(видзӧдӧ Пиля вылӧ).* Мый нӧ кельыд пукалан? Мыйкӧ лоис али мый?

Пиля. Со *(индӧ Наде-Мати вылӧ)* сы бӧрся лэбзьылі. Веськалі кутшӧмкӧ керкаӧ. Та кодь сьӧд вира йӧзыс вель уна чукӧрмӧма. Воис сэтчӧ ачыс Омӧльыс. Ставӧн сійӧс окавны уськӧдчисны. Ме ас тӧдлытӧг тшӧтш жӧ. Но шусис «Бласлӧ Христос!», да пернапас на чӧвті. Омӧльыд скӧрмис да тшӧктіс нуны менӧ сэтчӧ, кытысь локті. Йӧзыс босьтісны менӧ кияс вылас да кыдз тай кутісны котӧртӧдны. Кодкӧ и горӧдіс, мед нёрӧм козйӧ кутчыся. А то пӧ пыр водзӧ нуам. Ме и кутчыси козъяд. Ас садьӧ со вои, а вӧлӧм бруссӧ киын кута.

Наде-Мати. Аддзылін миянлысь вынсӧ! Нӧшта öд паныд сувтны кӧсйӧ. Сювйыд орас.

Парась *(пернапасасьӧ).* Збыльысь мӧй найӧ сэтшӧм унаӧнӧсь?

Пиля. Унаӧнӧсь.

Наде-Мати. Унаӧнӧсь, дерт. Нӧшта öд венласьны миянкӧд Тима кӧсйӧ.

Парась. Мый нӧ сійӧ тэныд лёксӧ, Тимаыс, вӧчис?

Наде-Мати. Эз тай вӧч! Бурдӧдчӧ сэні. Немас удж миянӧс вӧчӧдӧ. Со и тіянӧс ветлӧдлыны тшӧктӧ и. Нӧшта öд доръянныд.

Пиля. Ланьт. *(Бара кутчысьӧ пелысь беддьӧ).*

Парась. Пилюк, эн йӧйтав. Збыль кӧ унаӧнӧсь найӧ. Драгйӧлӧн вӧчасны.

Наде-Мати. Кывзысь гӧтырыдлысь. *(Видзӧдлӧ öшиньӧ).* Бурджык мунны водзӧ лӧсьӧдчӧй. Со пипу пуляыд öшинь увті нин шлывгӧ.

Пиля. Збыльысь? *(Видзӧдлӧ жӧ öшиньӧ).* Лэбӧ и эм. Парась, пасьтась. Мунам. А то син водзысь пуляыс вошӧ, да сэсся некор вӧрсьыс ог петӧй.

Наде-Мати *(лёкысь сералӧ)***.** И сідз он петӧй.

Пиля. Ланьт. А то пиньтӧ кисьта.

Парась. Збыль кӧ, Пиля, ог петӧй?

Пиля. Петам. *(Воськовтӧ порог вомӧн, Парась сы бӧрся)*.

Наде-Мати *(лёкысь сералӧ)***.** Мунӧй, мунӧй. Вештӧй абутӧм гректӧ. Зэв кӧ окота. *(Горзӧмӧн)*. Тимаыслы плешкас пищальсьыд дзенӧбтӧй, и ставыс! Вӧтлысянныд сэні пуля бӧрся! Йӧйяс! Дзенӧбтӧй пищальсьыд, дзенӧбтӧй!

Вочасӧн сцена бергӧдчӧ. Мыччысьӧ Тималӧн оланіныс.
Тшӧтш жӧ лымъя. Кылӧ сьыланкыв. Петӧны Клегон да Кионь.
Сьылӧны ассьыныс ӧтувъя сьыланкывсӧ.

Клегон. Со тані олӧ сійӧ, Тимаыс.

Кионь. Вайӧдін жӧ кытчӧкӧ. Мусюр йылас.

Клегон. Бурдӧдны тэнӧ колӧ.

Кионь. Мыйысь бурдӧдны? Ог вись да.

Клегон. Висьтӧг он ов.

Кионь. Шуа тай, мися, ог вись.

Клегон. Тшыкӧдӧмаӧсь тэнӧ. Ёна тшыкӧдӧмаӧсь.

Кионь. Сӧран жӧ эськӧ да. Эг кӧ эськӧ тэнӧ радейт, то гортысь воськов эг вӧч. *(Уськӧдчӧ Зонлань. Топыда кутлӧ, зільӧ окыштны, дурӧны)*.

Клегон. Дугдыв кӧть тані.

Кионь. Ог. Ме тэнӧ быдлаын кута радейтны нэм чӧж. И сьӧд вӧр шӧрын, и паськыд ота видз вылын. И югыд ваа ю дорын, и... *(Бара сывъялӧ)*.

Клегон. Энлы, мися. Тима дорас пыралам. Бурдӧдас, да сэк и вичкоӧ ветлам. Ӧтлаасям.

Кионь. Самасьӧма жӧ юрад нинӧм абуыс. Быттьӧкӧ менӧ тшыкӧдӧмаӧсь. Коді нӧ тшыкӧдас?

Клегон. Эмӧсь тай сэтшӧм йӧзыс. Сьӧд вираясыс.

Кионь. Эг кӧ эськӧ тэнӧ татшӧма радейт, то збыльысь эг лок. А тэ со он эскы, мый ме тэнӧ пӧсясьыс-пӧся радейта.

Клегон. Эска, мыйла ог эскы. *(Матыстчӧны Тима керка дорӧ. Клегон восьтӧ ӧдзӧссӧ да гораа шуӧ)*. Видз менӧ быд лёкысь и притчаысь, лёк войтырысь, тӧлысь патераысь! *(Юрсӧ сюйлӧ)*. Некод, тыдалӧ, абу.

Кионь. Мый кӧть и абу. Пырам.

Клегон. Час, виччысьлам да. Тӧвнад сійӧ дыр кежлӧ некытчӧ эз мун.

Кионь. Кытысь сійӧс тэ, Клегон, тӧдан? Тимасӧ?

Клегон. Вӧралігӧн ме век сы дорӧ кежавла. Зэв шань морт. Некодӧс оз бара дзерӧд.

Кионь. А сійӧ збыльысь тун?

Клегон. Да. Тун. Бур, шурыд тун сійӧ, Кионь.

Кионь. А кытысь выныс сылӧн?

Клегон. Ог тӧд.

Кионь. Ок эськӧ, тӧдны кӧ, кытысь найӧ, тунъясыс, вынсӧ босьтӧны?

Клегон. Мыйла тэныд тӧднысӧ?

Кионь. Кыдзи мыйла? Ме эськӧ на кодь жӧ вына лои.

Клегон. Сэсся мый?

Кионь. Тэнӧ эськӧ век ас дорын куті. *(Сералӧ).* Йӧзыс мед меысь полісны. И тэ тшӧтш.

Клегон. Сӧмын та могысь и колӧ выныс?

Кионь. Мый могысь нӧ? Со тай тэ татчӧдз менӧ вайӧдін. Сідзи жӧ и ме дорӧ эськӧ локны кутісны. Полісны меысь и. Мед эг тшыкӧд.

Клегон. Кионьӧй тэ менам, збыль мӧй тадзи мӧвпалан? Йӧзсӧ повзьӧдлӧм йылысь?

Кионь *(эскӧдтӧма)***.** Ог, сӧра. Збыль сӧра. *(Ачыс мый йылысь кӧ думыштчӧ. Сэсся бара уськӧдчӧ Клегонлань да топыда кутлӧ).*

Мыччысьӧ Тима. Пуктӧ мыр вылӧ кык пелысь. Сійӧ недыр видзӧдӧ кутчысьлысь ныла-Зонма вылӧ. Мыйкӧ чӧла мӧвпалӧ. Но увтыштӧ тыдавтӧм понйыс.

Кионь *(повзьыштӧ)***.** Ой! Кодкӧ, Клегон, локтӧ. *(Аддзӧ Тимаӧс).* Чолӧм, бур мортӧй!

Тима. Чолӧм, мича Ныв. *(Матыстчӧ да сюся видзӧдӧ сы вылӧ, быттьӧ кӧсйӧ тӧдмавны сылысь пытшкӧсса дойсӧ. Шыӧн ышловзьӧ).*

Кионь. Мый нӧ ышлолалан? Мудзин?

Тима. Мудзи. *(Чолӧмасьӧ Клегонкӧд).* Видза олан. Думайті, мый арӧдзыс он нин ме дорӧ волы.

Клегон. Мойвиис тай локны. Тайӧ и эм, Кионьӧй менам.

Кионь. Меным Клегон тэ йылысь быд лун казьтылӧ. Ошкӧ быд ногыс. Но сӧмын ог гӧгӧрво. Мыйла тэ ӧтнад сьӧд вӧр шӧрас олан? Он-ӧ пышъяв кодыськӧ?

Клегон. Кионь, эн сӧр нинӧм абусӧ.

Тима. Ог эськӧ пышъяв да.

Кионь. Гажтӧм ӧд ӧтнадлы?

Тима. Абу. Менам пон эм. Вӧрас ловъя лолыс на мыйта эм и. *(Клегонлы).* Кутшӧм мог нӧ суис?

Клегон *(топӧдлӧ Кионьӧс)***.** Кионьӧс со тэ дорӧ вайӧді. Тӧдчӧ, мый тшыкӧдӧма кодкӧ.

Кионь *(серӧктӧ)***.** Сідз тай шуан-а. Тшыкӧдас менӧ кодкӧ!

Тима *(бара сюся видзӧдлӧ нывлы синмас)***.** Тшыкӧдны эськӧ, тыдалӧ, тшыкӧдӧмаӧсь.

Клегон. Ёна? Коді?

Кионь *(Тималы)***.** Збыльысь мӧй?

Тима *(Клегонлы)***.** Видзӧдлам, коді. Ме тай сӧмын ӧти морт вылӧ думайта-а.

Кионь. Коді нӧ сэтшӧмыс?

Клегон. Орччӧн олысьыд али мый?

Тима. Ме тай сы вылӧ думайта-а.

Кионь. Коді, мися, сэтшӧмыс?

Клегон. Аддзан кӧ, тӧдан эськӧ да. Оз миян сиктын ов. Вӧрын жӧ. Неважӧн ме

сиктысь збыльысь сійӧс аддзылі.

Кионь *(лӧгасьыштӧкодь)***.** Та ылнаӧдз локті, да нинӧм оз висьтавны. Бӧр гортӧ, сідзкӧ, муна. *(Кӧсйӧ мунны).*

Тима. Энлы, нылук. Бурдӧда да, сэк. *(Думыштчӧ).* Верма кӧ быттьӧ.

Клегон *(эскытӧма)***.** Он мӧй вермы?

Тима. Тшыкӧдӧмсьыс эськӧ верма да. Мӧдторйысь шуа.

Кионь. Мый нӧ ме, аслыспӧлӧс морт али мый? Ӧшйӧмаӧсь тшыкӧдӧмъясыс.

Тима. Аслыспӧлӧс.

Клегон. Збыльысь?

Кионь *(нимкодя)***.** Ме тай тэныд шулі, мый ме кодьыс сэсся абу. А тэ... *(кутлӧ Клегонӧс)* нимкодясь. Тэнад гӧтырпуыд абу мукӧд нывъяс кодь. Везитіс тэныд.

Тима. Сёйыштанныд, али бурдӧдчам да, сэк?

Клегон. Ог тӧд. Кионь, сёйыштны кӧсъян?

Кионь. Ог на. Вай ӧдйӧджык бурдӧдӧй. Зэв окота видзӧдлыны, кыдзи тайӧ вӧчсьӧ.

Тима. Ме буретш талун пывсян ломті. Тӧдсьӧма локтӧмсӧ. Буретш куим ӧкмыс пес ломті. Кызь сизим ичӧтик пес плака. А притча ваыд менам век дась.

Кионь. Пывсянӧ али мый лэччам? Ме, ме ог лысьт йӧз дырйиыс пӧрччысьнысӧ.

Тима. Оз и ков пӧрччысьны. Дӧрӧм мыгнад сӧмын ковмас-а.

Кионь. Абу эськӧ окота да.

Клегон. Ме ӧд ог ло пывсян пытшкас. Кӧджас кута пукавны.

Кионь. Тэ кӧ он ло, то дӧрӧм мыг кежсьыд позьӧ.

Тима. Пырам, сідзкӧ, пывсянас.

Пыröны. Клегон кыскӧ пуртӧссьыс пуртсӧ да саткӧ ӧдзӧс вылыс куричас. Тима да Кионь пыröны водзӧ. Кионь пӧрччысьӧ дӧрӧм мыгйӧдз.

Кионь. Водзӧсӧ сэсся мый?

Тима *(быттьӧ оз кыв сійӧс)*. Вайлы пернатӧ.

Кионь *(босьтӧ аслас сьыліысь пернасӧ да сетӧ тунлы)***.** Мыйкӧ немкӧ меным.

Тима *(бара оз кыв. Пуктӧ пызан вылӧ нянь крӧшкияс. Нёльӧс. Пуктӧ крест модаӧн. Ӧшӧдӧ на весьтӧ пернасӧ)***.** Кодсянь лои висьӧмыс? Енсянь? Абу. Батьмамсянь? Абу. Йӧзсянь? *(Перна катовтчӧ).* Да. Сідзи и тӧді. Тшыкӧдчысь мыжа. Коді тшыкӧдчысьыс? Мужик? Абу. Нывбаба? *(Перна катовтчӧ).* Да. Певрунь? Абу. Наде-Мати? *(Перна катовтчӧ).* Сійӧ.

Та дырйи ывла вывті локтӧ Наде-Мати. Сійӧ кытшлалӧ пывсян гӧгӧр, босьтчӧ лёкысь нетшкыны ӧдзӧссӧ. Клегон вынӧн кутӧ.

Кионь. Кодкӧ мырдӧн пыр ӧ.

Тима. Кыла. *(Сетӧ кружкаысь притча ва).* На, нылук, юышт. *(Кионь юӧ. Тима вомтыр босьтӧ васӧ да пызйӧ. Сэсся босьтӧ куим корӧсь. Лэптылӧ корӧсьяссӧ коръяснас вывлань).* Косьмис йылыс. Сідзкӧ, вомидз. *(Сэсся кисьтӧ горйӧ ва. Из трачкӧдчӧ).* Вомидз. *(Котӧртлӧ кӧджӧ, ӧдйӧ восьтлӧ ӧдзӧссӧ да сьӧлыштӧ ывла-*

ас. Локтӧ, босьтӧ быд корӧсьысь куим ньӧр да чукӧрнас, ӧкмыс ньӧрнас, заводитӧ корӧсявны нылӧс).

Клегон *(кор кылӧ первой кучкӧм шысӧ)***.** Мый пывсьӧдан?

Тима. Вомидз пывсьӧда.

Клегон. Мый пывсьӧдан?

Тима. Лёк йӧзысь лёк мӧвпъяссӧ пывсьӧда, вӧтла.

Клегон. Мый пывсьӧдан?

Тима. Тшыкӧдӧм да висьӧмсӧ пывсьӧда. *(Сійӧ кучкалӧ, ки чуньяс помсяньыс заводитӧмӧн быдлаӧ да помалӧ кок чуньяснас. Та дырйи лыддьӧ нимкыв).* Пет тэ, висьӧм, быд ловгӧн костӧд, быд лы костӧд, быд вечик костӧд, быд вем костӧд. Пет тэ, вомидз да висьӧм, паськыд местаӧ, паськыд эрдӧ, кӧні и мортлӧн кокыс эз тувччывлы, кодӧс и мортлӧн синъясыс эз аддзывны, код йылысь и мортлӧн пельясыс эз кывлыны. Мун тэ, вомидз да висьӧм, сэтчӧ, кытчӧ рака да катша, кытчӧ кырныш некор эз волыв. Коді лёксӧ думыштіс, сылы сир пинь горшас да ёкыш сітанас. Мун, мун, мун... *(Та бӧрын кокнас быттьӧ талялӧ вомидзсӧ, сьӧлалӧ. Сэсся восьтлӧ пывсян ӧдзӧссӧ да быттьӧ чужъялӧмӧн вӧтлӧ висьӧмъяссӧ. Та дырйи Наде-Мати тэрыба пышйӧ пывсян дорысь).*

Клегон *(Тималы)***.** Кодкӧ тай вель ёна зӧркӧдчис-а.

Тима. Ассьыс вӧчӧмторсӧ дорйыны, тыдалӧ, вывті кӧсйис.

Кионь *(пасьтасьӧ)***.** Коді нӧ воліс?

Тима. Тэнӧ тшыкӧдысьыд.

Кионь *(петӧ кӧджӧ)***.** Менӧ ӧні бурдӧдінныд? Дзикӧдз?

Тима *(Клегонлы)***.** Видз ассьыд гӧтырпутӧ. Ёна видз. Ставторсьыс.

Клегон. Видза.

Кионь *(Тималы)***.** А тэ менӧ он велӧд? Аслад туналӧмӧ.

Тима. Тэнӧ ог вермы.

Кионь. Мыйла?

Тима. Тайӧторъяс велӧдны он вермы. Сэтчӧ мӧдтор колӧ.

Кионь. Мый?

Тима. Мӧдтор.

Кионь. А ме кӧсъя тэ кодьӧн жӧ лоны.

Тима. И кӧсйӧмыд этша на. *(Петӧ, мунӧ керкаас).*

Кионь. Со ӧд кутшӧм. Оз и велӧд. Клегон, ме збыльысь кӧсъя вына тунӧн лоны.

Клегон. Он пӧ со вермы да. Мыйкӧ пӧ мӧдтор колӧ.

Кионь. А тэ тӧдан, мый сійӧ мӧдторйыс?

Клегон *(недыр чӧв олӧ)***.** Тӧда.

Кионь. Мый?

Клегон. Аслыспӧлӧс сьӧлӧм.

Кионь *(чушсӧ нюжӧдӧ)***.** Сідзкӧ, менам абу аслыспӧлӧс?

Клегон. Тима тай шуӧ, мый абу пӧ.

Кионь. Но ме кӧсъя вынаӧн лоны. Тӧдысьӧн, тунӧн. Мед ставсӧ верми вӧчны.

Клегон. Кӧсйӧмыд пӧ со этша.

Кионь *(дӧзмӧмпырысь)***.** Кыкнанныд ӧткодьӧсь.

Клегон. Кионь, тэ эн майшась тадзисӧ. Вай бурджык ассьыным сьыланкывйӧс сьылам.

Кионь. Ог кӧсйы.

Клегон. Ӧд ставыс бур лои. Тэнӧ вомидзсьыс бурдӧдісны. Сьӧлӧм сьылӧ со весиг. Вай сьылам.

Кионь. Ог, мися, кӧсйы.

Чӧв олӧны.

Клегон. Мый нӧ дузгӧдчин?

Кионь. Коді нӧ пывсян дорас воліс?

Клегон. Наде-Мати.

Кионь. Ме кӧсъя сыкӧд паныдасьны.

Клегон. Ен мед видзас.

Кионь. Ме кӧсъя сійӧс аддзывны. Меным колӧ! Ме мӧда! Ме кӧсъя!..

Первой юкӧнлӧн пом.

МӦД ЮКӦН

Наде-Матилӧн юкӧныс. Воӧма нин гожӧм. Наде-Мати куйлӧ. Лёкысь пессьӧмӧн веглясьӧ.

Наде-Мати. Кулан кад, тыдалӧ, воис. Гӧгӧр ставыс сотчӧ. Гырк пытшкын быттьӧ дон из быглясьӧ. Ой! Ой! Ой! Сьӧкыд да. Эг чайтлы, мый тадзи кувны ковмас! *(Сьӧкыдпырысь сувтӧ пидзӧсчань вылас, видзӧдлӧ ӧшиньӧ).* Оз некоді лок ни. Сетны эськӧ кодлыкӧ ассьым тшыкӧдчан вынӧс, сэки и кулі кокниа. Кытчӧдз вынсӧ некод оз босьт, сэтчӧдз и ковмас быглясьны-пессьыны. Гашкӧ, ошкӧ пӧртчыны да. Вӧрӧ мунны. *(Бара видзӧдӧ ӧшиньӧ).* Шондіыс со кутшӧм. Сылы паныд, шонділӧн вурун паныд кӧ куимысь юр вомӧн патурликся, то ошкӧ пӧра. Муна сэки вӧрӧ да ошкӧн и кула кӧть. Ой! Ой! Ой! *(Пӧрччӧ вылыс паськӧмсӧ, куимысь патурликсьӧ юр вомӧныс шонді паныд, сувтӧ пидзӧсчань вылас. Кольӧма мортӧн).* Ог, ог нин со вермы. Оз нин некод отсав. *(Кыссьӧ узьланінас, водӧ).* Пет нин, лолӧй менам, пет! Мезды менӧ став дойсьыс. *(Водзӧ босьтчӧ веглясьны, пессьыны быд ногыс).*

Сынӧдын мыччысьӧ пипу пуля. Недыр мысти петӧны Пиля да Парась, киссьыштӧм паськӧмаӧсь. Мудзӧмаӧсь кузь да помасьлытӧм туйсьыс.

Парась. Бара татчӧ петім. Ӧнтай думайті нин. Мый кежис бокӧджык пуляыс, тӧдтӧмджык вӧрӧ веськавлім да.

Пиля. Бара тай татчӧ веськалім.

Парась. Ён жӧ кыв Тималӧн.

Пиля. Да. Сылӧн кывйыд ньӧвйысь на вына. Шуис кӧ, то и пу косьмас. Ог нин

йӧз йылысь кут гаравны.

Парась. Ковмас мӧй миянлы тадзи бара тӧлӧдз кытшлавны?

Пиля. Ковмас. Оз кӧ Тима кывсӧ веж.

Парась. Ӧнтай панидасигӧн пидзӧсчанясьлім бара, но нинӧм эз шу. Чӧв оліс.

Пиля. Асьным мыжаӧсь. Гусясим. Ыджыд грек вӧчим.

Парась. Но ӧд быд грек позьӧ вештыны. Ми мӧй та мында кытшовнас эгӧ нин вештӧй?

Пиля. Эг на, буракӧ. Пыралам Наде-Мати дорас.

Парась. Ог кӧ-а. Сэтчӧ пыралігӧн век ковмас ас бӧрся быд усьӧм юрси чукӧртны, мед сы ордӧ эз коль. Вермас тшыкӧдны. Сынася да быд сіӧдз чукӧрта, мед сэсся йӧзӧн волытӧм местаӧ гуавны.

Пиля. Бӧръя кежалігас Наде-Матиыд омӧль нин вӧлі. Кулан кад воӧм со кайтіс.

Парась. Видлам, сідзкӧ, омӧль кӧ. Гашкӧ, отсыштны мортыслы мыйӧнкӧ вермам. Зэв ӧд висигад сьӧкыд ӧтнадлы.

Веськӧдчӧны Наде-Матилӧн керкалань. Пырӧны. Наде-Мати куйлігмоз став мыгӧрнас быттьӧ ӧддзӧдчӧ налань.

Наде-Мати. На! На! На, босьт!

Парась. Мый? Мый босьт?

Пиля. Он мӧй тӧд? Ассьыс вынсӧ тшӧктӧ босьтны. Эн бара нинӧм шу. Коран кӧ, то вуджас сылӧн лёк выныс тэныд, а сійӧ пыр жӧ и кулӧ.

Парась. Ен мед видзас сылысь лёк вын босьтӧмысь.

Наде-Мати. На! На! На, босьт!

Парась. Висьмин али мый сэтшӧма?

Наде-Мати. Вися, зарниӧй, вися. На! На, босьт!

Пиля. Эн весиг вӧзйы. Ог босьтӧй.

Наде-Мати. Босьтӧй! На!

Парась. Ог. Оз ков тэнад лёк выныд.

Наде-Мати. Мыйла оз ков?! Босьтӧй. Вынаӧсь лоанныд. Ставсӧ тшыкӧдны кутанныд сяммыны.

Пиля. Оз ков тайӧ сямлуныд. Сытӧг нин кыдзкӧ-мыйкӧ.

Наде-Мати *(сьӧкыда пуксьӧ)*. Тималы водзӧс верманныд мынтыны. Со сійӧ кыдзи тіян вылын тешитчӧ.

Парась. Асьным мыжаӧсь. Эн и вӧзйы. Ог босьтӧй. Ӧтчыд тэнсьыд кывзысим нин.

Наде-Мати. Босьтӧй! Водзӧс Тимаыдлы мынтӧй! На! На! На, босьт!

Пиля. Ог, мися. Да и мыйысь Тимаыслы водзӧссӧ мынтыны? Асьным мыжаӧсь да.

Парась. Асьным, дерт. Вешъяс грекным, и гортӧ, сиктӧ петам.

Наде-Мати. А он кӧ? На! На!

Пиля. Бурторйысь лёктор оз вӧчны. Водзӧс оз мынтывны.

Наде-Мати. Кутшӧм буртор? Со нин кымын тӧлысь ветлӧдланныд.

Пиля. Мыйта ковмас, сы мында и ветлӧдлам.

Парась. Кытчӧдз прӧшша грексьыс оз ло.

Наде-Мати. Мыйся йӧз ті! Тіянлы лёк вӧчӧны, а водзӧс мынтыны он кӧсйӧй.

Пиля. Вирас нин тайӧ миян пырӧма. Пӧль-пӧчьяссянь. Миян вылӧ водзті вӧлӧм усьласьлӧны быдсяма лёзь вогыльяс, а миян пӧль-пӧчьяс водзсасьӧм пыдди пыр ылӧджык вешйӧны, овтӧм муяс вылӧ. Мыйла вир кисьтны, кор позьӧ босьтны да вешйыны?

Наде-Мати. Со и воинныд та выйӧдзсӧ. Зырӧны и зырӧны тіянӧс, а ті пыр вешъянныд. На! На! Босьтӧй! Водзӧс мынтӧй!

Парась. Огӧй. Колӧкӧ, отсыштам тэныд. Пес лӧсьӧдам. Но босьтӧм йылысь сёрни оз вермы лоны.

Наде-Мати *(кыскӧ кыськӧ няньтор)***.** На, кӧть сёйыштӧй.

Парась. Сёйыштны позьӧ. *(Кӧсйӧ босьтны).*

Пиля *(ӧдйӧ кутӧ сылысь кисӧ)***.** Эн! Эн лысьт босьтны. Тшыкӧдӧмсӧ сетас. Аддзан ӧд мортсӧ. Лёкысла ставсӧ дась вӧчны.

Наде-Мати. Вот босьта да чечча. Тіян бӧрся вӧтча. Кута став лёксӧ тіянлы кевмыны. Босьтӧй, колӧкӧ! Лэдзӧй кувны! На! На! *(Сьӧкыда чеччӧ, заводитӧ лёкысь ставсӧ шыблавны, уськӧдчӧ пызанлань да пиньнас кутӧ йирны дорышсӧ).*

Пиля. Пиньтӧ чеган. Выныд бырас.

Наде-Мати. Мый нин öні меным тайӧ вынсьыс?! Кувны сӧмын оз лэдз. На! На!

Парась *(гусьӧникмоз)***.** Вай, Пиля, мунам.

Пиля *(довкнитӧ юрнас)***.** Сӧмын гусьӧн. Кор пызан дорышсӧ йирны кутас.

Наде-Мати бара уськӧдчӧ йирны пызан дорышсӧ, гозъя гусьӧн петӧны.

Парась. Лёк кӧ нэм чӧжыс вӧчис, сьӧкыда и кувны лоӧ. Бур йӧзыдлӧн кокниа лолыс петӧ, енэжас кайӧ.

Пиля *(сувтӧ керка ӧдзӧслы паныд)***.** Парась, бӧрӧн ковмас татысь мунны.

Парась. Мыйла?

Пиля. Висьтавлӧны, мый лёк тшыкӧдчысьысь да Вӧрсаысь бӧрӧн колӧ мунны. Сэки найӧ оз вермыны вӧтчыны.

Гозъя бӧрӧн мунӧны, саймовтчӧны.

Наде-Мати *(недыр мысти сьӧкыдпырысь уськӧдчӧ на бӧрся)***.** Он кӧ босьтӧй – сьӧлӧмтӧ тіянлысь йира! *(Мунӧ кок туйяс кузяыс, но недыр мысти бӧр воӧ аслас керка ӧдзӧс дорӧ. Тадзи некымынысь).*

Сцена бергӧдчӧ, мыччысьӧ Тималӧн юкӧныс. Сылӧн керка дорын пукалӧны куимӧн: Тима, Клегон да Кионь. Тима керкаысь петӧ тшын.

Тима. Менам пӧльӧй на висьтавліс, мый номъясӧс колӧ тшынӧдны керкасьыд кужӧмӧн. Медым став пытшкӧсыс тшынӧн тырис. Оз кӧ, то номъясыд дзебсьӧны джодж вольӧсад. Ӧд найӧ лёкысь артмӧморъяс. Омӧльлӧн кесйылӧсъяс.

Кионь. Мыйла Омӧльлӧн?

Тима. Пӧль жӧ та йылысь висьтавліс. Миянлысь мунымӧс лӧсьӧдлӧмаӧсь

кык вок. Ӧтиыс водзджык лоӧма. А мӧдыс артмӧма сылӧн сьӧлыштӧмысь, дульсьыс. Тайӧ Ен да Омӧль. Найӧ и лӧсьӧдісны мусӧ да енэжсӧ. Сӧмын вот Омӧльлы вичмӧма муыс ва улысь. Юкигас на налӧн зык пансьӧма. Сійӧ и корас сетны сылы мусьыс розь. Тувъяласны муӧ зор да и вӧчасны розьсӧ. Сэсся Енмыд лӧсьӧдас мортлы вылӧ став колана ловъя ловсӧ. А Омӧльлы сетӧм розьсьыд кутасны петны быдсяма гут-гагйыс, нидзувъяс да муköд лёк твар. Найӧ со ӧнӧдз на дӧсадитчӧны мортлы. Со и ми вӧтлам, мед узьны лэдзисны.

Кионь *(Клегонлы)***.** Эн на висьтав могӧс?

Клегон. Эг на.

Тима. Висьталӧм оз ков. Тӧда ӧд, мый могӧн воинныд.

Кионь. Тӧдан?

Клегон. Тӧдӧ, дерт.

Кионь. Сідзкӧ, велӧдан? Велӧдан аслад сямлунӧ, вынӧ?

Тима. Видла. Но оз артмы тэнад.

Кионь. Мыйла оз артмы? Бура кӧ велӧдан.

Тима *(Клегонлы)***.** А тэ кӧсъян, мед ме велӧді?

Клегон. Ог эськӧ да. Меным сійӧ и татшӧмнас муса да дона.

Кионь. Но ме жӧ кӧсъя лоны вынаӧн. Муköдсьыс вынаӧн. Радейтан кӧ, то кӧсъян и тэ, мед ме сэтшӧмнас лои.

Тима. Велӧда, сідзкӧ. Но таӧдз сӧмын ӧтитор кӧсъя тӧдмавны.

Кионь. Тӧдмав, тӧдмав. Мый колӧ вӧчны?

Тима. Пыралам пывсянас.

Клегон. И ме тшӧтш?

Тима. Пырав жӧ. Гашкӧ, радейтысь сьӧлӧмыд синтӧ восьтыштас. Синъясыд ӧд радейтысьыдлӧн куньсаӧсь.

Кионь. Клегон, гашкӧ, тэ он пыр? Бара быдлаӧ сюйсьыны кутан.

Клегон. Пыра.

Тима да муköдыс пыröны пывсянӧ.

Тима *(нывлы)***.** Кионь, перйы сьылісьыд пернатӧ.

Кионь *(тэрыба перйӧ)***.** На.

Тима *(копыртчӧ, пуктӧ джоджӧ пернасӧ)***.** Пернасӧ колӧ джоджас гугнас пуктыны. А öні петав ывла вылӧ да корсь кык чаг.

Кионь петӧ.

Клегон. Оз мӧй кажитчы тэныд Кионьыс?

Тима. Мед олӧ сэтшӧмӧн, кутшӧм эм. Сылы бурас не велавны, а лёксьыс кытшлавны колӧ дай. Сэтчӧ оз ков велӧдӧм. Бурнас чужны колӧ, а лёкыд ачыс тай ӧшйӧ.

Клегон. Сідзкӧ, эн и велӧд. Оз кӧ артмы.

Тима. Ме ог и велӧд. Сӧмын кӧсъя петкӧдлыны, мыйла тэныд сійӧс лёксьыс видзны колӧ.

Пырӧ Кионь, вайӧ кык чаг.

Кионь. Тайӧяс шогмасны?

Тима. Шогмасны. *(Босьтӧ да пуктӧ кык чагсӧ кресталӧмӧн перна вылас).*

Кионь. Мыйла тадзи вӧчин?

Тима. Ӧні сувт чагъяс вылас. Куш крест вылас кӧ сувтан, верман му пырыс мунны. Чагъясыс кутасны ӧні.

Кионь *(сувтӧ)***.** А водзӧсӧ мый?

Тима. Эновт тӧлысьсӧ, ӧткажитчы сыысь.

Клегон. Мый?! Кионь, эн.

Кионь. Эновтча тӧлысьысь.

Клегон. Кионь, мый тэ вӧчан? Тима, дугды!

Тима. Эновтчы шондіысь.

Кионь. Эновтча.

Тима. Эновтчы бать-мамсьыд.

Клегон. Кионь, дугды, колӧкӧ, водзӧсӧ. *(Кӧсйӧ весиг нетшыштны чаг вылысь нылӧс).*

Кионь *(оз сетчы, водзӧ сулалӧ, вель дыр думайтӧ)***.** Эновтча.

Тима. Эновтчы Клегонысь.

Кионь. Сыысь тшӧтш колӧ?

Тима. Колӧ. Эновтчы.

Клегон. Кионь, мый тэ вӧчан? *(Пуксьӧ джоджӧ да весьӧпӧрӧмӧн видзӧдӧ ныв вылӧ).* Кионь, тэ тайӧ али абу?

Кионь *(дыр думайтӧм бӧрын)***.** Эновтча.

Тима *(другӧн чорзьӧдӧ гӧлӧссӧ)***.** Тырмас. Он вермы тэ менсьым нинӧмӧ велӧдчыны.

Кионь. Мыйла ог? Со весиг ставсьыс на, мый шуин, эновтчи да?

Тима. Он. Он вермы. *(Ньӧжйӧ вештӧ нылӧс чаг вывсьыс, босьтӧ пернасӧ да пысалӧ сьыліас).*

Кионь *(скӧра)***.** Ме век жӧ лоа вынаӧн! Ставсьыс вынаӧн! *(Тималы).* И тэысь на вынаӧн! *(Ӧддйӧ петӧ пывсянысь).*

Клегон *(шай-паймунӧмӧн)***.** А водзӧсӧ мыйла эн юась?

Тима. Оз позь. Водзӧ сылы колӧ вӧлі эновтчыны Енмысь. Шуис кӧ, мый эновтча, то сійӧ ӧткажитчис эськӧ Ен видзӧмысь да вуджис лёк подувлӧн, лёк вынлӧн видзӧмӧ. А сэтчӧ, лёкас, шуа тай, оз ков велӧдчыны.

Клегон. Мый нӧ меным эськӧ ӧні вӧчны?

Тима. Радейтан?

Клегон. Зэв ёна. Лун югыдыс сытӧг абу.

Тима. Радейтан кӧ, то видз. Мед лёкыскӧд оз паныдась. *(Петӧны. Клегон матыстчӧ пу дорын сулалысь Кионь дінӧ).*

Клегон. Кионь, но ӧд татӧг тай ӧнӧдз овлім, радейтлім. Гашкӧ, оз ков...

Кионь. Тэныд, колӧкӧ, оз ков, а ме збыльысь вынаӧн кӧсъя лоны. И лоа...

Пуля бӧрся петӧны Пиля да Парась.

Пиля. Чолӧм бур войтырлы.

Парась. Чолӧм ставныдлы.

Тима. Шойччӧй, туй выв йӧзӧй.

Клегон *(сюся видзӧдӧ локтысьяс вылӧ)***.** Тайӧ ті? Сиктын тіянӧс ёна нин виччысьӧны. Вошӧмӧн чайтӧны.

Пиля *(видзӧдлӧ Тима вылӧ. Сійӧ оз вежсьы чужӧм вылас, чӧла видзӧдӧ кытчӧкӧ)***.** Эг, эг вошӧй. Кыйсям на со.

Парась. Кыйсям, кыйсям. Лэччанныд гортаныд, да сідзи и висьталӧй, мый адзылінныд миянӧс. Кыйсьӧны на пӧ.

Пиля. Шедӧ да, кыйсям на.

Клегон *(эскытӧма)***.** Тӧвбыд ӧд эн волӧй. И пыр вӧралінныд?

Кионь *(шензьӧмӧн)***.** Быдса во кыйсянныд?

Пиля. Лэччам жӧ регыд. *(Видзӧдӧ Тима вылӧ).* Лэччам регыд. *(Тима водзӧ чӧв олӧ).*

Парась. Мед виччысясны, регыд воам.

Клегон. Кытысянь öні локтанныд?

Пиля. Вӧрсӧ кытшовтлім, видзӧдлім.

Тима. И эм мыйкӧ?

Парась. Эм.

Пиля. Тӧрыт Наде-Мати дорӧ сувтлім. Зэв нин омӧль сійӧ. Кувны лӧсьӧдчӧ, но оз вермы.

Тима. Ті нӧ эн отсалӧй?

Парась. Ен мед видзас, сылысь лёк вынсӧ босьтӧмысь.

Кионь *(ырсмунӧ)***.** Коді нӧ сійӧ, Наде-Матиыс? *(Думыштчӧ).* А-а, эсійӧ, коді тай менӧ...

Клегон. Сійӧ бара дыр на оз кув. Некод оз отсышт. Мед лёксӧ песыштас. Быд лёк вӧчӧм коркӧ ас вывтіыд мунас.

Тима. Оз ков, оз ков йӧз шог вылӧ нимкодясьны.

Клегон. Ме ог и нимкодясь эськӧ да.

Кионь *(Пилялы да Парасьлы)***.** Ылын сійӧ, Наде-Матиыс, олӧ?

Пиля. Оз торъя. Лун мунны колӧ.

Кионь. Тайӧ ордымӧдыс? Кыті тай локтінныд?

Парась. Сэті. *(Шемӧсмӧ другӧн).* А мыйла, Кионь, тэ юасян?

Кионь. Сідз.

Клегон *(Киоӊьлы)***.** Гашкӧ, гортӧ сэсся мӧдӧдам. Гожся войыд югыд. Сьыліг-тырйи и воам.

Тима. Öні öд он жӧ мунӧй.

Кионь. Мунам. Мый огыс. Со эстчӧ. *(Индӧ сійӧ местаас, кыті локтісны Пиля да Парась).*

Клегон. Сэтчӧ öд ог жӧ. Кионь, дугды вай.

Кионь. Ог, ог дугды. Шуи кӧ, то лоа вынаӧн. *(Котӧрӧн-сорӧн уськӧдчӧ).*

Клегон. Кионь! Кионь! Эн йӧйтав! Сувтлы! *(Вӧтчӧ котӧрӧн сы бӧрся).*

Парась. Мый нӧ том йӧзыскӧд лои?

Тима. Асьныс тödöны. Мый шуöма лоны мортлы, сійö и лоас. Кöть кыдзи он дзебсясь да видзчысь. Кутшömön вöчömаöсь мортсö, сэтшömön и ковмас овны.

Пиля. Збыль мöй Наде-Матиыд дорö нылыс котöртіс?

Тима. Быдönлön аслас ордым. Мунысь мортöс кутны он вермы.

Парась. А миянлы мый вöчны?

Тима. Пуляыс петкödлас.

Пиля *(уськödчö пидзöсчань вылас)***.** Гашкö, прöститан нин да?

Парась *(уськödчö сы бöрся)***.** Кевмысям со Ен водзын моз.

Тима. Прöститны абу сьökыд. Но абу на ставыс ме киын.

Пиля. Код киын нö?

Тима. Гусясьömыд öд комияслön медся ыджыд грекыс вексянь вöлі.

Парась. Тödам жö. Но öд ас тödлытöг кыдзкö артмис. Прöстит, верман кö.

Тима. Пуляыс туйсö индас. Öні сы киын ставыс. Менам лыйöма.

Пиля. Верман жö эськö петкödнысö да, пулясö сиктлань кежödны.

Тима. Кор воас кадыс, сэки петкödас. Но шуа тай, мый медся ыджыд грексö ті вöчинныд. Сьökыд лоö тайöс вештыны.

Парась. А вешъяс? Вешъяс коркö?

Тима. Быд грек на вешйыліс да. Сömын ставыс кад сайын.

Пиля *(сувтö кок йылас)***.** Сідзкö, эз на кадыс во?

Тима. Пуляыс индас кадсö. Кор югыдінас, эрд вылас петас.

Парась. Бара водзö ковмас мödödчыны. *(Пуля тэрмасьтöг вöрзьödчö водзö).* Со вöрзис. Мунам, Пиля.

Пиля. Мунам. Коркö öд помасяс жö тайö туйыс. Коркö öд вештыссяс жö вöчлöм грекным.

Тима. Вештыссяс коркö.

Гозъя мödödчöны. Тима кольö öтнасön. Мыйкö сьökыда думайтö.
Сцена тэрмасьтöг бергödчö. Мыччысьö Наде-Матилön юкöныс. Наде-Мати важ мозыс лёкысь веглясигтыр туплясьö.

Наде-Мати. Ой! Сьökыд! Ой, босьтöй! Збыль мöй некод кувнысö от отсав?! *(Водзö бергалö).*

Мыччысьöны ныла-зонма. Кионь водзынджык, Клегон бöрвылас.

Клегон. Кионь, вай эн дур. Оз ков, мися, Наде-Мати дорас пырны! Оз ков.

Кионь. Но öд ог дыр кежлö. Видзödлам сömын и бöр мунам.

Клегон. Мый нö сы дорысь видзödлан? Лёк морт сійö. Чорыд тшыкödчысьön нималö. Со и тэнö коркö тшыкödліс.

Кионь. Мый тэ лöвтны öтиторсö кутін? Тшыкödліс да тшыкödліс. Öні ог сетчы тшыкöднысö. Вот аддзан. *(Пырö керкаö, Клегон сы бöрся).*

Наде-Мати *(кыпödчылö)***.** Пасибö Кözяинлы. Вайödін кодöскö да. *(Горödö).* На! На! На, босьт!

Кионь. Мый нö сетны кöсъян?

Клегон. Лёк вынсö ассьыс.

Наде-Мати. Мед абу лёк. Тэныд, колӧкӧ, и лёк. А кодлыкӧ и абу. На! На!

Кионь. А мый ме кута вермыны вӧчны?

Наде-Мати. Ставсӧ! И лэбачӧ пӧрны, и ошкӧн лоны, и роскӧн...

Клегон. Кионь, вай мунам. Видзӧдлін тай со... Тырмас.

Кионь *(йӧткыштӧ сійӧс)***.** Энлы. *(Наде-Матилы).* Сэсся мый верман вӧчны?

Наде-Мати. Йӧзыс тэысь повны кутасны. Дзӧрӧмӧн дзӧрны. Таысь мӧй абу нимкодь?! Кор аддзан, кыдзи ставныс тэысь полӧны. На, зарниӧй, босьт!

Клегон *(босьтӧ Киоӊьӧс моздорас, кӧсйӧ петкӧдны, но ныв кинас и кокнас водзсасьӧмӧн мездмӧ)***.** Кионь, ме тэнӧ радейта! Зэв ёна радейта.

Наде-Мати. Мый сыысь, радейтӧмсьыд?! Мусукасьыштанныд недыр, челядь лӧсьӧданныд, и сылас ставыс, быттьӧ эз вӧвлы. А менам сетӧмторйӧй нэм кежлад тэнад лоӧ. На! Зарниӧй, босьт!

Кионь. Мый колӧ шуны, медым босьтны?

Наде-Мати. Сӧмын ӧти кыв. Вай. Шу нин сійӧс! Шу! На! На! На босьт!

Клегон. Кионь, эн! Кионь, мусаӧй, эн! Ставсӧ воштан. Муыслысь мичсӧ он кут аддзыны. Вӧр-ванас лолыд оз кут пӧтны. Кионь, эн!

Наде-Мати. Эн эскы сылы! Эн! Ме тэныд таысь на ыджыд бур вӧзъя. Тэ кутан став йӧзсьыс вылын сулавны! На! На!

Клегон *(бара кӧсйӧ нуны Киоӊьӧс. Мӧдыс мездысьӧ)***.**

Сцена пемдӧ, кутӧ бергӧдчыны. Кылӧны гӧлӧсъяс: «На, на! На босьт!» Тадзи вель дыр.
Сэсся друг косьӧбтӧ Киоӊьлӧн гӧлӧс: «Вай!»
Сцена бергӧдчӧ. Мыччысьӧ Тималӧн керкаыс. Тима пукалӧ важ местаас. Зумыш чужӧма.
Матыстчӧны Пиля да Парась. Сійӧ жӧ туйӧдыс, кытчӧ мунлісны.

Пиля. Мыйкӧ пуляыс эз кытшовтӧд, бӧр косіс.

Парась. Тималӧн ӧд пуляыс. Код тӧдас, мый вӧчӧ. Гашкӧ, нарошнӧ бӧр татчӧ косӧдіс.

Пиля. Чолӧм. Кыдзи узин-шойччин?

Тима. Бура шойччӧдісны.

Парась. Мыйкӧ пуляыд бӧр косӧдіс. Мыйкӧ лоис али мый?

Тима. Ог тӧд. А ті нӧ кыдзи узинныд?

Пиля. Омӧлика. Водз ковмис чеччыны.

Парась. Шондіыс карнан сод на и кайыштіс енэжтасас, а ми кок йылынӧсь нин вӧлім.

Тима. Мый нӧ сэтшӧм водз? Кытчӧ нӧ узьмӧдчывлінныд?

Пиля. Тасянь коймӧд шорсӧ вуджӧм бӧрын тай ыджыд лёзь увъяса коз сулалӧ, сы улӧ узьмӧдчывлім.

Тима. Тӧда, тӧда тайӧ козсӧ.

Парась. Лючки-бура матыстчим сы дінӧ. Юасим: «Козйӧй, козйӧй, матушкаӧй, лэдз туй выв йӧзӧс узьны».

Пиля. И водім. А войнас сёрни садьмӧдіс.

Парась. Дзик быттьӧ йӧз варовитӧны.

Пиля. Кысянькӧ гӧлӧс кыліс: «Лок мунам, корӧны тэнӧ».

Сцена из спектакля «Идущие к свету» по пьесе А. Попова «Туналӧм ордым». Самарский драматический театр.

Тима. Ме важӧн нин гӧгӧрволі, мый тайӧ козйыс – Наде-Матилӧн ас пуыс. Быд мортлӧн эм ас пу, звӧник.

Парась. И менам?

Тима. И тэнад, и менам, и Пилялӧн.

Пиля. Тэ ассьыд путӧ аддзылін?

Тима. Аддзылі. Зэв жӧ нин пӧрысь. Регыд и меным таладор югыдінсӧ эновтны ковмас. А мый нӧ водзӧсӧ кывлінныд?

Парась. Пиля висьталіс нин, мый кутшӧмкӧ гӧлӧс юаліс: «Лок, мунам, корӧны тэнӧ».

Пиля. А миян козйыд кылӧ и вочавидзӧ: «Ог на эшты, узьысьяс эмӧсь».

Тима. Со ӧд кыдзи овлӧ. Ас пуыд мортсьыс сьӧлӧмаджык.

Парась. Ми сэсся унмовсьны эг и вермылӧй. Повзим весиг. Шондіыс кыпӧдчыштіс, и туйӧ мӧдӧдчим. Пуляыс кор вӧрзис.

Пиля. Муртса удитім муныштны, кыдзи бӧрвылын лёкысь рутш-ратшмуніс. Сэсся грыпкысис-усис муӧ козйыд, код улӧ узьмӧдчывлім. Быттьӧ миянлысь мунӧмнымӧс и виччысьӧма.

Тима. Сійӧс тай и шуа, мый пуясыс йӧзсьыс сьӧлӧмаджыкӧсь. Сідзкӧ, кулі Наде-Матиыд.

Парась. Кулі? Кодлыкӧ сетіс ӧмӧй вынсӧ?

Тима. Кионь ӧд сылань уськӧдчыліс. Эз, тыдалӧ, вермы Клегон сійӧс ӧлӧдны. Да и кыдзи ӧлӧдан? Сэтшӧм кӧ нин мортыс артмӧма. Буртӧ ӧд босьтны аслыспӧлӧс сьӧлӧмӧн колӧ чужны, а лёктӧ шедӧдны кокньыдджык. «Вай» шуин дай.

Пиля. Но ӧд и татчӧ аслыспӧлӧс сьӧлӧм да вир колӧ.

Тима. Колӧ, дерт. Со и сюри сэтшӧмыс.

Парась. Коньӧрӧй дай, Клегонӧй.

Пиля. Мыйла коньӧр?

Парась. Воштіс радейтана нывсӧ да.

Тима. Бур эськӧ вӧлі, аддзыліс кӧ воштӧмсӧ. Эз кӧ, то нӧшта лёк.

Пиля. Мыйла?

Тима. Овны эськӧ Кионьыс сыкӧд кутіс, а ачыс гусьӧн лёксӧ йӧзлы вӧчис дай.

Парась. Лёктӧ век гусьӧн он вӧч. Коркӧ тыдовтчас.

Тима. Сэк нӧшта ёнджыка эськӧ Клегонлы мӧрччис.

Пиля. Збыль мӧй лёкыс помасьлытӧм? Збыль мӧй оз волы сійӧ кадыс, кор «вайсӧ» шуысьыс некод оз сюр?

Тима. Та вылын и муыс, тыдалӧ, сулалӧ. Ӧд эмӧсь тай вӧрын быдсяма пӧткаясыс да лэбачьясыс. Куш кӧ колипкай сьыліс, то эз жӧ век гажа вӧв.

Парась. А миянлы мый вӧчны? Шӧракостас веськалӧм войтырыслы?

Пиля. Мый вӧчны? Пиньтӧ мурч курччӧмӧн, тыдалӧ, овны. Кытчӧдз ӧта-мӧдсӧ лёкыс либӧ бурыс оз венны. Кодарӧ кӧ ӧд век жӧ катовтчас.

Тима. Катовтчас. Нинӧм тайӧ шонді улас помасьлытӧмыс абу.

Парась. Сідзкӧ, и миян туйным помасяс? Сиктӧ петам?

Тима. Помасяс. Оз кӧ ме дырйи, то мӧд дырйи.

Пиля. Сэтшӧм мӧй ми грекаӧсь?

Тима. Гусясьӧмыд, асьныд тӧданныд, медся ыджыд грекъяс лыдас. Сійӧс вештыны ок сьӧкыд.

Парась. Водзӧ бара, сідзкӧ, тапиктыны ковмас?

Тима. Ковмас. Эн нюжмасьӧй. Сьӧлӧмӧн кыла, мый регыд Наде-Мати татчӧ воас.

Парась. Кыдзи воас? Кулӧмӧн шуан да.

Тима. Воас. Ӧдвакӧ Клегон гӧгӧрвоис мыйкӧ вӧчны.

Пиля. Мый нӧ коліс вӧчны? Гашкӧ, ми ветлам да вӧчам.

Тима. Он нин удитӧй. Регыд Наде-Матиыс воас. Мунӧй, мед тіянӧс тшӧтш тані эз су.

Парась. А тэ? Кольччан.

Тима. Да. Мунӧй нин ӧдйӧджык. Пуля, нуӧд.

Пуля вӧрзьӧ да тэрмасьтӧг кывтӧ бӧр.

Пиля. Мый нӧ Клегоныс эз гӧгӧрво вӧчнысӧ? Висьтав, мед ми водзӧ вылӧ тӧдім.

Тима. Тшыкӧдчысьлӧн кулӧм бӧрын колӧ поконикыслысь ки да кок чуньяссӧ кӧртавны. А асьсӧ кымыньӧн водтӧны. Сэки оз чеччы. Он кӧ, то чеччас. И лёк вӧчны локтас. Наде-Мати пыр кайтліс, мый кула кӧ пӧ водзджык, то тэла вола. Со и локтас. Мунӧй.

Парась. А верман ӧтнад водзсасьнытӧ?

Пиля. Гашкӧ, ми гаж вылӧ моз кольччылам.

Тима. Мунӧй, мунӧй... А то он петӧй вӧрсьыс некор. Пулясӧ син увсьыныд вошtанныд да.

Пуля кывтӧ тэрмасьӧмӧн. Гозъя шемӧса вӧтчӧны сы бӧрся. Тима кольӧ ӧтнас. Ветлӧ ю дорӧ. Босьтӧ вомӧныс пуктӧм потшсӧ.

Тима. Öні озджык вермы вуджны, васьыс повзяс. Да и понйöй кутас. Катшыс! *(Кылö понлöн увтыштöм).* Видз менö.

Пырö керкаас. Недыр чöв-лöнь. Сэсся лёкысь заводитö увтны пон. Мыччысьö Наде-Мати. Сійö кöсйö вуджны юсö, но понлöн лёкысь эргöмыс сувтöдö. Да и ваыс оз лэдз.

Наде-Мати. Ковмас, тыдалö, юсö кытшовтны. *(Ыршасьö).* Он пышйы тэ меысь, син вежысь. Олігöн эг вермы, а öні сёрнита тэкöд. *(Мунö. Ылыстчö и понлöн увтчöм шыыс).*

Тима *(восьтылö öдзöссö)***.** Удитас кö петукъяс чуксасьтöдз кытшовтны юсö, то збыльысь сьöлöмöс йирас. *(Бöр петö).*

Дыр мысти кымын мöдар боксянь тэрыба локтö Наде-Мати. Уськöдчö пывсянö, видзöдö сэтысь. Оз некодöс аддзы. Матыстчö керка öдзöслань да лёкысь тракнитö. Сійöс игналöма пытшсяньыс.

Наде-Мати. Восьт! Пыра öд! Öдзöстö йирömöн, но пыра. *(Босьтчö лёкысь парсавны öдзöссö, йирны быттьö).* Вай менсьым кагаöс! Вай! *(Öдзöс сьöкыда, но воссьö).*

Тима *(мыччысьö ывлаын)***.** Он жö нин öні тэысь дзебсьы-а. Мый вöчан вöч.

Наде-Мати. Меысь он пышйы. Он. Да и мыйла пышйынысö? Бöръя сёрнисьыс?

Тима. Нэм чöж öд тэкöд венласим. А мый могысь? Эз мöй позь таладор югыдінас көть нин кык мортлы бура овны?

Наде-Мати. Ачыд öд мыжаыс! Таысь и олігöн йири тэнсьыд сьöлöмтö. *(Матыстчö Тима дорö).*

Тима. Вöч мый көсъян. Ог нин öні тэысь мынны вермы-а.

Наде-Мати. Вай меным бöр ассьым кагукöс. Вай!

Тима. Кыдз нö öні ме сійöс бöр сетны верма? Сэксö нин эг да...

Наде-Мати. Мыйла нö эськö сідзи вöчлін? Мыйла?

Тима. Эг öд чайт сідзисö лоны. Öтнам вöлі ог вермы да. Тэнö отсыштны со и чукöсті.

Наде-Мати. А öд радейтлі ме тэнö, Тима. Ок ёна радейтлі.

Тима. И ме тшöтш.

Наде-Мати. Мыйла нö эськö ми тадзисö олім? Торйöдчим?

Тима. Тэ öд тай...

Наде-Мати. Мый нин öні мыжасö корсьнысö? Кольöма ставыс да. Он бергöд. Тэ со вöчин тадзисö сэкнад. Ме и чорзи. А тшыкöдчысьыс буретш кулö вöлі да оз вермы. Ме лёкыдла и горöді «вайсö».

Тима. Ме öд эг тöд сэкнад, мый тадзи лоас. Ог вöлі öтнам керсö кыпöдны вермы да. Со и...

Наде-Мати *(топöдчö Тима бердö)***.** Ме öд пыр тайö кадсö виччыси. Кулömсö. Кор морт ногöн вермам тэкöд бöръяысь сёрнитны. Олігас эг вермылöй да.

Тима. Эг чайтлы, мый тэ ме дорö тадзи сёрнитны воан.

Наде-Мати. Вои тай со.

Тима. Мыйла нö ми янсöдчömнас тэкöд олім? Мыйла? *(Кутчысьöны. Недыр мысти Наде-Мати босьтчö сьывны).*

Помас суӧ асъя петуклӧн горӧдӧмыс.
Сцена бергӧдчӧ. Мыччысьӧ Наде-Матилӧн керка пытшкӧс. Сӧмын ӧні сэні нин Кионь. Ортсыас сцена пельӧсланьыс сулалӧ Клегон.

Клегон *(сьылӧ)*.

Кионь *(лёкысь восьтӧ ӧдзӧссӧ)***.** Кутіс сэні сьывны. Ок кутшӧм мустӧм, кор сьылӧны. Коді сӧмын сьыланкывсӧ думыштӧма? Кутшӧм эськӧ лӧсьыд вӧлі, эз кӧ сійӧ вӧв.

Клегон. А помнитан, Кионь, кыдзи ми тэкӧд ӧтлаын сьывлім? *(Босьтчӧ да неуна сьылӧ сійӧ сьыланкывсӧ, кодӧс первой юкӧнас сьылісны Киоӧькӧд тшӧтш)*. Помнитан, Кионь? Кутшӧм шуда тайӧ здукъясыс вӧліны, кор ми ӧтлаын сьывлім?

Кионь. Аддзӧма мый казьтывны. Йӧйӧн менам сэк вӧвсьылӧма.

Клегон. Мыйла тэ тадзисӧ, Киоӧьӧй, вӧчин?

Кионь. Мый нӧ эськӧ тэнад Тимаыд эз велӧд?

Клегон. Он пӧ сяммы да. Аслыспӧлӧс сьӧлӧм пӧ колӧ. Ӧні ме гӧгӧрвои, кутшӧм сьӧлӧм йылысь сійӧ висьталіс.

Кионь. Сідзкӧ, мед и корсьӧ аслыспӧлӧс сьӧлӧмасӧ. Дыр овны сылы оз нин вичмы. Вена регыд.

Клегон. Мый нӧ тэкӧд, Кионь, лои? Мыйла тэ татшӧм?

Кионь. Мед велӧдіс дай! Бурас!

Клегон. Сэтчӧ пӧ он вермы велӧдны. Чужны колӧ.

Кионь. Мед оз сӧр. Эз кӧ менӧ велӧд, то мед ӧні и дорйысьӧ. Меысь.

Клегон. Тэкӧд тай и сёрнитнысӧ нин он вермы. Дзикӧдз вежсин. Колӧкӧ, татшӧмӧн и вӧлін да.

Кионь. Радейтан кӧ быттьӧ, то и ме кодьыскӧд олан. Лок, кӧсъян кӧ, мекӧд олам. Кутам йӧз вылас ыджыдавны.

Клегон. Ог! Радейта, но тэкӧд овны ог кут. Ковмас нетшыштны сьӧлӧмысь тэнӧ.

Кионь *(сералӧ)***.** Он ӧд вермы-а. Нетшыштнысӧ. Ме ӧд тэнад вуджӧр кодьӧн лоа. Кытчӧ тэ, сэтчӧ и ме. Некодкӧд овны ог сет.

Клегон. Тадзитӧ ӧд олігад аслыд лёк лоас.

Кионь. Мыйла?

Клегон. Бур мӧй? Пыр кӧ кутан овны сӧмын кодлыкӧ лёк вӧчӧм могысь.

Кионь. Аддзӧмыд мыйӧн менӧ повзьӧдлыны. И кута! И мӧда лёксӧ тэныд вӧчны. И ог сӧмын тэныд.

Клегон. Мыйӧн нӧ бур йӧзыс тэ водзын мыжмисны? Ме вӧсна кӧ быттьӧ «вайсӧ» шуин.

Кионь. Ог радейт ме шуда чужӧмъяссӧ, сьыланкывъяссӧ, челядьлысь серамсӧ. Ог кӧ радейт, то кута торкавны найӧс.

Клегон. А сэсся водзӧсӧ мый? Сьӧлӧмыд тайӧн бурмас да?

Кионь. Водзӧсӧ? Видзӧдлам.

Клегон. Но ӧд Тимаыд на тэныд паныд сулалысьӧн кольӧ. Оз сет лёксӧ вӧчны.

Кионь. Тимаыд ӧд абу векся.

Клегон. Сы местаӧ мӧд сэтшӧм воас.

Кионь. Коді? *(Сералӧ)*. Тэ али мый?

Клегон. Кöть и ме. Некодлы кö быттьö лоö.

Кионь *(шемöсмö)***.** Дугды! Эн дур! Вай, Клегон, бурджык сиктад мун. Гöтрась мöд вылö, ог кут торкавны.

Клегон. Повзин али мый?

Кионь. Эг.

Клегон. Повзин. Аддза öд.

Кионь. Эг, мися, повзьы. Ме мöдтор йылысь мövпала.

Клегон. Мыйла нö эськö сиктас ыстан?

Кионь. Сідз.

Клегон. Эн дивит менö, Кионьöй, сьöлöмшöрöй, мыйкö кö не сідзи коркö тэныд шулывлі.

Кионь. Весась тась. Ог радейт ме татшöм няргömсö. Вирöй пузьö.

Клегон. Он нин, дерт. Он нин вермы тэнö бергöдны и. Эн дивит.

Мунö. Петöны Пиля да Парась.

Парась. Бара со татчö петім. А тэ вöлі шуан, мый öні Тимаыд прöшшатö сетіс нин. Мыніс нин грекным.

Пиля. Петім тай.

Кионь *(кывлö налысь сёрнисö)***.** Ті нö век на эсканныд, мый Тимаыд прöшша сетас! Йöйöсь кö-а!

Парась. Сетас, дерт. Быд грек на вештывны позьліс да. И ми вештам.

Кионь. Вештігад и олöмыд помасяс.

Пиля. Оз. Оз на помась. Ог кö талун, то аски пуляыс петкöдас югыдінö, сиктдорса эрд вылö.

Кионь. Оз петкöд.

Парась. Петкöдас.

Кионь. Ті во чöж нин со эсканныд грек вештöм вылö. И век на эн вештöй. Йöйтöдлö тіянöс Тимаыд.

Пиля. Оз, оз йöйтöдлы. Тимаыд шурыд морт.

Кионь. Эновтöй ті тайö пулясö да мунöй гортаныд. Ме туйсö инда.

Парась. Ог. Öтчыд ми Наде-Матилысь кывзысим нин. Тэнсьыд ог нин сэсся кутöй.

Пиля. Кытчöдз грек оз вешйы да Тимаön лыйöм пуляыс оз петкöд, сэтчöдз и ветлöдлам. Грека йöзöн сиктö ог пырöй.

Кионь. Ветлöдлöй, ветлöдлöй. Тіянöс бур вылö велöдöны, а ті асьныд долянныд.

Парась. Öти велöдліс нин бур вылас. Грекö вöйим. Тэнсьыд кö кывзысям, то грек пиас пöдан.

Кионь. Эн йöйталöй! Эновтöй пулясö да гортад лэччöй.

Пиля. Дугды.

Кионь *(матыстчö Пиля дінö да меліа видзöдö сы вылö)***.** А тэ омöльтчömыд весигтö. Вель мича мужик вöлін да.

Парась. Омöльтчан тай. Ме со и...

Кионь. Тэ йылысь и сёрниыс абу. Тэ и водзтісӧ эн торъя мича вӧв. Мыйла бара Пиляыс тэ вылӧ ыштыліс-а...

Пиля *(видзӧдӧ гӧтыр вылас)***.** Збыльысь ӧд ёна вежсьӧмыд, Парась.

Кионь. Сійӧс тай и шуа. А ме со кутшӧм. *(Жмитчӧ Пиля дорӧ).* Аддзан? Вай эновт, Пилюк, тайӧ пулясӧ. Кольччы. Парась, зэв ёна кӧ кӧсйӧ, мед сы бӧрся вӧтлысьӧ.

Пиля *(видзӧдлӧ то гӧтыр, то Кионь вылӧ, майшасьӧ нин)***.** Но ӧд грекыс вештытӧм лоӧ.

Кионь. Кутшӧм грек? Сӧран нинӧм абусӧ.

Парась. Пиля, мый нӧ тэкӧд? Он-ӧ нин Кионь дінӧ кольччыны лӧсьӧдчы?

Кионь. Мый нӧ озыс? Ме со кутшӧм! А тэ... *(Топӧдчӧ Пиля дінӧ).* Пилюк, кылан, кыдзи сьӧлӧмӧй тіпкӧ? Кутлы менӧ топыда, пыр жӧ и сыла. Окышт. И дзикӧдз сыла тэнад ён сывъясад.

Пиля *(кӧсйӧ нин кутлыны)***.** Збыльысь тіпкӧ. Сьӧлӧмыд. Кыла ӧд.

Парась. Пиля, мунны ӧд нин колӧ. Пуляыд со вӧрзис.

Пиля. Кытчӧ мунны? Мыйла?

Кионь. Эн некытчӧ, Пилюк, ме дорысь мун. Эн!

Парась. Пиля, мися. Йӧймин кӧ-а? *(Лёкысь нетшыштӧ верӧссӧ Кионь сывйысь).* Лок мунам. Ӧдйӧджык!

Пиля *(друг бытть ӧ ас садяс воӧ)***.** Мый нӧ мекӧд лолі?

Кионь *(зільӧ бара сывйыштны Пиляӧс)***.** Нинӧм, нинӧм эз лолы. Тайӧ тэ менам сывъясысь сывлін. Вай нӧшта кутла, пӧся, меліа... Кыдз Парасьыд некор оз сывйышт. Лок.

Парась *(пырӧ шӧракостас)***.** Эн лысьт матыстчыны! Лёзьтӧ нетшка. Пиля, мунам! Колӧ ӧд грексӧ вештыны. Помӧдз.

Пиля. Колӧ. Збыльысь колӧ.

Кионь. Эн йӧйтав, Пилюк. Лок ме дорӧ. Лок! Ме тэнӧ сэтшӧма радейтны кута.

Парась *(мырдысьӧн кыскӧ Пиляӧс)***.** Мӧдӧдчам! Со пуляыд лэбзис. Воштам син водзысь. Крестыс, гашкӧ, сійӧ миян, кодӧс тай шуӧма быд мортлы нуны.

Пиля. Да. Збыльысь.

Кионь. Пилюк, эновт ассьыд мудзӧм вӧв кодь гӧтыртӧ. Лок татчӧ. *(Кисӧ чургӧдӧмӧн вӧтчӧ).*

Парась. Мун татысь. Эн лок!

Пиля *(оз лысьт бергӧдчывны)***.** Лок, Парась, мунам ӧдйӧджык. Да и кутам сэсся ыліті кытшлавны тайӧ керкасӧ.

Мунӧны.

Кионь. Нинӧм. Öні эн шед, но мӧдысь он мын. Тіянлы, мужикъяслы, сӧмын сывтӧ восьтлы! Миян сывъясным тіянлы. Кыдзи пӧткаяслы лэчьяс. *(Сералӧ).*

Сцена бергӧдчӧ. Тима керка дорын ачыс да Клегон.

Тима. Артмас тэнад, эн майшась. Мыйӧ ачымӧс велӧдлісны, сэтчӧ и тэнӧ велӧда. Ассянь на мыйсюрӧ öні содтыны верма и...

Клегон. Сьӧкыд ноп жӧ эськӧ ас вылӧ босьта да.

Тима. Но ӧд кодлыкӧ колӧ жӧ нуны тайӧ нопсӧ. Крестсӧ шуа. Босьтнытӧ абу сьӧкыд, но колӧ бытьӧн нуны крестсӧ индӧм местаӧдзыс. Тайӧс вӧчны ок сьӧкыд. Крест нуысьыд ставӧн. А места вылӧдзыс вайысьыс зэв этша. Со тай Пиля да Парась нуӧны и.

Клегон. Мыйла нӧ тадзисӧ артмӧма олӧмыс? Мыйла ми, йӧзыс, абу ӧткодьӧсь?

Тима. Асьсӧ мортсӧ кӧ босьтам, и то абу сійӧ ӧткодь. Мый нин став йӧз йывсьыс сёрнитнысӧ.

Клегон. Мыйла нӧ ми ог вермӧй бурасӧ овны? Мыйла?

Тима. Ог тай вермӧй. Шонді гӧгӧр муыс ветлӧ уна сюрс во нин. Йӧзсӧ лӧсьӧдлісны код тӧдас корсянь жӧ? Кузь-ӧ морт нэм? Ён йӧзлӧн уна вылӧ кӧкъямысдас во... Мӧд морткӧд паныдасигӧн эськӧ налы уськӧдчыны воча да окавны ӧта-мӧдсӧ. Сы вӧсна, мый ӧти кадӧ олам. И пӧшти ӧти кадӧ и ог лоӧй. А сэсся мӧд йӧз овмӧдчасны. А ми зыртчам ӧта-мӧд вылӧ. Весиг ассьыным матысса йӧзӧс жбоньӧдам-нӧйтам. Киясӧн и кывъясӧн. Дойдалам быд ногыс.

Клегон. Сідзи и выйим. Мыйла тадзисӧ артмӧма? Мыйла ог гӧгӧрвоӧй ӧта-мӧднымӧс? Эз-ӧ миянӧс, йӧзсӧ шуа, коркӧ татшӧмӧн лӧсьӧдлыны?

Тима. Эз, дерт. Но вочасӧн вежсисны тай. Важсӧ, бур тэчасногсӧ вунӧдӧмӧн овны кутісны да. Пыр вочасӧн, вояс бӧрся вояс лэдзчысисны, эновтчисны уна бурторйысь, кодӧс вӧлі лӧсьӧдӧма бур олӧм могысь. Со Пилясӧ да Парасьсӧ босьтам. Найӧ ӧд ӧтлаынсӧ вӧрас воськовтігас нин мыжмисны. Оз позь вӧлі нывбабакӧд вӧрасьнысӧ кайны. Водзті нывбабаясӧс некор эз босьтлыны чӧс туй вылад. Весиг кыйсьыны мӧдӧдчигас эз узьлыны накӧд, а вӧр керкаын олігӧн мужикъяс эз весиг казьтыштлыны гӧтыръяс йывсьыс. Оз позь вӧлі. Сідз нин лӧсьӧдӧма коркӧ вӧлі. А найӧ со тайӧ лӧсьӧдӧмторсӧ торкисны. Сэсся ӧти торкӧм кыскӧ ас бӧрсяыс мӧдӧс. Грек ыджыдӧс вӧчисны. Эг кӧ суитчы, то нӧшта на ыджыд грекӧдз воисны. Ӧні со вештӧны ас вӧчӧм грексӧ. Сӧмын оз вермыны. Пипуыд ӧд пеж пу. Сыысь, пежсьыд вӧчӧм пуляыд, оз петкӧд. Лёк подув вылын вӧчӧмторйыд некор бурад оз вайӧд. Мыйта на татшӧм сяма торкалӧмъясыс му вылас! Енсӧ со йӧзыс вежлалӧны и. Думайтан, тайӧ сідз коляс? Оз! Шулі тай, мый весиг ӧти мортыс и то абу ӧткодь. Сійӧ кык пельӧ быттьӧ юксьӧма. Сы пытшкын и лёкыс и бурыс. Кодлӧн лёкыс унджык, кодлӧн – бурыс, а кодсюрӧлӧн джынъя дай. Ме наысь абу жӧ торъялӧма. Сӧмын бурыс унджык меным вичмӧма. Но и бурысла колӧ лоны пиняӧн да гыжъяӧн, медым йӧзсӧ ыджыд грек вӧчӧмысь ӧлӧдны. И со Пилясӧ да Парасьсӧ ковмис мыждыны. Мед важ тэчасногсӧ дзикӧдз оз вунӧдны.

Клегон. Но ӧд оз жӧ ков вӧлі тадзисӧ вӧчны. Колӧ жӧ вӧлі лача сетны, мед грексӧ вештісны жӧ коркӧ.

Тима. Гашкӧ и, вешъяс коркӧ. Олӧмад тай быдторйыс овлӧ. Шуа тай, мый лёкыс и ме пытшкын эм. Со тай и Наде-Матикӧд коркӧ...

Клегон. Мый нӧ сыкӧдыс вӧлі?

Тима. Ме верма унаторйӧ тэнӧ велӧдны. Сӧмын ог вермы индыны. Кыдзи тіянлы водзӧсӧ Кионьыдкӧд овны. Мыжа ме Наде-Мати водзас. Зэв мыжа вӧлі. Ми ӧд сыкӧд коркӧ важӧн зэв ёна ӧта-мӧднымӧс радейтлім. Весиг ӧтувъя кага артмывліс. Гӧтрасьтӧгыс на. Водзвыв узьӧмсьыс и, бураkӧ, грекыс суис. Керка вӧлі

сыкӧд олӧм могысь кыпӧда. Ӧти зэв кыз кер веськалӧма. Ог некыдзи вермы ӧтнам кыпӧднысӧ. Со и кори Наде-Матиӧс отсыштны. А сійӧ чӧвтчис, кокняліс кагасьыс. Та бӧрын и вежсис. Забеднӧысла ли мый, лёкас вуджис. Сійӧн и шуа, мый ог вермы ме тэнӧ велӧдны, кыдз Киоӊьыдкӧд овны. Ачым со весиг эг кужлы да...

Пуля бӧрся мыччысьӧны Пиля да Парась.

Парась *(уськӧдчӧ пидзӧсчань вылас)***.** Тима, вешъяс оз коркӧ миян грекным? Мездан он коркӧ миянӧс кытшовъяссьыс?

Пиля *(тшӧтш пидзӧсчанясьӧ)***.** Помтӧм-дортӧм кытшъяс вӧчим со. Вай прӧстит миянӧс, Тима.

Тима. Ог вермы. Ме ог вермы. Клегон ме местаын лоӧ, да сійӧ мед...

Парась. Клегон, вай прӧстит миянӧс.

Пиля. Прӧстит. Ӧд абу сэтшӧм грекыс, кодӧс оз позь вештыны.

Клегон. Тима ӧд лыйӧма. Сійӧ на, гашкӧ, прӧштша кывсӧ шуас.

Тима. Ӧдвакӧ ме удита тайӧс вӧчны.

Пиля. Мезды вай миянӧс кытшлалӧмсьыс.

Парась. Нӧбася нин ӧд ме со. Сьӧкыдджык пыр ветлӧдлынысӧ.

Пиля. Челядь радиыс кӧть.

Тима. Менам лыйӧма, а прӧштшасӧ сетны дзик ӧні ог вермы дай. Кад колӧ.

Пиля. Сідзкӧ, эз на кадыс во?

Тима. Эз на. Ме ог нин удит прӧститнытӧ. Тэрмася. Наде-Мати менӧ виччысьӧ. Гажтӧмтчӧма нин... И ме тшӧтш...

Гозъя сувтӧны, мудзпырысь мунӧны пуля бӧрся водзӧ. Тима да Клегон видзӧдӧны на вылӧ. Сцена бергӧдчӧ зэв ньӧжйӧ. Киоӊь дорӧ петӧны нин Пиля да Парась дӧраторйӧ тӧбыштӧм ёкмыльӧн, кага моздораӧсь быттьӧ. Киоӊь сулалӧ керка дорас да кинас ӧвтчӧмӧн мыйкӧ висьталӧ. Гозъя оз и сувтлыны, мунӧны водзӧ.

Сцена бергӧдчигӧн гозъя заводитӧны сьывны ассьыныс сьыланкывсӧ. Воддза ногыс жӧ вӧчӧны кык либӧ куим кытш. Киоӊь важ моз шенасьӧ, висьталӧ быттьӧ. Клегон чӧла, вӧрзьытӧг пукалӧ. Сьыланкывсӧ колӧ сьывны джынсӧ кымын.

Сценалӧн нӧшта ӧтчыд бергӧдчӧм бӧрын мыччысьӧ Клегонлӧн оланіныс. Ачыс сійӧ пӧрысьмӧма. Петӧны том Ныв да Зон. Пиляӧс да Парасьӧс ворсысьясыс жӧ. Но быттьӧ нин налӧн челядьыс.

Ныв. Чолӧм, бур морт!

Клегон. Чолӧм, туй выв войтырӧй.

Зон. Со нин унасьыс-уна кытш тайӧ пипу пуля бӧрсяыс вӧчам, а сійӧ оз петкӧд югыдінӧ, сиктса эрд вылӧ.

Ныв. Айӧ да мамӧ кулігас велӧдісны, медым ми пыр сы бӧрся мунім, налысь грексӧ вештім, кытчӧдз пуляыс оз петкӧд.

Зон. Тэ, бур мортӧй, он тӧд, кутшӧм грек вӧчисны айӧй да мамӧй?

Клегон. Эз мӧй висьтавны?

Зон. Эз.

Клегон. Сідзкӧ, и ме ог тӧд. Но вӧчлӧмаӧсь, тыдалӧ, ыджыдӧс, эз на кӧ пуляыс петкӧд тіянӧс.

Ныв. Кутшöм грек бара сэтшöмсö вöчöмаöсь? Гашкö, эз нин весиг и найö. Колöкö, налöн ай-мамыс либö пöль-пöчыс нин весигтö.

Зон. Колöкö. Гашкö, ми на весиг ог вермöй вештынысö. Миян челядь на, колöкö, оз и. Налöн челядьыс тшöтш и. Мыйсяма грек бара вöчлöмаöсь коркö миян пармаса коми войтырыс, кодöс вештынысö ог вермöй? Кöть нин тöдны кутшöмöс. А тöдтöгыд, колöкö, ми сійö жö грексö выльысь вöчам да.

Ныв. Ыджыд грек, тыдалö, вöлöма. Ок ыджыд. Лёкыс, дерт, оз куж пöститны. Но мыйла нö бурыс оз вермы пöштшасö сетны? Мыйла? Гашкö, выныс оз суитчы да?

Зон. Пöститны эськö колö йöзсö тайö грексьыс да. Сійöн ми и воим лёк олöмöдзыс, мый öта-мöднымöс пöститнысö ог кужöй либö ог көсйöй. Тадзи кö лоас, то кытшлалöмыс некор оз помась.

Клегон нинöм оз шу, пукалö водзö видзöдömöн. Пуля лэбö. Ныла-Зонма сы бöрся мунöны. Кионьлöн юкön. Ачыс сійö пöрысьмöма жö. Куйлö да лёкысь горзö.

Кионь. На босьт! На! На! На босьт!

Ныла-Зонма сувтыштлöны, но мунöны водзö.
Сцена бергöдчö. Кионь местаын тыдалö мышкön сулалысь том Нывлöн либö Зонлöн мыгöрыс. Катласьö.
Сцена бергалö и бергалö, кытчöдз оз помась сьылöмыс. Вöр-ваыс, муыс то югзьылö, то пемдылö. Югзьылö. Быттьö чужлö кутшöмкö надея, но бöр пемдылö да бара югдö.

ПОМ.

Тювэ – герой вишерских сказаний

ЛЮДМИЛА ЛОБАНОВА

Людмила Сергеевна Лобанова – научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, педагог дополнительного образования предметов этнокультурной направленности ГПОУ «Гимназия искусств при Главе Республики Коми» им. Ю.А. Спиридонова.

АЛЕКСЕЙ РАССЫХАЕВ

Алексей Николаевич Рассыхаев – фольклорист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра.

Впервые сведения о вишерском[1] колдуне Тювэ были зафиксированы на рубеже XIX-XX вв. Каллистратом Жаковым (1866-1926). Будучи студентом третьего курса словесного отделения историко-филологического факультета Петербургского университета и «намереваясь посвятить свою жизнь своему любимому северу в качестве его бытописателя и собирателя старинных сказаний»[2], Жаков отправляется в Вологодскую губернию для сбора этнографического материала среди коми-зырян. В результате экспедиции, состоявшейся в 1899-1900 гг., Жаков написал «Этнологический очерк зырян», который был представлен в форме доклада на Заседании Русского географического общества (далее РГО) и опубликован в «Живой старине»[3]. Работа получила высокую оценку академика Владимира Ламанского и серебряную медаль РГО[4], что, безусловно, повлияло на развитие исследований в этом направлении. С 1900 по 1912 гг. Жаков почти каждое лето выезжает в экспедиции по поручению Академии наук, РГО и других департаментов и ведомств, изучает традиционную культуру коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов, мордву, мари. На основе собранных материалов были подготовлены научные статьи, магистерское сочинение, публикации материалов и художественные произведения. В рамках данной статьи проанализируем тексты о Тювэ из научного и художественного творчества Каллистрата Жакова, а также сопоставим их сюжеты с современными устными рассказами Вишеры.

Для понятия принципов исследования и работы с фольклорным текстами, которые практиковались Жаковым, обратимся к статье «Языческое миросозерцание зырян»[5]. Статья посвящена рассмотрению дохристианской религиозной картины мира зырян, которая представлена не как «некоторое количество народных заблуждений, а особая система мировидения»[6]. Основой для реконструк-

ции языческих параметров становятся фольклорно-этнографические материалы. Конкретно про Тювэ в этой статье не упоминается, по методу автора рассказы о Тювэ встраиваются в обобщающие сведения о колдунах – зырянах-язычниках, характерными чертами которых являются:

> *...вера в силу человеческого слова и глубокое почтение и уважение к человеческому знанию <...> От дурного слова сохнет дерево, чахнут и умирают люди, и наоборот, доброе слово дает мёртвому камню жизнь и больному человеку желанное здоровье. <...> Другая сила – знание. Нужно знать, когда какой заговор прочесть, какой ответ дать какому богу. Чародей-тӧдысь – знающий. Знание приближает человека к богам, а сам он ничтожнейший из ничтожнейших, полный коварных дум, вредных знаний, вредных для ближнего, для его хозяйства, для его здоровья.*[7]

Следующей работой, написанной по материалам экспедиции, становится магистерское сочинение «Народная словесность зырян и русские сказки»[8]. Устные повествования о так называемых местных героях-колдунах – Тювэ, Йиркапе, Шыпиче, Кӧрт-Айке – отнесены Жаковым к оригинальным сказкам. В работе выдержан следующий принцип подачи материалов: сначала даётся краткая характеристика группы сказок, потом приводятся тексты и объяснения к ним. Под заглавием «Тювӧ» приводится следующий текст:

> *Жил он один в дремучем лесу, звали его Григорием. В старину возил он сено на лошади. Одна девушка подрезала с заговором ухо у быка Григория. С девушкой собака вышла. Собака стала лаять. Услыхал лай и послал <нрзб.> посмотреть, кто собаку пустил; потом сам вышел, увидал, что разрезано бычье ухо. Он сумел заговор оборотить на того, кто его сделал. Девушка та заболела и болела три года. Потом «славу» сделали, привели попа «дары дать». При благословлении она укусила руку священника. Девушка умерла. Народ, идущий в лес, ночевал у Григория. Эти люди рассказывали, что Настасья (девица) умерла. Григорий будто от сна проснулся – «Она умерла, сюда она придёт, здесь она побывает, здесь побывает она». Имеется река Пукдым. Жердь положена поперёк ея Григорием Тювӧ. «Она там не посмеет перейти, там скользко, коты скользки, кругом пойдёт. Солнце взойдёт очень». Двери верёвкой он связал за поперечные брусы избы (сёр), после того как солнце зашло, собака сейчас же спустилась и начала лаять. Потом сам Тювӧ сел к печному окну и всю ночь сидел: «вот, вот пришла, собака-то лает». Он заговоры знал; оттого душа Настасьи не перешла через сделанный им мостик.*[9]

В «Объяснениях к Тювö» Жаков расширяет его образ, приводя сюжеты других рассказов об этом герое, сравнивает его с другими «древними языческими духами зырян», а также вносит сюжет сказки в контекст мифологических представлений коми.

> *Нужно добавить, что Тювö, судя по другим рассказам, отличался ещё скупостью. Так он постоянно менял место хранения своих денег, то держит он их в скамейке, то в ящике, то в лесу, перенося их из одного дерева в другое по малейшему подозрению. Вторая черта у Тювö – это его искусство охолащивать животных. Так он положит рукавицы на быка и, не связывая его, охолащивает. Тювö предлагал молодым зырянам научиться у него заговорам. По другим рассказам о колдунах нам известно, что первым условием, чтобы научиться волшебству становится отречение от св. Троицы, от Солнца и Луны, от Света Божьяго, от отца и матери. Народ рассказывает, что Тювö был в Соловецком монастыре, но что Изосим и Савватий его не приняли. Другой раз он был в Ношуле, где и умер. Таков образ колдуна, он живет в дремучем лесу один; чтобы научиться его чародейству, нужно отказаться от всего святого – от св[ятой] Троицы, света Божьяго, отца и матери. Следующий колдун представитель тёмной силы. От чар колдуньи погиб Йир-Кап, герой охоты, удальства и подвигов лесных. Но колдовство земная сила сама по себе или же только в освещении, основанном на христианстве? Боязнь колдуна Тювö перед колдуньей Настасьей вносит дисгармонию в характер этого колдуна-зырянина. Вообще, вероятно несколько робки и подозрительны, и эти свойства считают настолько необходимыми, что и героям не отказывают этих особенностей. Припомним здесь о двух колдунах Шыбича и Кöрт-айка, чтобы иметь полное представление о древних языческих духах зырян и чтобы, с другой стороны, лучше понять нам недавние идеалы народа.*[10]

Подобный тип подачи материала наблюдается и в другой рукописи, озаглавленной самим Жаковым «О зырянских сказках»[11]. В начале рукописи расписаны «Принципы подачи зырянского языка на письме», но на зырянском языке приведены только два текста – «Йир-Кап» и «Тювö». Мы сопоставили и проанализировали тексты из магистерского сочинения, публикаций материалов в «Живой старине» (о них ниже) и пришли к выводу, что, несмотря на ранее высказанное предположение об оригинальности записей[12], данные тексты являются переводами. Мы предполагаем, что Жаков после публикации текстов в «Живой старине» работал над рукописью отдельного издания, посвящённого зырянским сказкам, с текстами на зырянском языке, но по неизвестным причинам она осталась незавершённой.

В рассматриваемой рукописи тексты о Тювэ включены в группу сказок, «которые рисуют народный взгляд на князя тьмы, на грешников божьих». После текста на коми языке, которое по существу является дословным переводом текста из магистерского сочинения, следует раздел «Содержание сказки Тювö». Он включает в себя переписанный другим почерком текст из магистерского сочинения (текст приводится выше), дополненный самим Жаковым «другими отрывками из рассказов» о Тювэ. В основном они повторяют содержание «Объяснения к Тювö» из магистерского сочинения, а отличительным сюжетом является встреча Тювэ с графом.

> *Из других отрывков мы узнаем об этом Тювö, что он был в Соловецком монастыре, но что Изосим и Савватий, угодники божьи, его не приняли, потому что Тювö был колдун. Он предлагал некоторым зырянам научиться его заговорам, но зыряне отказывались, потому что для познания «всех его волшебств» нужно проклясть Солнце и Луну, света дневного, отца и мать. Так что для нас Тювö интересен как образ древнего зырянского туна (волхва). Поэтому припомним некоторые бытовые особенности, которые отмечаются в отрывках рассказов о Тювö. Так он жил в дремучем лесу, в двадцати верстах от села, держал быков и лошадей-жеребцов, считался первым коновалом между зырянами. Он был скуп и богат. Деньги свои прятал то в приступке своей избы, то в лесу, подозрительно отнесясь к своим работникам, чтобы никто из них не узнал о его деньгах. Был очень горд. Так народ рассказывал, что приехал граф из Питера в крытой лодке. Работники графа развели огонь на берегу реки недалеко от избы Тювö. Время было очень жаркое. Тювö спустился к реке и увидал там: «Кто таки развел огонь» спрашивал он громким голосом. Граф вышел из лодки и приказал огонь залить водой, мои работники развели огонь. Тювö доставил графу руд разного сорта. Тун страшный для народа, сам волхв – Тювö был весьма суеверен, что видно из приведенного выше отрывка о Тювö. Йир-кап – герой охоты, а Тювö не кто иной, как старый, древний тун.*[13]

Тексты о Тювэ, которые были описаны в рассмотренных работах как отрывки рассказов, публикуются в двух выпусках журнала «Живая старина» в числе других текстов под заголовком «Зырянские сказки» и выделены как «суеверные рассказы из охотничьего быта» о «лесном колдуне» Тювэ. В кратком предисловии автор отмечает обстоятельства, время и место записи, из которых следует, что тексты о Тювэ зафиксированы в 1900 г. на Вишере от Тараса Ивановича Игушева. Жаков дополняет: «Рассказ Тювö есть повествование о жизни действительной личности. Григорий Тювö жил на речке Пукдым, впадающей в Вишеру выше села того же названия»[14]. Тексты приводятся от лица рассказчика в следующей последова-

тельности: Изосим и Савватий не приняли Тювэ в Соловецкий монастырь; Тювэ богат, постоянно перепрятывает деньги: то в ящичке, то в лесу; с деньгами Тювэ отправляется в Ношуль, где умирает, и его деньгами воспользовался товарищ; Тювэ – коновал, оскопил быка, положив рукавицы на быка, а наведавшихся к нему коновалов отправил обратно домой; Тювэ хотел передать рассказчику заговоры и магическую силу, однако тот, по совету своего отца, отказался.[15]

> *Я жил с женою в работниках у Тювö. Граф приехал из Питера, в крытой лодке. Без спросу развели огонь на берегу. Время было очень жаркое. Дядя (Тювö) спустился к реке, на берегу дым идет. «Кто такой развел огонь?» Спустился Тювö и спросил громким голосом – «Кто дозволил развести огонь?» Граф вышел из лодки. «Залейте огонь водой». Поднялся он к старику. «Извините, старичок, мой работник развел огонь. У вас какие встречаются здесь руды? – Да, встречаются, я сам собирал». Тювö дал графу, тот увёз с собой.*[16]

Жаков в предисловии к изданию этих текстов отмечает: «В моей книге «В поисках за Памом Бур-Мортом» приводится характеристика Григория Тювö»[17], тем самым отсылает читателей к указанному художественному произведению. В основе сюжета книги «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом»[18] лежит этнографическая экспедиция Жакова в Коми край. Герой произведения автобиографичен: как и автор, герой путешествует по зырянским селениям и записывает от крестьян сказки и песни. В рамках книги совмещаются два плана: реалистичный (описание географического пространства Севера, описание реальных событий с установкой на достоверность) и мистический (можно отнести к области фентези или фантастики), который является целью поездки и достигается через сказания.[19] В произведении рассказ о Тювэ включён в раздел «Вишера» и вкладывается в уста рыжего Максима. Текст отличается художественной целостностью, основную часть составляет сюжет о конфликте Тювэ с колдуньей Настасьей.

Проанализировав тексты о Тювэ в научных и художественных трудах Жакова, мы не обнаружили аутентичных текстов. Жаков, следуя своей концепции, записывал только сюжеты фольклорных текстов, которые проливали свет на прошлое народа, дохристианское мировоззрение зырян. Тексты, представленные в работах, создавались автором для передачи определённого содержания, используя средства языка. Соответственно, в современной фольклористике рассмотренные тексты могут изучаться в вопросе устойчивости-изменяемости сюжетов о вишерском фольклорном персонаже Тювэ.

Таким образом, научные и художественные разыскания К.Ф. Жакова положили начало в вопросе изучения персонажа вишерских сказаний. По разысканиям краеведа А.А. Панюкова, прототипом фольклорного Тювэ является исторически реальное лицо – Григорий Петрович Коюшев, предки которого были русскими, сбежавшими в начале XVIII в. от крепостного права из центральных районов России. Родители Григория жили в Богородске, бассейне реки Вишера, однако часто

были в бегах без паспортов накануне проведения переписей, чтобы не платить налог. Возможно, поэтому к Коюшевым навсегда прицепилось прозвище «Тюве» (быстрый). Григорий Коюшев родился, судя по переписным книгам, в 1776 г., женился на Марии Фоминичне, часто бывал в разъездах, привозя и читая литературу и прессу, удивляя сельчан рассказами о новых изобретениях в мире (телеграф, пароходы, воздухоплавание). Как только у него появились деньги, в 1845 г. на торгах в Богородском волостном правлении он берет в аренду на 12 лет покосы и землю на р. Пугдым, что находится в 20 верстах от села. У него живут наёмные работники, помогающие 68-летнему старику по хозяйству (заготовка сена, уход за скотиной). Через Пугдым по визирке пролегал путь, по которому ижемцы ездили в Богородскую церковь на поклонение чудотворной иконе Божьей Матери, в с. Нёбдино на Афанасьевскую ярмарку. У Григория Коюшева с женой детей не было, умер в 1848 г., оставив после себя славу колдуна и скупого человека.[20]

В 1920-х годах сюжет рассказа о Тювэ, ожидающем колдунью, из работ К.Ф. Жакова пересказал А.С. Сидоров в монографии «Знахарство, колдовство и порча у народа коми».[21] Более десяти устных рассказов о Тювэ были зафиксированы на Вишере Ю.Г. Рочевым[22], некоторые из текстов были включены в сборник «Коми легенды и предания»[23], а специфическому герою преданий Вишеры – колдуну Тювэ исследователь посвятил отдельную статью[24]. Тексты о Тювэ публиковались в сборниках несказочной прозы в разделах о колдунах[25] и местных героях[26]. В 2010-2017 гг. несколько десятков устных рассказов о Тювэ были записаны авторами данной работы. К этим текстам составлен указатель сюжетов и мотивов[27]. Среди всего корпуса записанных рассказов о Тювэ только один сюжет имеет общие черты с текстами из работ К. Жакова[28], а именно – о конфликте с колдуньей Настасьей (текст приведён выше). Мы обозначили этот сюжетный ряд как «Тювэ и тӧдысь».

Тексты очень разнородные по содержанию. Сразу хотелось бы заметить, что ни в одном из текстов не был зафиксирован мотив причины конфликта Тювэ с тӧдысь, который встречается в работах К.Ф. Жакова. Девушка Настасья с заговорами подрезала уши быка Григория Тювэ, а Тювэ обратил заговор против неё: она заболела и через три года умерла. Дело в том, что этот мотив отражает актуальное на начало XX в. народное представление коми о том, что колдунья (еретьник, тӧдысь) может наносить порчу на домашний скот, подрезая уши животных. Кроме того, обладая магическим знанием, можно обернуть вредоносное действие на его субъект[29]. В XXI в. в данной традиции записываются лишь отдельные упоминания о таком виде магии, и вполне ожидаема его трансформация в устной традиции: магическая обусловленность конфликта заменяется социальной – Тювэ отказался взять в жёны девушку.

Тювӧд сія важӧн вӧлӧма. Сія вӧрасьні, вӧрасе вӧлі мыйкеад, Мартестан – тані Висер ю бокас Мартестан посёлок вӧлі, лесничество. Сылӧн сэтӧн вӧлі вӧр керкас. Сія ме уже йӧз мыйкесянь [кыылі]. Тювӧс..., волӧмась охотникъяс, кык охотник, узьны сы дінӧ вӧзйысясны. Тювӧд шувас: Ыджыдвидзсьыд пӧ, а

ная Вылибса вöлöмась, Матрен пö кулі, Сюзь Матрен ли кыдзи шувас. Сія пö кулі талун, да сія пö локтас менö сёйні. Менам пö сія пöдруга вöлі. Эг пö вай, сэсся пö сія шувис меным: кула пö да тэнö сёйні вола. Вой шöр кадын пö локтас сёйні. Но оз вермы менö сёйні. Выль кöті пö кömöдісні да вильыд пö, да сія поссö оз верми вуджні. Пока пö кытшовтас мыйкесö, сэсся пö сылöн времяс коле. И действительнö, вой шöр кад бöрын пö пон кутіс уутні. Вот пö тай локтіс. Сэсся пон пö кытшовтні кутіс. Öні пö ся водö да узьö. Öні пö сэсся татчö оз нин лок. [Зап. Л.С. Лобанова, А.Н. Рассыхаев 07.06.2013 в дер. Ивановка Нившерского с/с от муж. 1929 г.р.]

'Тювэ давно жил. Он охотился в Мартестане – здесь, на берегу Вишеры, был посёлок Мартестан, лесничество. У него там была лесная избушка. Это я уже от людей [слышал]. Тювэ..., пришли охотники, два охотника, и ночевать к нему попросились. Тювэ сказал: что из Большелуга, а они сами выльыбские[30] были, Матрена умерла, Сюзь Матрена[31] или как уж сказал. Она, мол, умерла сегодня и придёт меня съесть. Она, мол, была моей подругой. Не взял её в жены, тогда она сказала мне: умру, мол, и приду тебя съесть. В полночь, мол, она придёт есть. Но не сможет меня съесть. Новые коты[32], мол, ей обули, они скользкие, и она не сможет через мост перейти. Пока, мол, она обойдёт [реку], её время пройдёт. И действительно, в полночь, мол, собака залаяла. Вот, мол, она пришла. Потом, мол, собака, пошла обходить [реку, лая вслед за Матреной]. А теперь, мол, ложитесь и спите. Теперь, мол, сюда уже не придёт [Матрена].'

В тексте Жакова колдунья Настасья, намереваясь отомстить Тювэ после смерти, приходит к нему, но не может перейти по жерди к дому Тювэ, потому что её обули в новые коты, и они скользкие и узкие. Этот мотив реализуется в следующем варианте: чтобы защитить себя от умершей сухоногой колдуньи, Тювэ обливает водой мост морозной ночью.

(Вöлэма пе кутшемке Тюве?) Тювеыд сія Висерын, абу татэн, сія ю дорас Висер йылас. Корке, висьтоласны важ йöзыд, мыйке восьтэма..., содъяс, Тюве: час пе тавун пета да мыйке час кöдзыд, кöдзыдэн ю поссэ пе кöтöда. Тавун пе локтэ, ог тöд мый нима, тöдысь локтэ. Кос кокнас локтэ пе да, мед пе вильдас да усе. Вой шöр гöгöр кымын пе ме дінэ пондас локны. Пос пе кисьталас, тöдысь пе вой шöр гöгöр кымын..., кулэма нин да локтэ, катшке пе катшке. Он пе пыр, поссэ пе кисьталэма, шорас пе усян. Висьталысьыд тай век эм кодке, Тюве пос сэтэні вöлэма. Но вот Господи благöслöвит. (Эг гöгöрво, кутшем пос киськалэма?) Поссэ, олэ, шор вöлэма сэті аслас вуджан доре, кöнке Ви-

сер йылас, вӧрас ю. Висерас каян, да сылы керкас вуджаніныс пос лэччe, вот Тюве пос, шулэні Тюве пос доре пе ветлім таво. Мый нима нэ, тӧда вед вӧлі, кулэмен сія бабасэ висьталэ, тавун пе сія кулі, пета пе да поскес кисьтала, кос кокыс пе кутас ме дінэ вуджны. [Зап. Л.С. Лобанова 10.06.2012 в дер. Троицк Богородского с/с Коткеросского р-на от жен. 1916 г.р.]

‘(Говорят, какой-то Тювэ был?) Тювэ был в Богородске, не здесь, там около реки, в верховьях Вишеры. Когда-то, старые люди рассказывали, открыл [дверь], настил..., Тювэ [говорит]: сейчас, мол, я выйду, а на улице было холодно, морозно, мост через реку оболью. Сегодня, мол, придёт, не помню, как звали, колдунья придёт. С отсохшей ногой придёт, и чтоб поскользнулась. Около полуночи будет идти ко мне. Мост обольёт, колдунья около полуночи [придёт], умерла уже и идёт, стучит-постукивает. Не пройдёшь, мол, мост облит, упадёшь в ручей. Всегда найдётся рассказчик, был там Тювэ-мост. Но и вот Господи Благослови. (Не поняла, какой мост облил?) Мост, где он жил, там был ручей, но и чтоб к нему перейти, где-то в верховьях Вишеры, в лесу. По Вишере поднимешься, и чтоб перейти к нему, мост спускается, вот это Тювэ-мост, говорят ещё, в этом году, мол, ходили к Тювэ-мосту. Как уж её звали, знала ведь, сказал, что она умерла, сегодня, мол, она умерла, выйду, мол, и оболью мост, сухоногая она будет переходить ко мне.’

В приводимом ниже тексте полночь собака Тювэ своим лаем не дала перейти по жерди через ручей к дому Тювэ другому знающему-тӧдысь (ыджыд тӧдысь, женщина), который хотел его убить:

Тювӧыс пӧ сія эськӧн коркӧ вӧвлӧма. Сійӧ, кӧні Тювӧсӧ висьталӧны, кӧн сія оліллӧма быттен, сія местас Тювӧн жӧ лыддьыссе, сы местас. А Тювӧс пӧ сія вӧлӧма зээ тӧдісь. И сылӧн пон вӧлӧма, Тювӧслӧн. А сы дінӧ вӧлӧм локтӧ мӧд, но сія шор сайын вӧлӧм олӧ. Эсся шорӧд колӧ вуджны сы дінӧ, а мӧдыс сія шор саяс вӧлӧма. Ог тӧд, баба, дашкӧ, висьталӧны ли мужик, сія мед пӧрйӧдлӧм оз ло, баба ли коді. Локтӧ вӧлӧм Тювӧс дінӧ. А Тювӧслӧн понйыс, вот тӧда вӧлі нимсӧ да вуні, ог нин помнит, мый нима и ем. Понйыс вӧлӧма, да понйыс вӧлӧм сія мӧд тӧдісьсэ оз лэдз поссэ вуджні. Толькӧ пӧ сёйӧ-сёйӧ-сёйӧ. А сія вӧлӧм мырдӧн локтӧ, да Тювӧ шувӧ: «Он лок, он лок!» Но вот вуні нимыс мыйкӧслӧн, понйыслӧн. Сія пӧ кутас, он пӧ лок, он пӧ верми. Абу и вермӧма локны ся сіе. Сія бытте мыйкесьыс на, Тювӧсис на ыджыд тӧдісь вӧлӧма. Но всё равно абу вермӧма вуджніс шорсэ. А Тювӧс сія вӧлӧм быдтор тӧдӧ. Даже тая войнаястӧ тӧдӧ вӧлӧм. Гашкӧ, сё во сайын войнаӧдзыс на, кор

вöлöма, уна во сайын вöлі, сэк нин вöлöм тöдö войнасö сіе. Бытте йöзыслы висьтавлывлэма: коркö ловö пö война. Йöзыс пö ёна кулöны. Даже пö поскапомас шуйыс пö ловö да некод пö оз понды вермыны дзебнысö. Тадзи вöлі сёрнитöны, но бабаясыдлысь, пöрысь бабаясыдлысь кыылан сёрнисö да. [Зап. А. Н. Рассыхаев 09.06.2012 в с. Богородск Корткеросского р-на от жен. 1926 г.р.]

'Тювэ, мол, когда-то был на самом деле. Там, где о Тювэ рассказывают, где будто бы жил он, это место [тоже] Тювэ называется. А Тювэ, мол, был очень [много / сильно] знающим. И у него собака была, у Тювэ. К нему шёл другой [знающий], а он <Тювэ> за ручьём жил. К нему через ручей надо перейти, а другой [знающий] был за ручьём. Не знаю, женщина, может, говорили, или мужик, чтоб не обмануть, женщина или кто[33]. Он направлялся к Тювэ. А собака Тювэ, вот знала кличку и забыла, не помню уже, как звали. Собака была, и собака того другого знающего не пускала перейти через мост. Только и облаивает, мол (букв.: ест-ест-ест). А тот упорно пытался пройти, и Тювэ говорит: «Не дойдёшь, не дойдёшь!» Ну вот забыла кличку этой собаки. Она <собака> сдержала, не пройдёшь, мол, не сможешь. Так и не смог тот <знающий> пройти. Он будто бы был более знающим, сильнее, чем Тювэ. Но всё равно не смог перейти ручей. А Тювэ тот обо всём знал. Даже об этих войнах знал. Возможно, за сто лет ещё до войны, много лет назад это было, тогда уже он знал о войне. Будто людям он рассказывал, что когда-то будет война. Людей, мол, много умрёт. Даже на крыльце будут трупы лежать и, мол, никто не сможет похоронить. Так говорили, у женщин, пожилых женщин слышала разговоры эти.'[34]

Как можно заметить из выше приведённого текста, сюжет конфликта с колдуньей сворачивается в мотив и встраивается в ряд характеристик Тювэ как знающего-тöдысь, умеющего предсказывать. Более наглядно это заметно в следующем тексте:

Газетö нин вöлі гижöмась – Тювö ветлöма Ленинлысь нянь корны. Сэтчö нин пысалöмась, Тювöсö нин гижöмась. Кутшöмкö вöлöм Епим – Ленинлысь няньсö корны ветлыллöма! (Л: Татчöс, Висерса жö вöлöма?) Кыськö Висерсьыс жö вöлöма. Грабитчö вöлöм, мыйкекерö, грабиталö да мыйда шайкаясön, мыйкеясön вöлі олö. Ся оз радейтні, висервожсатö весиг узьні оз вöлöм лэдзні. Оз весиг лысьтні висьтавні висервожсьыд, весиг узьнід оз лэдзні. Сэні, кар горувъясад, война кадъясад и начкасні, лэдзасні кö узьні. Вообще висервожсасö ненавидитöні вöлöм. <...> Сія шулыллöма быттьö мыйкö, кор пö Одыб вомön черань везъ-

ялас, сэк пӧ война заводитчас. Война кор заводитчис, телепон таті мыйке Лымваӧ нюжӧдлісны. <...> А сія <шулӧма>: ме пӧ толькӧ кыкысь петалылла мыйкеӧ, берегас кайлылла. Висер вомӧ, этатчӧ вӧлӧм Висерӧ сунышtас, Розтагъя пе сир ыджид, ньылыштӧмысь пӧ пола да петала. Да мӧдлат кыськӧ, налим пӧ, плӧш налим, да мунны ог пӧ верми. <...> Вӧлӧма тӧдісь жӧ – Маръя-мам, Ыджыдвиддзысь. Но пӧ ог тӧд нимсӧ, кутшӧм, мый и нимыс вӧлӧма, Соболь ли мый ли. Талун пӧ Маръя-мам куусяс, локтас пӧ менӧ сёйні. Тэ пӧ эн лэдз поскӧдыс вуджні, мед пӧ ю йыытіс кытшоотас. А ю йыытіс пока кытшоотас, шонді мычысяс, ся пе менӧ сёйні оз верми. <...> Татчӧ катӧ баржа, Висер воме мыен вови, сэсся ставыс [крысаыс] чеччалӧ. Сипертас быдме. Сипертас вӧсна пе сія оз верми пырні татчӧ. <...> (Р: А эз шулыны, мый Тювӧыс крысаяссӧ накажитӧма, мыждӧма?) А кыдзкӧ кыылі, сукар мешӧк пӧ сёйӧма. Сэтысь пе накажитӧма. <...> А вот мамӧ, поконича, вӧлі висьтоллас. Тая олӧм бӧрти пе, значит, зээ бур олӧм ловӧ, но регид кеже. Сэсся пӧ сы бӧрын олӧм ловӧ, да пондам джуджыдінын пӧдтысьні да корсьні, да оз сюр. Рад лован кулӧмыс вылӧ пӧ, да он понды кууні. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 05.06.2013 в с. Нившера от Попова Петра Григорьевича, 1928 г. р.]

‘В газете писали, что Тювэ ходил хлеб просить у Ленина. К нему уже прицепили, о Тювэ написали. Какой-то Епим был, он ходил у Ленина хлеб просить! (Л: Он местный, из Богородска?) Откуда-то из Богородска был. Грабил он, грабительством занимался в шайке, этим жил. Потом не любят жителей бассейна Вишеры, даже на ночлег не пускали. Даже не смели представляться вишерскими, даже спать не пускали [в дома]. Там, ниже города [низовьях Вычегды], в годы войны и зарежут, если впустят спать. Вообще, вишерских ненавидели. <...> Он как будто сказывал, мол, когда Нившеру паутина окутает, тогда война начнётся. Когда [Великая Отечественная] война началась, телефон отсюда до Лымвы[35] протянули. А он <Тювэ> говорил, что только дважды выходит <из воды>, на берег поднимается. В устье Вишеры, вот здесь в Вишеру нырял, в [местечке] Розтагъя[36], мол, щука большая, боюсь, мол, что проглотит меня, поэтому выхожу [на берег]. И в другом месте [выходил на берег], мол, сплошь налимы, и не может проплыть там. <...> Была тоже знающая – Марья-мама, из Большелуга. Не знаю клички собаки, как звали собаку, Соболь или как. Сегодня, мол, Марья-мама умрёт, придёт меня есть. Ты, мол, не пускай её через мост, пусть, мол, обойдёт через верховье реки. А пока обойдёт через верховье реки, солнце взойдёт, потом, мол, меня съесть не сможет. <...> Когда поднимаются сюда баржи, заворачива-

ют на р. Вишеру и все [крысы] выпрыгивают. [Здесь] марьин корень растёт, из-за марьиного корня они не могут подниматься сюда <...>. (Р.: А не говорили, что это Тювэ наказал крыс?) Слышал, говорили как-то, что крысы съели у него мешок сухарей, и за это он наказал их [крыс]. <...> А вот мама моя, покойница, рассказывала. После этой жизни, мол, очень хорошая жизнь установится, но ненадолго. Потом после неё такая жизнь наступит, что будем в глубоком месте [реки] топиться, будем искать – но не найдём. Рад будешь смерти, но не сможешь умереть.'

Полевые материалы начала XXI века отражают современное состояние несказочной прозы коми о колдуне Тювэ. Мы можем заметить, что образ Тювэ со временем существенно обновился. Причина, видимо, кроется в том, что информант К.Ф. Жакова – Тарас Иванович Игушев лично знал Григория Тювэ, работал в его в хозяйстве. Он воспроизводит то, что сам видел, слышал, поэтому его воспоминания о Тювэ близки к реальности, но ещё далеки от фольклорных преданий о колдуне Тювэ. Основными характеристиками Тювэ в современной устной прозе выступают: обладание сверхъестественными знаниями, умение предсказывать будущее, воздействовать словом (останавливает лодку тӧдысь, перегораживает путь крысам на Вишеру), проплывать большие расстояния под водой. Большой по объему корпус текстов начала XXI в. подводит к выводу о динамическом развитии образа вишерского фольклорного персонажа – Тювэ.

---

[1] В современном административном отношении – это сельские поселения Нившера (коми – Одыб), Богородск (Висер) и Большелуг (Ыджыдвидз) с прилегающими к ним деревнями Корткеросского района в бассейне р. Вишера (правый приток р. Вычегда) и её притока – р. Нившера.

[2] Туркин А.И., Каллистрат Фалалеевич Жаков // К.Ф. Жаков. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сост., предисловие и комментарии А.И. Туркин. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. С.5-47.

[3] Жаков К. Этнологический очерк зырян // Живая старина. 1901. № 1. С.3-36.

[4] Лисовская Г.К. Краткая хроника жизни и творчества К.Ф. Жакова // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Ред. В.Н. Дёмин, А.К. Микушев. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55. Сыктывкар, 1993. С. 159-163.

[5] Жаков К.Ф. Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3. С. 63-84.

[6] Лимеров П.Ф. Мифологический мир Каллистрата Жакова, Гараморта // Мифы зырянского севера. Сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: АУ РК «Редакция журнала «Арт», 2016. С.281-300.

[7] Жаков К.Ф. Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3. С. 82.

[8] Жаков К.Ф. Народная словесность зырян и русские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 91. Санкт-Петербург, 1901

[9] Жаков К.Ф. Народная словесность зырян и русские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 91, л. 25-26. Санкт-Петербург, 1901.

[10] Жаков К.Ф. Народная словесность зырян и русские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 91, л.26-27. Санкт-Петербург, 1901.

[11] Жаков К.Ф. О зырянских сказках и зырянские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 118.

[12] Рочев Ю.Г. К.Ф. Жаков и фольклор// К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 55. Сыктывкар, 1993. С. 52.

[13] Жаков К.Ф. О зырянских сказках и зырянские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 118, л. 16-17.

[14] Жаков К. Зырянские сказки // Живая старина. 1908. № 1. С. 92.

[15] Жаков К. Зырянские сказки // Живая старина. 1908. № 1. С. 96.
[16] Жаков К. Зырянские сказки // Живая старина. 1908. № 2. С. 240-241.
[17] Жаков К. Зырянские сказки // Живая старина. 1908. № 1. С. 96.
[18] Жаков К.Ф. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. Издание П.П. Осипова. Санкт-Петербург, 1905.
[19] Лимеров П.Ф., Созина Е.К. Художественный мир К.Ф. Жакова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Ред. Т.А. Снегирева, Е.К. Созина. Екатеринбург-Ижевск-Сыктывкар: Издательство УМЦ УПИ, 2014. С. 349-398.
[20] Панюков А.А. Григорий Коюшев, по прозвищу Тюве, значит, «быстрый» // Арт. 2002. № 4. С.126-131.
[21] Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. Л., 1928. С. 34.
[22] Рочев Ю.Г. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции (Усть-Куломский, Корткеросский районы Коми АССР) // Научный архив Коми научного центра: ф. 5, оп. 2, д. 218а. Сыктывкар, 1977; Рочев Ю.Г. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции (Усть-Куломский, Корткеросский районы Коми АССР) // Научный архив Коми научного центра: ф. 5, оп. 2, д. 233а. Сыктывкар, 1978.
[23] Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. С. 76-78, 79-81.
[24] Рочев Ю.Г. Тювӧ – Висер вожса предание // Войвыв кодзув. 1994. № 7. С. 70-74.
[25] Му пуксьӧм – Сотворение мира / Сост., предисл., примеч. и перевод П.Ф. Лимерова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2005. С. 314-326.
[26] Историческая память в устных преданиях коми: Материалы / Сост. М.А. Анкудинова, В.В. Филиппова. Сыктывкар, 2005. С. 106-108.
[27] Лобанова Л., Рассыхаев А. Устные рассказы о Тювэ: классификация сюжетов по записям начала XXI века // Фольклористика Коми: исследования и материалы. Ред. серии Маре Кыйва, ред.-сост. Л. Лобанова, Н. Кузнецов. Sator 17. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2016. С. 185-222.
[28] Жаков К.Ф. Народная словесность зырян и русские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 91, л. 25-26. Санкт-Петербург, 1901; Жаков К.Ф. О зырянских сказках и зырянские сказки // Архив РГО: р. 53, оп. 1, д. 118, л. 13-15; Жаков К.Ф. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. Издание П.П. Осипова. Санкт-Петербург, 1905. С. 63-64.
[29] Подробнее об этом см. статью: Лобанова Л.С. Некоторые мотивы Великого четверга в прилузской и верхневычегодской традициях коми // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 190-197.
[30] Выльыб – деревня в сельском поселении «Большелуг» Корткеросского района.
[31] Сюзь Матрен – букв. Матрена по прозвищу Сова.
[32] Коты – вид кожаной обуви.
[33] При повторной записи текста информант без сомнения называет персонаж – тӧдысь баба ‘знающая женщина’.
[34] Вариант этого текста был записан от этого же информанта через два дня Л.С. Лобановой. В целях экономии места текст не приводится. Основное отличие второго варианта заключается в том, что знающая-тӧдысь приходит убить Тювэ.
[35] Лымва – деревня в 30 км от Нившеры в верховьях р. Лымва, впадающей в р. Нившера около с. Нившера. В 1970-ые гг. была признана «неперспективной», ныне пустует.
[36] Розтагъя – урочище на р. Вишера.

Арт-факт

«Архаика и современность»: художники о своём творчестве

С 6 по 18 августа в Финно-угорском этнопарке в с. Ыб Сыктывдинского района Республики Коми проходил международный симпозиум этнофутуристов «Архаика и современность». На симпозиум приехали художники из Башкирии, Марий Эл, Удмуртии, Татарстана, Эстонии, городов Российской федерации. Организаторами этого масштабного художественного пленэра стали Финно-угорский этнопарк и Национальный музей РК, курировал проект известный в республике художник-этнофутурист Павел Микушев.

В поисках новых образов, актуальных изобразительных техник и материалов художники погружались в архаичные пласты коми и в целом финно-угорской культуры, их историко-культурный и природный ландшафт. В первый день симпозиума состоялось знакомство художников с памятниками материальной культуры в музее археологии ЕСВ Коми НЦ УрО РАН и отделе этнографии Национального музея РК. Эти впечатления нашли отражение в состоявшихся работах. Неповторимая атмосфера с. Ыб и радушный приём художников в Этнопарке благоприятствовали созиданию и творчеству. С гостями симпозиума беседовал Павел Лимеров.

Эйро Иявойнен (Эстония)

– Вы приехали в первый раз сюда?

– Да.

– Чем вы занимаетесь вообще в Эстонии?

– Я там живу.

– Ваша профессия?

– Я художник, по профессии преподаватель искусств.

– В каком учебном заведении?

– Сейчас я работаю в Тартусской высшей художественной школе.

– Этнофутуризм для вас – это что?

– Так точно я не могу сказать. Я думаю, что это движение или желание, где прошлое и сегодняшний день встречаются.

– Этнофутуризм родился в Эстонии?

– По идее, да, насколько я знаю, там два человека, Каукси Юлле и Свен Кивисилдник, это слово придумали. А как дальше пошло, точно не знаю эту историю. Но я думаю, что если идея бы не пошла по другим финно-угорским народам, тогда, может быть, эта идея там и осталась.

– Вы занимаетесь только живописью или ещё скульптурой?

– Я занимаюсь и живописью, и скульптурой.

– Расскажите о ваших работах на симпозиуме.

– Вот тут рядом перед нами стоят две скульптуры, которые я ещё не закончил. Это деревянные, изготовленные из найденных кусков дерева. Вот я сам резал эти куски, и название им будет «Сны мухоморов». Они связаны у меня с другими работами, которые стоят там на паркете. Там деревянные маски и два полотна, которые сталкиваются с шаманизмом. Но своё направление я называю псевдошаманизмом. Ещё туда можно добавить при желании перформансы или действия, музыку и т.д. Я сам не шаман и сам не из этой среды, но

Эйро Иявойнен, Эстония.

меня этот шаманизм очень интересует, и поэтому эти работы делал. Суть была в том, что название нашего симпозиума – «Архаика», и хотя бы финно-угорские народы, особенно западные, шаманизмом заняты никогда не были, связи у них из прошлого, может быть, от соседних народов. Например, у финнов соседи – саамы, которые в Лапландии живут, там они в каком-то прошлом были шаманистами.

– У них есть шаманизм.

– Да. И тут с юго-севера Сибири – там тоже шаманистские народы, так что они связаны как-то.

– В чём проявляется шаманизм в ваших картинах?

– Картина там углём нарисована, она называется «Взлёт белого орла». Взлёт – ну в каком-то смысле означает переворот сознания, которое шаманы и эти народы получают от мухомора. Это сознание – летит белый орёл в сторону солнца, и там ещё его тень или другой образ, и возможно продолжать дальше

и дальше и дальше. Это перевёрнутое сознание есть что-то другое, не совсем обычное, но они тесно связаны.

Сергей Уваров (г. Пенза)

–Я живу в Пензе, но родился в Удмуртиии, связь у меня большая с Ижевском, там мои корни и всё-всё-всё.

Сергей Уваров.

– То есть сами вы не удмурт?

– Удмурт. В Пензе уже давно, пытаюсь творчеством заниматься, преподаю в училище. Художественное училище имени Савицкого. Это старейшее училище. Ему 120 лет в этом году исполнилось.

– Вы когда пришли в этнофутуризм?

– Я пришёл туда лет 6 назад, когда меня в первый раз пригласили на симпозиум. В Удмуртии тогда организовывались этнофутуристические симпозиумы. Всего их было 10. На первый мне не удалось попасть. А потом меня пригласили ребята. Очень интересный был симпозиум. И вот я начал туда ездить, и мне это очень понравилось.

– До этнофутуризма и после ваше творчество как-то отличается? До этнофутуризма вы чем занимались больше – реализм, авангард или что-то другое?

– Конечно. Раньше у меня в основном был план реалистический. Но я всегда тяготел к авангарду. Традиции в Пензе очень реалистические, и я хотел вырваться как-то из этого круга. Ну вот как раз я попал туда, куда и хотел.

– Что вы вкладываете в понятие «этнофутуризм»?

– Ну, во-первых, это возвращение к своим корням, поскольку я сам удмурт, я рано оттуда уехал, и это как бы возвращение к истокам.

– А как вы видите эти корни, истоки? Изучаете мифологию?

– Ну да, естественно, что-то читаю, что-то нахожу, что-то смотрю, что-то вспоминаю из детства. Ну и потом – свобода выражения мыслей. Мне это очень нравится. Художник всю жизнь учится. Тут, на симпозиуме, я вижу совершено разные подходы. У нас были презентации художников – ни одного нет похожего. Все разные. Все интересные по-своему. Это, конечно, обогащает меня. Я приезжаю с такой головой (показывает, как увеличивается голова), перевариваю всё, что увидел и услышал. В том плане, что разные подходы мышления, технические приёмы. Конечно, всё это можно посмотреть в интернете, но это не то. В процессе такой совместной работы происходит

общение, идёт обмен мыслями, идеями. В общем, я считаю, что расту, что очень вырос, пока работаю здесь.

– Вообще для художника уединение нужно, а вот здесь вы все вместе?

– А я уединяюсь. Я тут рядом нашёл себе комнатку, мне разрешили, и я там работаю.

– Какие темы вы развиваете в целом в творчестве и какие темы здесь в Ыбе?

– Здесь я сделал четыре работы. Последняя – инсталляция. Я давно уже хотел и здесь начал делать удмуртский календарь, интересная тема, там такие образы.

– Удмуртский календарь чем-то отличается от других календарей?

– Нет. Допустим, я сделал работу «Апрель». Апрель по-удмуртски – оштолэзь, месяц быка. Это бык, который в этом месяце напивается воды, когда она растаяла. Потом, допустим, ещё одна работа – «Февраль», месяц волчьих свадеб, кионвуон. Это мне отец ещё в своё время написал, он был удмуртскоязычным писателем, нет его уже. И вот он говорил, сделай. У меня лежал список месяцев. И теперь я сделал две работы, и остальные месяцы тоже сделаю. Это интересно, даже названия образные. Допустим, октябрь – месяц прихода белок. И название уже подсказывает какое-то решение.

Картины в процессе работы.

– Сколько картин здесь сделали?

– Сделал три на холсте и одну инсталляцию. Четыре, в общем. Я сам-то житель городской, я даже завидую ребятам, которые выросли в деревне и всё это видели своими глазами, удмуртский колорит и всё-всё-всё. Мне-то приходится с другой стороны подходить. Меня возили в эту деревню. Но я сейчас так далеко уже отошёл, что мне опять хочется вернуться туда к истинным ценностям, национальным имею в виду.

Измаил Ефимов (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл)

– Почётный член Российской Академии художеств, Заслуженный художник России и Народный художник Марий Эл. И лауреат всяческих премий. Речь-то не об этом. Я с начала 90-х, даже с конца 80-х через разные эксперименты проб и ошибок шёл от академизма к этнофутуризму, как называют искусствоведы, хотя у меня понятия этого не было до 2007 года, и даже когда я составлял свой очередной альбом, я

Измаил Ефимов.

Работа над картиной «Диалог с Кандинским».

не склонялся к этому понятию. Но потом пришлось согласиться. Согласиться с такой подачей материала, с такой концепцией, понятием такого направления или тенденцией в живописи, связанной с обращением к первоисточникам и к древности. Конечно, это меня привлекло, потому что у меня был богатый опыт, опыт исследования академической живописи и этнического материала. Но я сразу же с самого начала отказался от иллюстративного, описательного подхода к живописи в своих работах. И начался период вот такой активной жизни. Меня это сильно втянуло, и за короткий период смог создать целые циклы этнофутуристических работ, которые потом на выставках были. Сначала в Финляндии, потом по городам Венгрии, ну и последний этап завершился в Германии и Бельгии, в Музее современного искусства, куда мою коллекцию взяли. И самые последние работы поступили в коллекцию галереи Рейнджер в Цюри-

хе Швейцарии в прошлом году. Между вот такими важными для меня периодами были поездки на симпозиумы по приглашению организаторов на территорию Удмуртии. Потом Татарстан, потом опять Удмуртия, и вот десятый для меня уже симпозиум здесь в Коми, где мы со своими единомышленниками, коллегами встречаемся и обмениваемся, пытаемся приобрести опыт из живописи других регионов.

Конечно, у меня интуитивно-спонтанный подход – то, что в какой-то момент подпитываюсь чем-то. И впечатления ложатся на мой предыдущий опыт. Соответственно, я выбираю какую-то зацепку, от чего можно дальше развивать свою идею, т.е. это может быть такая деталь музейная, или какой-то факт, или увиденный эпизод в сельской жизни за короткий период, потому что нас активно знакомили с фольклорно-этническим материалом в предыдущих проектах. И тут обобщение на весь финно-угорский мир. Вот эти частности в моей голове обобщаются. Был посыл от увиденного в Национальном музее Республики Коми. Я знал факты о пребывании Василия Кандинского здесь, в вашей земле, и этот факт дал толчок для его дальнейших поисков, и этот мотив я сам увидел своими глазами в музейных артефактах, то, что мог Кандинский увидеть и представить в своих картинах. И я решил немножко вступить в диалог с прошлым и самим Кандинским, исходя из каких-то элементов его творческих находок, более абстрактных. Я и попытался создать две композиции, первые вот две – диалог с Кандинским. Ориентировался на

Юрий Лисовский, Измаил Ефимов, Павел Лимеров.

Альфия Саргин.

музейный материал из домашнего быта, деревянный, раскрашенный. Ну вот какие-то ассоциации я перевёл на язык живописи, экспрессии, потому что основа живописи Кандинского экспрессия – и динамическая, и цветовая, и композиционная. Вся структура выстроена на исключительно активном раскрытии абстрактных образов. Потом, правда, у него были конструктивные композиции – уже следующий этап творчества. А первоначальный, который меня привлекает, это вот динамизм или экспрессионизм даже. И потом здесь же попытался и свой марийский материал чуть-чуть как-то перевести и перенести частично. Последние работы – вот, Хуан Миро, тоже знаменитость равной величины в мировой живописи. Я очень в последние годы акцентирую внимание на нём. Вот такие творческие диалоги с мастерами прошлого. Фернан Леже для меня тоже очень хороший пример, своей контрастностью цветовых соотношений, простотой и подачей материала, простотой форм и конструкцией, в том числе и сдержательной. Я здесь чётко выстроил контрастность композиционную. Ну, это уж как получилось, это я так смело говорю: то получилось, то сделал.

Альфия Саргин
(г. Казань)

– Я из Татарстана, Казани. Я представитель немногочисленной группы тюркских народов, я занимаюсь исследованием слоёв временных культурных работ, коллективной памяти. И мне было интересно очень.

– Поясните, что значит вы работаете с коллективной памятью? Это как – вы психолог?

– Нет, я художник. Но я считаю себя исследователем, потому что погружаюсь в эти культурные и временные слои, потому что коллективная память – это же миф. Здесь, в Коми, мне было интересно проследить наши исторические связи тюркских и финно-угорских народов, и я посвятила композицию этой теме, потому что очень много взаимовлияний культур, в том числе и на нашей территории, на территории бывшей Волжской Булгарии, на котором возникло Казанское ханство. У нас очень большой компонент финно-угорского мира, так же, как и здесь. Когда мы посетили музей, очень много похожих вещей из нашего региона. Перед приездом сюда я прочитала «Записки» путешественника Ибн-Фадлана, который описывает некий народ, который жил на этой территории, и были торговые связи между нашими народами. Я привезла сюда из Волжской Булгарии керамику, она идентифицирована 10-13 веками. У нас было единое солнце. Мы все вы-

шли из одного языческого мира, поклонялись общим богам, солнцу, небу, поэтому тут у меня солнце, а здесь понятно, что это Всевышний.

– Вы всегда занимались этнофутуризмом или вы пришли к нему спустя какое-то время?

– Нет, я всегда занималась, просто не могла это обозначить как этнофутуризм. Сначала я исследовала исламскую мифологию, оказалось, что ислам расцвёл на христианстве. Все персонажи в Коране заимствованы из Библии. И сейчас у меня есть такой проект, где хочу показать, что мы все – едины. А тут ещё сделала две работы. Я как художник-исследователь написала дневник и назвала его «Чудеса страны Коми». Тут мои мысли и сказка, которую я сочинила. Не то собака, не то олень, не то птица, не то человек. Кто? Такая сказка получилась о чудо-собаке. Немножко у меня сюжет поменялся, потому что у этой собаки оказались человеческие глаза, и кончается история тем, что собака живёт с человеком, потому что всё она растеряла: и крылья, и копыта. Остались только глаза, поэтому она всегда только с человеком. А это тоже вот чудеса. В тюркской мифологии нет таких превращений. А тут у вас я прочитала, что происходит много превращений – животных в человека или человека в животных. В общем, очень много колдовства. У меня здесь даже чудо то, что тут много ягод – брусника, костяника, поэтому они у меня везде появляются. У нас же регион степей, у нас ягоды есть, но не в таком масштабе. Я тут описываю запахи. Здесь мне хотелось показать именно мои ощущения этих чудес. Быть здесь для меня – это чудо.

Татьяна Зыкова
(г. Ижевск)

– Я художник из Ижевска, это Удмуртская республика. Я преподаватель Удмуртского государственного университета, институт искусств и дизайна. Также я являюсь членом творческого объединения «Ижкар».

– Вы – профессиональный художник?

– Думаю, да.

– Вы пришли в этнофутуризм примерно в каком году?

Татьяна Зыкова.

– В 2012 году. В 2011 я вступила в творческое общество «Ижкар», председатель которого Юрий Лобанов является организатором этнофутуристических симпозиумов. В 2012 году был симпозиум в удмуртской деревне Дулесово. В прошлом году был последний симпозиум, завершающий десятилетний цикл.

– Что вас привлекает в этнофутуризме?

– Во-первых, более тесное знакомство и общение с художниками-этнофутуристами. Знакомство с этим направлением у меня началось в 2012 году. Лозунгом было «искусство цвета». Мне сама эта формулировка очень понравилась. Возможно, в идее этих этнофутуристичеких симпозиумов было создание личностной мифологии на основе финно-угорской, тюркской, славянской мифопоэтики. Там художники имели дополнительно возможность открывать себя, почувствовать территорию. Приезжая в какую-то деревню, мы знакомились с местом и жителями. Одной из функций, задач была просветительская, т.е. мы общались с населением, мы несли современное искусство к народу, мы сами шли туда. Проживая, общаясь, наблюдая эту территорию, прочувствовав её, рождались наши работы, тоже познакомившись с мифологией и какими-то историями.

– Вы переносите мифы на холст? В чём смысл вашего искусства с точки зрения на миф?

– В данном случае я хотела бы как раз продемонстрировать свою рефлексию по поводу проживания на этой территории. Впечатления построены на мифопоэтике. Очень поэтичная территория, прямо песня какая-то. Есть сказки, мифы, истории.

– Где вы знакомились с песнями и сказками?

– Песня – это образно говоря, т.е. мелодично очень. Ну, здесь я снова встретилась со своими друзьями-художниками. Я не могу назвать себя исключительно художником-этнофутуристом, я участвую во многих проектах в Ижевске, связанных с современным искусством. А здесь я открыла для себя новых художников, в частности Веру (фамилию не помню). Она сама из Кудымкара и рассказывала про свою работу. С ней мы как раз беседовали на тему мифов Республики Коми.

Валерия Осташова (Сыктывкар)

– Художник, делаю творческие проекты, материалы подбираю в зависимости от идей, поэтому какой-то конкретной техники и материала у меня нет. Я живописью не занимаюсь. Цвет чувствую не тонко, т.е. у меня нет живописных работ. Есть графика, акварели, объекты скульптуры.

– Первый ваш выход в свет в качестве этнофутуриста?

– 98-й год Муравейник.

– Перформанс?

– Нет, это было без меня. Причём я там в титрах везде участвую, ну, в каталогах это написано. Но работ там моих представлено не было. Первое было Муравейник – это на Ленина выставочный зал. По концепции – объекты нашего социума с разных сторон, объединённых в одно большое целое.

– Сейчас 2018 год. Тогда ты просто была художником, а сейчас ты этнофутурист.

– Я до сих пор не понимаю чётко этого названия, и я считаю, что это выгодное маркетинговое название. Когда в первый раз пошло это этнофутуристическое движение, наш Союз художников был весь занят художниками-ре-

алистами, и некуда было даже сунуться. А тут появляются люди, которые делают другое искусство, которое у нас не афишировалось, а было по мастерским, по углам. И это было интересно. И в этот приезд мне тоже самой интересно, что это думающие люди и, т.к. у нас среда замкнутая художественно, все друг друга знают, по горло друг другом сыты, т.е. нету никакого нового движения, свежей крови хочется. А здесь смотришь – такой человек, такие вещи делает. Они все разношёрстные, все разные. Казалось бы, хаос делают, но это всё очень точно. Чем проще изображение пятна, тем оно должно быть точнее, и уровень этой точности зависит от профессионализма художника. Для меня практически каждый из этих участников – открытие просто. И это полезно для здоровья. Художественного, естественно, творческого.

– Говоришь, этнофутуризм для тебя только маркетинговый ход. А смысл тогда вот этих ваших симпозиумов, которые проходят под эгидой этнофутуризма? Я всегда думал, что этнофутуризм – это этнографический авангард, т.е. осмысление каких-то этнографических реалий художником.

– Если кто-то делает ошибку, самый верный способ – идти к первоисточнику. А этнические моменты – во все времена люди стремились к гармонии с окружающим миром, с природой. И, может быть, изначально была система адаптации к этой гармонии проще, символичней. Поэтому это можно назвать национальной-ненациональной, финно-угорской-нефинно-угорской. Думаю, это свойственно для всех народов.

Валерия Осташова.

– Как художник, ты в реализме себя никак не реализовывала?

– Нет, у меня есть реалистические зарисовки, чисто как учебная тетрадь. У меня все акварели, все картины – абсолютно реализм. Он свой, но это реализм. Но вот назови любую картину, и я скажу, где и как это нарисовано. Это всё по-настоящему, всё реализм. Я ищу композиции в реализме. Чтобы меня штырило нарисовать какую-то работу, я ищу какое-то композиционное пятно. Оно вдохновляет, и хочется сделать.

– Я помню твои картины в Глотовской разрушенной церкви.

– Всё правда, всё реализм. Все до единой работы. Как Нинка (Обрезкова) на рыбалку ходила, как сёмга из реки выбрасывалась, как в 23 автобусе зашли две бабки и начали говорить по-немецки, я чуть не офигела, приехала в Затон и спрашиваю, какая там валюта – это тоже реализм.

Анатолий Степанов.

– В последние годы я знаю тебя как иллюстратора. Иллюстрации к рассказам Елены Афанасьевой – они что-то тебе дают новое? И работа в журнале «Радуга»?

– Если по чесноку, само решение. Когда они искали иллюстратора и время было подрежено, нужно было делать срочно, а объём большой. Было нужно принять какое-то решение, какой-то приём, чтоб оно сработало с маркетинговой точки зрения, потому что книгу заказывают-то вообще не слепые. Но я нашла это решение и сделала.

Анатолий Степанов (г. Ижевск)

– Я художественный руководитель студии керамики «Мугур». Мугур – это песни земли, напев земли. В последнее время занимаюсь ленд-арт скульптурами. Ленд-арт – это когда используется материал, который создаёт природа: это ветки, коряги. По сути, это в основном бросовый материал, который сжигают, выбрасывают в овраги, дробят. Вот из этих веточек, коряг с помощью саморезов и шуруповёрта получаются такие интересные скульптуры. Это в основном из анималистического жанра – лосей, жирафов, носорогов, быков, оленей.

– Каким образом то, что вы делаете, соотносится с этнофутуризмом?

– Я просто работаю. Не хочу на этом заострять внимание, но знаю, что в народе эти материалы использовались всегда. Я помню, что дед делал из веток и коряг вилы, инструменты для лучковой пилы. Эти способы давно используются. Поскольку появился новый материал – шуруп, саморез. И это даёт возможность для создания скульптур.

– В Ижевске есть ваши скульптуры на улице?

– Да, немного. Я уже лет восемь работаю над этим, и меня признают, я бы сказал, во всём мире. Эти скульптуры меня возят. Например, в 14 году меня приглашали на месяц в Америку в арт-резиденцию. В этом году в Финляндию приглашали тоже скульптуры делать. В июне проводил мастер-класс в Эстонии. И в этом же году мы провели в Удмуртии очень большое мероприятие – это симпозиум, именно создавали скульптуры, используя саморезы, разные веточки, и получилось около 15-16 арт-объектов. Называется это место Дондыдор в Глазовском районе. Донды – это удмуртский герой.

– На симпозиум этнофутуристов вы как попали?

– На этнофутуристические симпозиумы я ездил в Эстонию два раза. И сюда меня пригласили делать скульптуру из

веток, но оказалось, что веток нет. В первую очередь мне бы хотелось, чтобы эти скульптуры сработали как пример: материал есть, только складывай, фантазии не надо.

– Что вам дают такие встречи с художниками?

– Общение в неформальной обстановке, идеи. Пописать я тоже собирался, красок набрал, немного поработал тоже. Со многими я, конечно, знаком. Но есть и такие, которых я в первый раз увидел.

Валерий Савин
(Удмуртия)

– Участвую уже на седьмом симпозиуме с 2008 года. Юра Лобанов позвал меня в Елабугу, и с тех пор с 2008 года во мне родился и постепенно-постепенно растёт этнофутурист, так сказать.

– А что такое этнофутуризм?

– Это, наверное, всё-таки когда через искусство человек открывает свои корни и такими корнями через изображение сохраняет свои традиции. Но мне как этнофутуристу интересно изображать архетипы, когда всё искусство когда-то было единым целым.

– Что значит единым целым – это как?

– Единым целым, это когда всё человечество было одно практически, но, люди ещё не были разделены на удмуртов, марийцев, башкир, татар и так далее. Когда-то всё было одно, и мне кажется вот так.

Валерий Савин.

– То есть икусство было общим, всеобщим, и что оно изображало?

– Оно, наверное, изображало отношение к окружающему миру, мне кажется.

Для меня, например, искусство тоже ритуал, как общение с потусторонним, когда я пишу картину, во мне играют какие-то языческие ритмы бубнов, барабанов, и во мне всё просыпается. И я иногда начинаю и танцевать. Бывает и такое. Симпозиум – это всегда счастье, общение с художниками, обмен опытом, это всегда интересно.

– Симпозиумы подобные часто бывают?

– В год один раз. Каждый год. Август для меня – это золотая пора, этнофутуристическая пора, когда я превращаюсь в этнофутуриста, и жизнь предоставляет мне такую возможность общаться с художниками.

Зоя Лебедева.

Зоя Лебедева (Удмуртия)

– Сейчас живу в Тарту, но сама я из Удмуртии, из Бураново. Я хотела сказать, что смысл того, что мы собираемся вместе – это человеческое общение. Для меня – это как ритуал, как общение с богами, с природой.

– Зоя, как давно вы стали этнофутуристом?

– Я изначально этнофутурист, потому что работаю со старыми технологиями, я текстильщица. Изначально эта традиция идёт с пещерных времен, когда жилище только появилось. Я так предполагаю, что самые примитивные станки давно уже возникли. И вот именно это меня всегда интересовало. Я же в советское время училась, и поэтому у нас никогда ни про семантику и про всё не говорили вообще, говорили о советском сувенире. Нас учили этому – ковры, сувениры.

Но мне рассказывали про сказку, которая заложена в ковре, тогда в 70-е ещё специальных исследований не было. Не было человека, который рассказал бы нам о народном орнаменте, про обряды, связанные с ковроделием, вообще о мифологии, ритуале. Ничего не рассказывали, это такой дикий пробел, потому что объёмно мир воспринимать можно через образ, в котором существуют музыкальная часть, перформанс.

– Вы знаете удмуртскую мифологию?

– Вы знаете, я выставку делала однажды, она называлась «Текстиль Зои». Пришёл американец, и он спросил, расскажите мне про эти предметы. Там был текстильный предмет, очень ин-

Короткий отдых.

тересный, плоский, а на плоскость надевается кукла. Я нызываю его онгон. Об этих онгонах можно сколько угодно говорить. Но они были в Бурятии, а мне почему-то показалось, что мне это очень близко.

– Онгон – это изображение предка, онгон – в вашей терминологии это что?

– Это из Бурятии. Онгон мог быть профессиональным, он может быть личным, он может быть просто гендерным, женским, допустим, при родах помогал. Вот, молодая девушка умерла, утонула, и для неё делают онгон, он - её тело. И когда я начала рассказывать этому американцу то, чего я сама напридумывала, он стал записывать и думал, что это удмуртский миф. И этнофутуризм, мне кажется, связан с поколением, которое уже вбирало в себя мифологию. Этнофутуризм – он глобален. Мы можем кочевать из одной культуры в другую, мы имеем на это право, потому что мы живём в этом веке. Ничего уже не вернёшь. Не законсервируешь.

– То есть вы можете взять из одной культуры и соединить с культурой другой?

– Я могу вообще придумать сама, потому что это всё модули. Взять модули из разных культур, соединить, вот и получается новая, несуществующая

культура, которой раньше не было. Мне это интересно, я не могу повторять за учёными, что было вот так и вот так, я могу им просто не верить. Возможно, так и было, а возможно, и было по-другому, и если даже это было не так, всё равно всё сводится в одну точку, где люди научаются красиво общаться друг с другом. Внутренняя красота одного человека из одного конца планеты и из другого говорят на одном языке. Для меня важна и роскошь человеческого общения – это вот как раз про встречи с художниками, потому что мы все в основном сидим дома. Вот для него особенно, потому что он с села, из деревни (показывает на В. Савина).

– Из какой деревни?

В.С.: Камыжево. Деревня небольшая, не очень маленькая и не очень большая – 120 жителей. Я считаю, что это не очень маленькая для севера, я как раз там живу, где неподалёку берёт начало река Кама.

– Маленькая удмуртская Кама?

В.С.: Очень маленькая. Я на открытии покажу перформанс, «Утчан» называется, что значит «поиск», и некоторые думают, что я шаманством занимаюсь, но никакого шаманства там нет. Никаких ритуалов там нет. Просто перформанс для меня – это проведение современного искусства, там пластика, звуки, жесты.

З.Л.: Целомудрие, которое вот в нём есть, в перформансе проявляется. Там всплывает просто. В жизни, может быть, у него какая-то броня есть. Но всё равно в этом перформансе именно вот это целомудрие я прочитала. Слышала, что он целомудренный человек. Совсем необязательно, что в деревне надо быть целомудренным, просто сохранение внутренних ценностей в человеке – это и есть художник.

Эйро Иявойнен (Эстония). «Ритуал».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Измаил Ефимов (Республика Марий Эл). Диптих «Диалог с Кандинским в Коми». *Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.*

Измаил Ефимов (Республика Марий Эл).
«Контрасты наследия». *Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.*

Павел Микушев (Республика Коми).
«Ритуальный танец». *Холст, акрил.*

Сергей Уваров (г. Пенза). «Волчья свадьба. Февраль».
Акрил, ассамбляж. Фото Измаила Ефимова.

Сергей Уваров (г. Пенза). «Каджером».
Фанера, акрил, ассамбляж.
Фото Измаила Ефимова.

Сергей Уваров (г. Пенза). «НЛО».
Холст, акрил.
Фото Измаила Ефимова.

Татьяна Зыкова (Удмуртская Республика). «Archaic female world always exists» / «Архаичный женский мир существует всегда».
Холст, акрил, рубероид. Фото Измаила Ефимова.

Татьяна Зыкова (Удмуртская Республика). «Archaic male world always exists» / «Архаичный мужской мир существует всегда».
Холст, акрил, рубероид. Фото Измаила Ефимова.

Зоя Лебедева (Удмуртская Республика). «Да».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Зоя Лебедева (Удмуртская Республика). «Луна».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

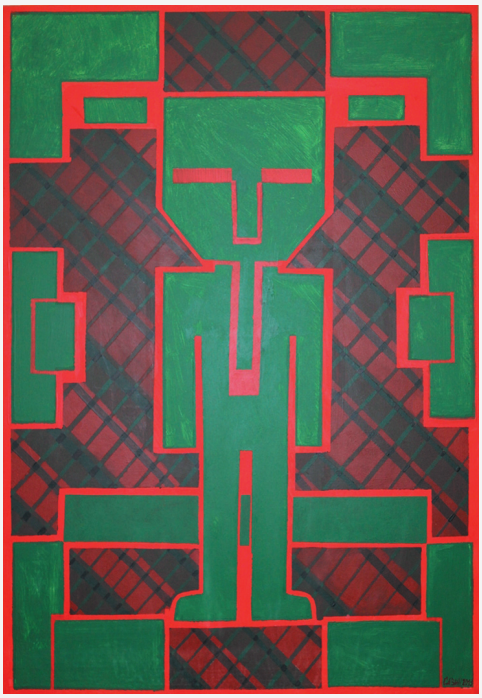
Альфия Саргин (Республика Татарстан). «Чудо-собака».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Альфия Саргин (Республика Татарстан).
«Белый олень Йиркапа».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Анатолий Степанов (Удмуртская Республика). «Хлебная гора I».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Анатолий Степанов (Удмуртская Республика). «Хлебная гора II».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Валерий Савин (Удмуртская Республика).
«Несущий жизнь». *Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.*

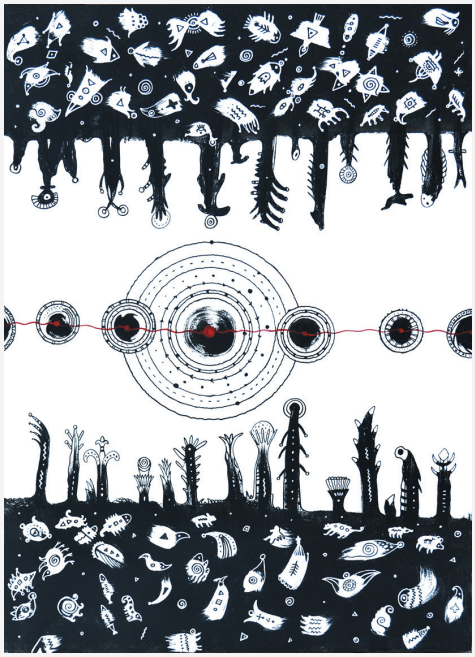


Валерий Савин (Удмуртская Республика).
«Автопортрет этнофутуристический».
Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.

Валерия Осташова. «Романтика белой ночи». *Ассамбляж.*

Валерия Осташова (Республика Коми). «Многоточие». *Ассамбляж.*

Вера Мехоношина (г. Кудымкар, Пермский край). «Предки» («Пера и Зарань»). *Лён, набойка. Фото Измаила Ефимова.*



***Юрий Лисовский (Республика Коми).* «Сон-река».** *Холст, акрил.*

***Ирина Федосова (г. Санкт-Петербург).* «Тяготение».** *Холст, акрил.*

Альфия Саргин. Арт-объект «Дорога к солнцу» (о многообразии и единстве народов России). «Наше Солнце одно для всех».

Эйро Иявойнен (Эстония).
«Маски». *Дерево, акрил.*

Альфия Саргин (Республика Татарстан).
Арт-объект «Дневник исследователя».
Аутентичное полотенце, текст.

Ринат Миннебаев (г. Уфа).
«Identika».
Холст, акрил, ПВХ.
Фото Измаила Ефимова.

Ринат Миннебаев (г. Уфа).
«Пестрядь».
Холст, акрил, нефть.
Фото Измаила Ефимова.

Анатолий Степанов (г. Ижевск, Удмуртская Республика). «Кӧр» (Олень). *Дерево. Фото Измаила Ефимова.*

Пётр Рябов и Александр Рябов (Мордовия). «Мадонна». *Дерево. Фото Измаила Ефимова.*

Зоя Лебедева (Удмуртская Республика). «Чудь». *Холст, акрил. Фото Измаила Ефимова.*

Коллектив редакции журнала «Арт» выражает искреннюю благодарность

Члену Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
Валерию Петровичу МАРКОВУ

Депутату Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации
Ольге Викторовне САВАСТЬЯНОВОЙ

Депутату Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
Ивану Владимировичу МЕДВЕДЕВУ

Председателю комитета Госсовета Коми
по законодательству и местному самоуправлению
Нине Александровне НЕСТЕРОВОЙ

Депутату Государственного Совета Республики Коми
Татьяне Алексеевне САЛАДИНОЙ

Благодаря Вашей спонсорской помощи удалось оформить
подписку на журнал «Арт» для 145 школ
и 5 социальных учреждений Республики Коми.
За это Вам огромное спасибо!

Также благодарим
Акционерное общество «Монди Сыктывкарский ЛПК»
за многолетнее плодотворное сотрудничество!

mondi

АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ

http://www.artlad.ru/

Подписной индекс: П4453

АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ